Семён АФАНАСЬЕВ

2020

АЛЕКС и АЛЕКС - 4

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Попадание в твой медицинский чип сознания учёного из более развитого мира, оказывается, автоматически проблем не снимает. Где-то даже наоборот: в силу ряда независящих от тебя причин, проблемы могут только углубиться.

- Глава 1
- Глава 2 (утром перечитаю)
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7 (не уверен. Вечером перечитаю свежим взглядом)
- Глава 8 (утром перечитаю)
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15 (пока начерно)
- Глава 16
- Глава 17 (неточно. Через три часа перечитаю)
- Глава 18
- Глава 19
- Глава 20 (не уверен. Через 2 часа перечитаю)
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23 (с утра перечитаю)
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27

Глава 1

— Вы неплохо успеваете. Вам не о чем беспокоиться. — Сухо роняет Бак, не отрываясь от каких-то своих листков за рабочим столом на кафедре.

Интересно, а что это у федералов за мода работать с бумагой? Так тыловикам легче воровать? Или тут есть что-то, чего я не понимаю?

В принципе, даже муниципальный документооборот давно в электронном виде автономен, самодостаточен и функционален.

— Не хотелось бы вам навязываться, — не спешу отходить от его стола. — Но тут стоит условием обязательное получение вашей личной отметки. Без этого, пишут, к следующему тесту не допустят!

— Я давно поставил вам эту отметку! — удивляется Бак, наконец отлипая от своих залежей папируса и поднимая глаза на меня. — Дайте сюда! — он зачем-то нетерпеливо выхватывает казённый комм у меня из рук и, игнорируя виртуальную клавиатуру, по старинке мажет пальцами по экрану.

Зайдя чуть сбоку и заглядывая через его плечо, наблюдаю за его действиями.

— А-а-а… вот оно что… — выдыхает он. — Отметка нужна *ваша*, но разблокировать директорию вам должен я. Пардон… три минуты… — Одной рукой он подгребает к себе обратно свои бумаги, а второй что-то делает уже на своём устройстве. — ВСЁ! Можете идти сдавать дальше, что там у вас по графику…

— Могу спросить, а что это было? — на всякий случай, интересуюсь из чистого любопытства. — Опять же, не сочтите за нахальство.

— У вас, как у заявившегося на чемпионат по прикладной искре, чуть изменился статус в системе. — Неожиданно охотно поясняет он. — С учётом вашей специфической биографии, — куратор беззвучно добавляет губами «отсутствия искры» и многозначительно стреляет глазами вокруг себя, в сторону других присутствующих, как будто это большой секрет.

Зря. На нас никто не обращает внимания, каждый занят своим делом. И это действительно так, вижу с помощью чипа.

— Это что-то даёт мне в практическом плане? — тут же ухватываюсь за услышанное.

Жойс говорит, любой особый статус в армии чреват как нависшей над тобой жопой, так и дополнительными возможными привилегиями.

— Само по себе нет. — Твёрдо отрезает Бак. — Кроме, разве

что, тридцатипроцентной скидки на переэкзаменовку. Если что-то завалите с первого раза. И на пересдачу пойдёте за деньги.

— Спаси Иисус! Вроде, по всем пунктам готов. Тьфу три раза, — рефлекторно осеняю себя крестом.

После тлетворного влияния Жойс и посещения с нею вместе католической церкви вчера, в воскресенье.

В этот момент, мой комм разражается трелью неубиваемого сигнала одного из федеральных серверов.

— Требует доказательства какой-то темы, — теперь вздыхаю я, беспомощно глядя на Бака. — Что ему дать?

— Введите дату чемпионата. Доказать иначе ничего не получится. Недоработки программного обеспечения, — небрежно отмахивается куратор. — Не обращайте внимания, через три минуты он сам замолкнет.

Легко сказать. Попробовал бы он сам не обращать внимания на такое.

— Видимо, это оттого, что я заявил вас по упрощённой процедуре. Теперь он не находит в вашем деле половины файлов и нервничает. — Отстранённо вещает куратор.

— Кто «ОН»?

— Автоматический судья-информатор на сервере министерства… — бормочет подполковник, сверяя один лист с другим. — Кстати! — спохватывается он, когда я уже похожу к двери. — Хотел вас успокоить, на всякий случай! В принципе, этот турнир порой выигрывают кадры и послабее Честера! Там как карта при жеребьёвке ляжет. А уж учитывая вашу победу над концентратором… И напоминаю, вам не надо выигрывать весь турнир. Достаточно будет буквально одной-двух побед на старте, дальше прецедент сам о себе заговорит. Лично я перед вами бо́льших задач не ставлю. Да, чуть не забыл! — Бак воровато оглядывается по сторонам и пальцем делает мне знак подойти к нему обратно. — А как вы уговорили Стоуна на автомат по физподготовке?! — шепчет он, излучая явное любопытство. — Он и так автоматами, сказать мягко, во всём Корпусе не сорит. А ещё в адрес нашей кафедры… Я был удивлён.

— Мне он не показался агрессивным, — старательно припоминаю детали последнего посещения физкультурного сектора. — Знаете, он на своей волне, конечно. Но лично моё мнение: если ты искренне любишь спорт, неважно, кстати, какой, то с ним общий язык найти можно.

Бак по-прежнему требовательно смотрит на меня.

— Вначале он удивлялся, что наша кафедра может пройти их полосу без гаврилы. Затем, когда я уже уходил с того занятия, он обещал своим какую-то потрясающую ночь перед рождеством за

то, что «*… черепа, вон, лучше вас справляются! Вообще без защиты!*». — Добросовестно пересказываю недолгую историю своих отношений со здоровяком-майором. — А на тестировании я к нему лично подошёл и в лоб спросил: что нужно сделать для автомата? Он чуть подумал, потом сказал, что вопросов не имеет и автомат мой.

— Вот так просто? — скептически поднимает бровь Бак.

— Ну, я ещё один кирпич с собой взял. Старшекурсники подсказали. Этот кирпич там при нём разбил и ответил на его вопросы. Видимо, ему мои ответы тоже понравились.

— Уже боюсь спрашивать, о чём вы с ним могли говорить… — бормочет Бак.

Которого распирает крайне несвойственное ему любопытство, отчасти выглядящее мальчишеством.

— Он спросил, какими частями тела я так ещё могу.

— А вы ему что?..

— Честно ответил. Всеми. Я действительно закаляю всё тело, — поясняю удивлённому куратору. — Мастер Донг говорит, нет смысла вкачивать что-то одно. Подготовленными должны быть все поверхности, тогда и «алмазная рубашка» лучше работает. Тем более, мне с чипом это намного легче делать, чем обычному человеку.

Не объяснять же, что Алекс обменом веществ управляет целенаправлено.

_____

Там же. Через минуту.

— Видимо, Стоун поразился, что кто-то кроме него тоже ломает кирпичи головой, — один из офицеров, хихикая, присаживается на стол Бака.

— Майк, слезь с моего стола. — Спокойно просит Бак, возвращаясь к работе. — Чуть мешаешь.

— Да мне просто интересно, — игнорирует его просьбу второй подполковник, имеющий по слухам кое-какие отношения с семьёй Энзи. — Это же что твой должен был учудить…

В этот момент кафедру неожиданно пронизывает дикий крик.

Все вздрагивают.

Заведующий кафедрой с матом проливает часть кофе на собственный стол, вовремя успевая убрать рукав форменной рубашки.

Донимавший Бака коллега держит в воздухе левую руку, которой он опирался о стол и с которой сейчас капает кровь. Форменный рукав приколот к основанию его ладони степлером. Последний сам Бак деловито прячет в ящик.

— Вы что, бл…, с ума сошли с утра оба?! — наливается

нездоровым багрянцем заведующий кафедрой.

— Ой, а у меня научный совет на втором этаже. — Бак мгновенно поднимается и в две секунды исчезает из помещения.

Занимавшиеся своими делами офицеры недоуменно переглядываются, опасаясь что-то говорить вслух.

Полковник ещё какое-то время матерится, затем ревёт в сторону пострадавшего:

— Какого х#я ты Дездемону изображаешь?! Мотай в санчать!

— Бак же и сам в молодости кирпичи головой колол. — Тихо замечает кто-то с углового стола. — Я же помню, из какого он училища ***на самом деле****…*

Речь говорящего прерывается громким криком заведующего кафедрой, приказывающего всем немедленно заткнуться, вернуться к своим делам и обеспечить в помещении полную тишину.

_____

— Десятка. — Уныло ворчит Хаас. — Тысяч. Но зато верняк. Он будет отвечать на все вопросы по этому делу: что-то там посмотрел; говорит, вообще нет ничего особенного. Просто, видимо, внутренние интересы полицейских. Потому так дорого.

— Вот список позиций, чьи имена нужны для отработки. — Поворачиваю к Анне свой комм экраном. — Деньги тебе сбросить?

— Можешь мне. — Потерянно соглашается она. — Мне так перед тобой неудобно…

— Не парься. В другом месте мне эту информацию вообще бы никто не дал, ни за какие коврижки.

Через пару минут, которые у меня уходят на перевод денег, отправляю ей вдогонку и файл с вопросами.

— Приняла. Переслала. — Дисциплинированно сообщает она ещё через какое-то время. — Ждём до вечера. Будут тебе ответы на вопросы. Что, летим сегодня?

— Да. С моей стороны, всё готово.

_____

Самое интересное, сама поездка Анне понравилась (вернее, полёт). Несмотря на достаточно неудобный вид транспортировки (а именно, на внешней подвеске под странным летательным аппаратом), было в этом что-то романтичное и захватывающее.

Металлическая стрекоза (или как эту технику назвать правильнее?) стартовала из закрытого ангара на территории Корпуса, взмыла вверх и отбуксировала её с Алексом на пятьдесят миль примерно за полчаса. По прямой, без пробок и задержек. Иногда, когда техника израильтянина по дуге огибала линии электропередач и аналогичные сооружения, девочке становилось не по себе. Но Алекс, внимательно наблюдавший за ней, успокаивал её

хлопком ладони и поднятым вверх большим пальцем.

Военнослужащий одной союзной армии по имени Моше, видимо, был с ним на связи всё это время. Судя по наушнику в ухе и нашлёпке на горле Алекса, считывающей колебания связок напрямую.

— Расход топлива больше плана, — разминаясь на травяной лужайке после получаса неподвижности, посетовал товарищ. — Видимо, у нас с тобой аэродинамика не такая, как надо.

— Это проблема? — вскинулась Хаас.

— Нет, просто сообщаю, — отмахнулся друг. — В крайнем случае, ты б обратно одна полетела, чтобы нагрузку снизить. Я б пешком пробежался.

— Полста миль? — уточнила Анна, уже не удивляющаяся физическим кондициям товарища.

— Двадцать кэмэ в час, темп часа три выдержу. Ладно, давай работать…

Высыпавшие из пристройки меховые комки весело визжали, прыгали на людей, облизывали руки и лица, становясь на задние лапы.

— Ничего себе. — Поначалу девочка боялась даже пошевелиться и застыла, как столб. — Они точно не опасны?

— Категорически нет, — товарищ явно веселился, опрокидывая псов одного за другим на спину и катая их по траве.

Те, кажется, были совсем не против и интерес к скучной Хаас быстро утратили. Обнюхав её ещё раз для порядка.

— Порода такая, что агрессивность в адрес человека подавлена генетически. Чтоб атаковали людей, надо натаскивать заново. Так-то, они в природе совсем по иной части. Не бойся, дай ему руку! Он только оближет!

— Ой. — Испуганно выдала Анна, когда чёрный пёс сомкнул челюсти на её руке.

— НЕ БОЙСЯ! Это он знакомится! Он в жизни до крови не поцарапает! — Алекс тут же пришёл на помощь и отвлёк собаку. — Видишь, я же говорил. По идее, они яйца умеют носить между зубами так, что скорлупа не трескается. За руки можешь не опасаться.

— Не привыкла я к таким крупным животным, — с неохотой призналась Анна, отодвигаясь подальше и вообще отходя к скамейке. — Да ни к каким не привыкла вблизи. Если откровенно.

— Слушай, такое дело… куклой придётся тебе поработать. — Явно испытывая неловкость, сообщил друг. — Я их буду на свои команды натаскивать, сам куклой не смогу быть. Тут где-то тулуп специальный есть…

Алекс направился к пристройке, в которой специальный

транспортный трейлер сегодня выгрузил и несколько герметичных пластиковых сундуков. — Вот, надевай! — он развернул в воздухе какую-то смесь защитного плаща с противоударным поддоспешником. — И шагай в тот конец. Я дальше скажу, что делать.

— А где ты это всё достал? — автоматически поинтересовалась Анна, вдумчиво разбираясь со странной одеждой.

— Я скажу — ты опять надуешься. — Хохотнул Алекс. — Ладно, ладно! Братва из Квадрата помогла. Не бесплатно, конечно, но с полным соблюдением моих условий.

Анна предусмотрительно не стала расспрашивать дальше. Она чудесно понимала, что «условиями» были секретность и полное отсутствие устанавливаемых следов происхождения животных. По крайней мере, в рамках этого муниципалитета. Сто процентов, животные с рождения не были зарегистрированы даже в едином ветеринарном реестре. Формально, вообще являлись дикими. Хотя, о таких чудных собаках так говорить не хочется — одевшись в защиту плюс маску, она почувствовала себя намного увереннее. Даже потрепала одного пса за ухо.

Тот весело тявкнул, лизнул её лицевую маску и толчком сбил лёгкую девочку с ног.

— Упс… они, говорят, под центнер весом, — Алекс тут же подскочил, отогнал веселящегося пса и помог Анне подняться. — Ну извини. Больше некого просить кроме тебя!

— Привыкну. — Решила что-то для себя Анна. — Они классные. В защите так вообще без проблем. Что будем делать?

— Отрабатывать команды. Шагай туда.

_____

Преподаватель истории мировой культуры сегодня принимал не свою группу. Этим учащимся он никогда ничего не читал, был с ними незнаком и вообще заменял некстати заболевшую коллегу.

Настроение его было препаршивым, оттого учащимся он сочувствовал заранее. Его супруга, укатившая на неделю в командировку, позвонила вчера вечером: что-то там завершилось на сутки раньше, и её возвращение перенеслось на сегодняшнее утро.

Две девятнадцатилетние массажистки (и не только…), родом из колоний, работавшие исключительно в паре, восприняли известие о досрочном окончании контракта философски. Всё время командировки жены он провёл с ними, не жалея ни об одной потраченной монете и наслаждаясь каждым совместным мгновением. Всё-таки, что-то в этой культуре тактильных ощущений есть… на пару мгновений в голову даже закрадывалась мысль подать на развод и тупо жениться на обеих этих

обезьянках.

Впрочем, по мере его отрезвления, дурацкие мысли исчезли сами собой.

Не такие уж миниатюрные азиатки (а в кое-каких местах они и вовсе были при теле; интересно, импланты? или всё родное?) поднялись сегодня на пару часов раньше. В качестве бонуса, они вылизали всю его квартиру и уничтожили все следы своего пребывания (включая использованные презервативы, которые они выгребли из-под кровати; упаковки из-под них же и скрупулёзный поиск отдельных женских волосков, возможно, попавших за диваны и кресла).

На Всеобщем, что интересно, они вообще не говорили. Но языковой барьер, оказывается, проблемой в отношениях с двумя смешливыми и улыбчивыми девчонками вообще не является.

Честно говоря, он поначалу фокусно искал их недостатки. Даже специально, изобразив излишнее опьянение, поначалу пытался всучить лишние банкноты после одного совместного похода в ресторан.

К чести эскорт-агентства, все деньги он нашёл утром на столе, придавленные его же часами, с маленькой бумажкой, исписанной чужим письмом (в котором он разобрал только сумму, совпавшую до сантима). Сами подруги в это время весело плескались в джакузи, куда тут же затащили и его.

Чёрт. Как же невовремя вернулась жена… Оплачено ведь на сутки больше.

Несмотря на идеально убранную квартиру, беда подкралась с неожиданной стороны.

Он разогревал на кухне рис и овощи с мясом, заботливо приготовленные девчонками с вечера (как будто заказал сам в этническом ресторане), когда из малой спальни, она же кабинет, раздался гневный крик жены.

Придя на зов, он без слов получил по пощёчине левой и правой рукой. Затем супруга подхватила неразобранный после командировки чемодан и исчезла, не пояснив ни слова. Видимо, к родителям…

После безуспешной попытки вернуть её до прихода лифта, он возвратился в кабинет и схватил со стола какой-то скомканный документ, отпечатанный на качественной бумаге.

Языковой барьер всё же догнал его, превратившись-таки в проблему.

Инструкция по применению презервативов.

Профессионально отмотав в памяти события, офицер припомнил: распаковывая собственноручно самую первую пачку известных изделий, он вытащил эту мешавшую ему бумажку,

которую никто никогда не читает. Затем машинально бросил её на низком журнальном столике.

Аналогичным образом, вероятно, в дальнейшем поступали и аккуратные азиатки. Копируя все его поступки и тщательно соблюдая установленный им же распорядок.

Когда он, перед их уборкой в доме, с трудом пояснил, что никакие документы трогать нельзя, они, видимо, поняли его буквально. И деликатно сложили все инструкции от использованных пачек с гондонами аккуратной стопочкой на его же рабочем столе.

А жена первым делом схватила в руку пачку листков, лежавшую посередине стола и так походившую на документы.

Блядь. Сейчас ещё с этими учащимися не своей группы мослаться… Ладно. В следующие два часа они узнают, что такое учёба в армии.

Глава 2 (утром перечитаю)

Эх. И чего же их родной преподавательнице не сиделось на выходных дома. Была бы сейчас здорова.

Внутренние слухи Корпуса донесли: разбитная старуха подалась с молодёжью куда-то в горы, где вывихнула ногу. Из-за повреждённой ноги свалилась в холодную воду, не сдалась и потопала дальше.

Закономерным итогом немолодого уже организма стал предсказуемый бронхит и температура под тридцать девять по Цельсию с утра.

И голова, как назло, болит. Не надо было допивать этот ром с утра после того, как жена хлопнула дверью… И ведь не добавишь на старые дрожжи — экзамен.

Преподаватель тоскливо огляделся по сторонам. Сквозь стеклянную дверь, отделяющую коридор о аудитории, было видно: осталась ещё ровно половина тестирующихся.

Как назло, ближайший экзаменующийся тему имел достаточно нестандартную, плюс требовавшую не только теоретических знаний (которых у заменяющего, по правде сказать, тоже не водилось).

Если бы он был в состоянии думать, он бы наверняка вначале оценил учащегося или хотя бы прочёл его данные в электронной ведомости.

Увы, текущее состояние здоровья и психики не располагали к вдумчивому анализу. Небрежно мазнув взглядом по работе и не вслушиваясь особо в ответ, он, не глядя, поставил тройку. Увы, этому парню просто не повезло: экзаменатор не был специалистом именно по данной группе вопросов (а кому нужна лишняя ответственность за необоснованно высокий результат чужого учащегося?). Кстати, пацан что-то такое бойко лепетал, надувал щёки и корчил из себя великого знатока.

На мгновение, преподавателю захотелось улыбнуться: ну перед кем ты выделываешься, лапа?! Ты рожу свою в зеркале видел? Какой из тебя, в одном месте, спец по тому сектору?!

Но голова продолжала раскалываться и было не до улыбок. Пусть пацан скажет спасибо и за три, с такой-то темой. Мог ведь и вообще на пересдачу отправиться, болезный. Просто так. Под настроение. ТЫ в армии, дурень!

— С чего три?! — Неожиданно попёр буром малолетний мерзавец, увидев оценку. — Вы даже не вникали в то, что я говорю! Вы на восемьдесят процентов сейчас с похмельем сражаетесь и о каких-то бабах думаете! А не ответы слушаете…

Аудитория напряглась несмотря на то, что все готовились отвечать следом. Под стеклянными дверями, кажется, тоже всё стихло.

*— За что три **м н е** ?!! Кто-то знает традиционную культуру ЖонгГуо лучше меня здесь?! — продолжал разоряться недомерок.*

*— Вот же скотина, — страдальчески поморщился экзаменатор в сторону. — А это и неважно, — выдавил из себя издевательскую улыбку он уже в сторону пацана. — Вы в армии. Ваше сраное мнение, как и претензии на знания, **тут**, — выделить интонацией слово и сделать паузу, — не имеют никакого значения. Армия вообще родина произвола. — Сейчас улыбка с издёвкой выходила естественно и непринуждённо. — Учитесь дисциплине! Достаточно того, что мне не нравится замена вами профильного материала на отсебятину. Всё, свободен, — преподаватель небрежно помахал рукой, словно сгоняя надоедливую муху со стола.*

— Во-первых, тема согласована с профильным преподавателем. — Решил не униматься этот дебил. — До экзамена. Загляните, для начала, в ведомость. И разуйте глаза на тему того, что в ней написано. Хотя, залитые с утра, в зрении они, видимо, порой отказывают… — малолетний нахал говорил вроде бы и в сторону, но явно нарывался при этом. — Во-вторых, о какой отсебятине вы тут вещаете? А если я планирую работу в окружении хань после Корпуса?! А если мне жить на их территориях? Тогда что? Вы что, мандатная комиссия по распределению выпускников?! У Федерации хватает интересов и в том регионе!

— Я своё сказал. — Преподаватель под таким напором слегка растерялся и решил попытаться не обострять. Мало ли… — Учащийся, не заставляйте меня вам грубить. Встал и быстро вышел отсюда, — процедил сквозь зубы экзаменатор, всерьёз задумываясь о применении силы.

*— А я не учащийся. По крайней мере, для вас… Я же говорю — разуй глаза и в ведомость глянь! — Пацан, потеряв берега, перешёл на ты. — … Или честно признай!.. Что ты — никакой не наставник; что единственный итог учёбы у тебя — выученная беспомощность… Что ты можешь заставить нас не думать, а исключительно подчиняться идиотам, безоговорочно… В последнем случае вам следует признать в примечании к задачам экзамена: целью этого занятия является **не** доведение до учащихся текущей обстановки или контроль знаний. А воспитание навыка беспрекословного принятия на веру любой дури сверху! В частности, в исполнении некомпетентного… — тут пацан осёкся и не стал развивать мысль.*

Преподаватель искренне задумался, что бы сейчас такое сделать. Но особо выбирать не пришлось: не дал соискатель (да, этот тип оказался долбаным соискателем, а не учащимся. С-сука, и правда, надо было ведомость полистать, что ли…)

Пацан, недолго думая, хлопнул со всего маху по виртуальной кнопке с надписью «Апелляция». Технически, такая возможность существовала.

— В реальности же, надо быть крайне недальновидным, чтоб противопоставлять себя всему преподавательскому корпусу, — задумчиво и удивлённо протянул экзаменатор. — Я же найду способ заставить вас пожалеть о такой наглости!

_____

Поскольку любой экзамен в Корпусе является ещё и тратой финансов, все заявки об апелляции автоматом шли и в управляющую компанию: платить-то, если что, ей. И преподавателям за лишнюю почасовку; и за аренду помещений и полигонов, если надо; и кое-что ещё.

ЮньВэнь была несказанно удивлена, когда на её комм звякнуло срочное уведомление о делах Единички. Она специально настроила сигнал так, чтоб новости о бравом пацане узнавать первой, в любое время суток. На всякий случай.

Её удивление ещё больше выросло, когда она увидела, что именно стало камнем преткновения. Не задумываясь ни на йоту, она мгновенно нажала кнопку подтверждения принятой заявки и тут же зарегистрировала у канцелярского робота Корпуса своё заявление: «Соискатель Алекс Алекс. По запросу арбитража и по вопросам апелляции. Чоу ЮньВэнь, сертифицированный преподаватель предмета, прибудет для принятия апелляции в течение пятнадцати минут. Номер диплома Государственного Пекинского Университета по специальности… номер сертификата преподавателя в Федерации по предмету… дата аттестации… допуск номер…».

Вообще-то, процедура предусматривала, что Компанией будет назначен независимый преподаватель. В данном же случае, совпали сразу несколько моментов: Чоу была на территории (поскольку шла к Моше). Чоу знала предмет лучше всего Корпуса, вместе взятого (поскольку имела диплом родного Пекинского Университета и была китаянкой). Чоу лично знала Единичку.

И она была не против развлечься, потому что сейчас, в ожидании Моше, ей было банально скучно. А израильтянин сказал, что освободится из своего ангара только через пару часов.

_____

Преподаватель откровенно скучал и нервничал.

С одной стороны, все последующие учащиеся столько вопросов

и проблем не доставляли.

С другой стороны, на запрос долбанутого пацана, путающего рамсы и о культуре не имеющего понятия по определению (достаточно поглядеть на одно его происхождение!), от Управляющей Компании ответ почему-то пришёл мгновенно.

Более того: сертифицированный Федерацией надлежащим образом, компетентный в предмете, арбитр был назначен этой же Компанией буквально в течение десяти секунд! Может, подстава какая? Или у пацана есть волосатая лапа и за него кто-то замолвил слово? Да ну, не могли так быстро…

Интересно, что за чудеса?

_____

Когда в аудиторию вошла натуральная китаянка, поздоровавшись со всеми присутствующими на жонггуо и попутно спросив, кто ещё понимает этот язык, никто не отозвался.

А этот сраный соискатель отчего-то матюгнулся на том же языке и принялся строчить в общей строке претензию об отводе и арбитра.

— Не ссы, — уронила китаянка насмешливо. — Я объективна, как экзаменатор. В чём ваш замес?

— Мне ставят три. — Пацан волком покосился на преподавателя (тот, в свою очередь, был слишком измотан для любых эмоций, кроме сдержанного любопытства). — Я считаю, что о твоей культуре знаю больше, чем конкретно этот тип. Который к тому же пьян.

По аудитории прокатился ропот сдержанного интереса учащихся, несмотря на то, что языка никто из них не понимал.

— Мастер Донг говорит, что в разных регионах сумма решений варьируется, а этот, — кивок на офицера, — не стал даже вникать. — Хладнокровно продолжал закладывать экзаменатора пацан. — В суть моего задания. Мне кажется, он даже устную речь процентов на пятьдесят не понимает. Только читает, и то не всё.

А вот это было чистой правдой. Не та специализация. Преподаватель вздохнул ещё раз, с неослабевающим интересом ожидая продолжения разворачивающегося спектакля.

— Гони свою работу, — китаянка требовательно вытянула руку.

— Я ему уже сдал! — моментально перевёл стрелки мелкий мерзавец. — Это мои черновики, ты всё равно в них ничего не поймёшь!

Китаянка, попирая сразу несколько правил, быстрым движением выхватила бумаги из его рук:

— А-а-а, ты тут какой-то азбукой ваял… Где его работа? —

повернулась она к уже к офицеру, по-прежнему игнорируя правила вежливости.

Хорошо хоть разговор шёл не на Всеобщем.

Мужчина молча подвинул ей нужные листки.

— Ну и что вам не нравится? — подняла бровь хань, пробежавшись взглядом по трём страницам, исписанным убористой иероглифической скорописью. — Вполне себе добросовестный взгляд на эпоху. Пусть и от лаовая, но всё же честно. Тему он знает, книги читал. В чём суть вашей претензии, как инструктора?

— Я полностью полагаюсь на ваш арбитраж, — не выговаривая правильно и половины звуков, со страшным акцентом, ответил экзаменатор, моментально сориентировавшись в обстановке.

— Единичка, ты был прав, — невежливо уронила арбитр по имени Чоу ЮньВэнь, не глядя на штатного преподавателя. — От меня тебе четвёрка. Ладно четыре и пять десятых, цени.

— За что четыре?! Почему не пять?! — теперь соискатель наседал уже на арбитра.

Кажется, это утро уже не такое и скучное. Офицер, мысленно махнув на всё рукой, достал маленькую плоскую фляжку и сделал глоток прямо за столом.

А и чёрт с ним. Хуже уже не будет. Да и жена всё равно ушла… А её отец был, ни много ни мало, начальником одного из штабов в Столице.

— А ты не терпелив к старшим. И не уважаешь преподавателей. — Мстительно отбрила наглеца хань. — Какого хуя ты при всех затеял эту ботву? Не дал ему возможности сохранить лица? Пусть он, м-м-м…, не идеальный УЧИТЕЛЬ. Но ты сейчас шатаешь авторитет всего преподавательского состава в глазах младших, — она стрельнула глазами в сторону аудитории, где многие с любопытством прислушивались к происходящему, не понимая, впрочем, ни слова.

— Блядь, да при чём тут моё уважение?! — опять взвился в воздух соискатель. — Я знаю этот ё#аный предмет!

*— Заткнись и утихни. Знать и уметь — это разные вещи. ТЫ себя переоцениваешь. Если ты не оперируешь категорией уважения к старшим, ни один хань тебе именно по этому предмету пять не поставит. Я могу сейчас связаться с твоим мастером Донгом? — что-то прикинув, тут же нашлась изобретательная Чоу. — Вот прямо при тебе? Чтобы ты не думал, что я свожу с тобой счёты. Ты правда не понимаешь кое чего. У тебя проблемы с самоконтролем и самокритикой. Это на фоне остальных **тут** ты — профессор. Но это не пять по моей **культуре**, Единичка! Если бы*

ты выбрал литературу или язык, я б слова не сказала! Но ты взял культуру! Что предполагает не только теоретические знания!

— Не надо мастера Донга, — отчего-то мгновенно сдулся пацан.

Ты смотри, а эта косоглазая, кажется, знает, на что давить, с интересом подумал офицер. С удовольствием прислушиваясь к разливающемуся по сосудам теплу от одного-единственного глотка из фляги.

— Он согласен. Плюс, ещё один человек так же говорил. — Уныло завершил тираду соискатель тем временем.

— Удачи, — арбитр Чоу, снисходительно кивнув в ответ благодарному прощальному поклону преподавателя (выполненному из положения сидя), процокала каблуками обратно к двери.

_____

Кафедра прикладной методики. Примерно через полчаса.

— … не упирайтесь так картинно на будущее! Ваше мнение очень ценно для вас, но не для остальных. И не надо его озвучивать поперёк утверждённого курса, при всех!.. Если не согласны — где ваш доклад вашему куратору в первую очередь?! — Бак тихо и быстро воспитывал своего соискателя, в очередной раз ухитрившегося найти грабли там, где их не должно было быть, — С китаянкой вам в очередной раз сказочно повезло!

— Я был прав по сути вопроса. — Не соглашался пацан, уперев взгляд в крышку стола.

— Алекс, а ваша цель — знания и диплом? Или битва за справедливость? — Многозначительно похлопал ладонью по столу подполковник. — А если бы на апелляцию прибыл преподаватель вашего экзаменатора? Который ещё его учил в своё время?

— Упс. Это был бы номер…

— Вы идиот? — куратор демонстративно не заметил реплики соискателя. — Кстати. Я начинаю склоняться к парадоксальной мысли: турнир вы можете даже выиграть.

— Это ещё почему? — опешил Алекс, не ожидавший такого поворота в беседе.

— А вам бог ворожит. Вам просто несказанно везёт. — Бак задумчиво побарабанил ногтями по экрану комма. — Справедливости ради, вы неплохо успеваете. Только, умоляю: не надо в следующий раз растопыриваться, как ёж в заднице! Обращайтесь вначале ко мне?

— Не понимаю, как доказать правоту в таких случаях… — Гнул свою линию пацан. — Мне бы не хотелось решать возникающие учебные вопросы за счёт вашего авторитета. Тем более, если я на все сто прав.

— Ответ парадоксален. Только чемпионат даст вам

возможность доказывать правоту в будущем. Полноценное в нём участие, — поправился Бак серьёзно. — После этого, вас будут воспринимать, как равного. Как одарённого. А сейчас, завидев вашу фамилию синим шрифтом в ведомости, шестеро из десяти преподавателей действительно не особо вникают в то, что вы вещаете. Издержки кастового общества.

— Моя жизнь учит: когда кто-то из старших мягко стелет, потом оказывается очень жёстко спать.

— Справедливо где-то, и вполне логично, — абсолютно не смутился подполковник. — Но самое смешное я уже говорил: вам даже не надо выигрывать весь турнир. Достаточно буквально одной-двух побед, дальше прецедент сам о себе заговорит. Вам знаком принцип «Главное не победа, а участие»?

— Впервые слышу.

— Ну так мотайте на ус.

Глава 3

— Ну что, как успехи? — на пороге со мной сталкивается Камила, пытающаяся ускоренно обуться.

Даже не ожидая моего ответа, она проскальзывает мимо в открытую дверь и указывает глазами вглубь жилища:

— Ответ ей расскажешь, я на травме! Всем пока, буду поздно! А хотите — заходите ко мне. Попозже…

Дома меня встречает Жойс, в армейских штанах и почему-то с голым торсом, усиленно помешивающая что-то в огромной и тяжёлой на вид утятнице (выполненной почему-то в форме срезанного конуса).

_____

Примечание.

Герой не знает такого вида посуды, как казан из чугуна.

_____

— Да пойдёт, в общем-то. — Занимаю свой премиальный стул и подъезжаю на нём сзади к Жойс. — Не пять, но и не три. Препод, сука, припёрся бухим. Откровенно не втыкал в тему. Оценки, кажется, вообще лепил от вольного… Мне так точно. Заявил апелляцию в итоге — так на неё в роли арбитра пришла Чоу.

— Прикольно! — веселится подруга. — Дальше что?

— Там, где он ставил трояк, не читая, она хотя бы прочла. Четыре и пять десятых в итоге. Но она типа пояснила, в чём я не прав, так что к ней хоть претензий нет… Их народ к роли учителя вообще относится достаточно ответственно. Насколько я успел понять…

— Слушай, а нафига тебе вообще эти оценки? — Жойс что-то домешала в этой новой посудине, накрыла её крышкой и резко убрала подогрев на минимальный. — Давай поговорим о будущем? Что и как ты дальше планируешь? Я не хотела первой поднимать эту тему, но раз мы уже и в церковь по воскресеньям вместе ходим…

В первый момент чуть теряюсь, поскольку мысли в этот момент совсем на другую тему (не сказать, что приятную).

— Давай будем взрослыми людьми. — В один момент надувается Жойс. — Если у нас с тобой есть какие-то совместные планы, я бы хотела о них знать. Во-первых, моё место службы. Тебе там точно делать нечего, а жить порознь — не вариант. Во-вторых, бизнес: мне нравится твоё решение с мини-дронами по премиальному товару. В других местах смысла не было, а в огромном городе вполне работает. В-третьих…

— Ровно через минуту буду готов говорить по теме. А чего это ты голая готовила? И что именно, если не секрет?

— Перегрела масло. Когда выкладываешь жарить сочные овощи, оно всё стреляет. Чтоб пятен не было. Это на первый вопрос. Рис с овощами и бараниной, жаренные. Только надо по отдельности готовить, потом смешать в конце и обжарить до готовности. Это на второй вопрос.

_____

Когда этот мелкий паршивец стал технично уводить разговор в сторону, избегая тем самым беседы о совместном будущем, Жойс нечеловеческим усилием воли заставила себя не нервничать. Что было нелегко.

В силу рода занятий, от недостатка мужского внимания она не страдала. Кстати, глядя на некоторых победительниц национальных конкурсов красоты в различных регионах, она чуть свысока замечала про себя, что вполне могла бы и подвинуть кое-кого с пьедестала. Реши она выставляться напоказ в аналогичных мероприятиях.

К сожалению, всё надо делать вовремя. Решать правильно надо было раньше, до армии. Ни один из более-менее нормальных конкурсов сегодня не допускает к финалу участниц, которые имели бы что-либо из следующего за спиной: брак либо дети за плечами (либо одновременно); операция по смене пола (кому интересны извращенцы); подтверждённый и зарегистрированный факт убийства, совершённого участницей конкурса в прошлом (причины и обстоятельства не важны).

Если по первым двум пунктам биография сержанта была чиста, как слеза младенца, то по третьему даже долго думать не надо: достаточно просто взглянуть на реестр федеральных наград. И найти её имя в списке, с кратким описанием, за что.

Шила в мешке не утаишь, и её свершений на ниве службы в армии скрыть не удастся. Особенно с учётом того мелкого сита, сквозь которое устроители таких конкурсов просеивают всех участниц-финалисток (она одно время пыталась прозондировать свои перспективы на панамериканских мероприятиях).

Тем более что женщины в армии вообще находятся под гораздо более пристальным вниманием, чем мужчины. Соответственно, пользуются гораздо большей известностью. Например, лично её имя, спроси любого из многих тысяч Первого Колониального, узнал бы любой представитель сильного пола, служащий в регионе. Попутно прокомментировав репутацию и некоторые детали биографии. Ну вот такая специфика.

Это какой-то армейский парень, даже вполне себе геройский, может быть неизвестным никому уже в соседнем полку.

А если ты — красивая женщина, то слухи и информация о тебе перепрыгивают друг друга через два штаба за один скачок.

Оставались, правда, ещё ведомственные конкурсы красоты. Но эта жалкая пародия на многомилионный бизнес была сержанту не интересна. Да и денег там не водилось; так, копейки. Сравнимые со штатным окладом, который Жойс собиралась начать платить из своего кармана десятку человек вот в этом городе, прямо сейчас. По делам бизнеса.

Она искренне попыталась первый раз в жизни воспринять отношения серьёзно. А мелкий паршивец как будто специально нагнетал напряжение, оттягивая начало беседы.

Глубоко вздохнув, она усилием воли подавила в себе желание надеть чугунную посудину ему на голову вместо головного убора, вместе со всем её кипящим в масле содержимым. Добавив после того, как скорчится, коленом по яйцам.

— Тут такое дело… — наконец начал он, на что-то решившись. — Я не сегодня-завтра окончательно проясню кое-какие детали, затем перейду к определённому этапу плана. В общем, тут же буду принимать меры. Я почему-то подумал, что не совсем правильно тащить за собой в это болото и кого-то ещё. Например, тебя. Замес может быть весьма неприятным, Хаас тут передала историю сводок муниципальной полиции за десяток лет… Не могу тебе не сказать: ты — единственное моё слабое место. — Алекс силой повернул её лицо к себе и теперь смотрел ей в глаза. — Ты подумала, что я спрыгиваю, поскольку тобой не дорожу? Это не так. Я очень тобой дорожу, потому просто боюсь, что ты окажешься рядом не в тот момент. Тогда, когда что-то может пойти не так. Мне шестнадцать. Чудеса в нашем муниципалитете не на мне начались, не на мне и окончатся. Опыт Квадрата говорит: эффективнее всего ты действуешь в противостоянии с Системой, когда ты один. Когда тебе не за кого бояться. А бояться за тебя я не хочу. Уф-ф-ф, теперь всё сказал.

— Это ты меня, что ли, таким образом от рисков уберечь пытаешься? — чуть спокойнее уточнила Жойс, не убирая его рук со своего лица и не отворачиваясь. — Ай к чёрту…

Сержант Кайшета почувствовала, что её излишне прямолинейный характер сейчас в очередной раз берёт верх над разумом.

— Ты меня вообще любишь? — требовательно спросила она. — Да или нет? Любой ответ годится, только не вздумай врать!

— Да.

— Больше, чем себя?

— Да.

— Ну, тогда просто идиот. — Констатировала она,

отворачиваясь.

И моментально почему-то успокаиваясь.

— Не корчи рожи, — попросил Алекс. — Я же вижу, что ты уже пришла в себя.

— Можешь связно и чётко объяснить логику своей позиции? Когда я чего-то не понимаю, я этого боюсь, — хмыкнула Жойс, цитируя самого парня. — А когда я чего-то боюсь, я крайне неконструктивна.

— А нет логики. Увидел, как ты еду готовишь. Потом вспомнил, что выхожу из больницы, а матери больше нет… чего-то тоска одолела. Не охота, чтобы снова… Абсолютно неконструктивный всплеск гормонов. На фоне стресса. Чип уже выдал диагноз и помог справиться.

— Блин, теперь ещё страшнее. — Непроизвольно хихикнула Жойс. — Тип, у которого крышу рвёт на ровном месте, принимает решения из человеколюбия. Находясь под этим самым психом. Пойди пойми, что ему в голову взбредёт в следующий момент.

— Чип говорит, это было разовое отклонение. — Хмуро проворчал Алекс, спрыгивая со стула и прижимаясь сзади к Жойс. — Он всё купировал. Что-то там в мозгах имеет ресурс, который у меня подточился и пострадал механизм…

Дальше пошла полная неразбериха и великомудрая научная чепуха из химии и чего-то ещё, в которой разобралась бы, может быть, разве что Карвальо.

Но Жойс, несмотря на отсутствие необходимой теоретической базы, была в разы мудрее и опытнее своей старшей подруги в некоторых практических вопросах.

Она видела, что парень просто комплексует, рефлексирует и опасается по нескольким направлениям сразу. Не в последнюю очередь — по финансовым причинам. После того, как она без слов выдала ему недавно пухлую пачку денег за пилотный «вход на полку», который он организовал силами пацанов своего бывшего района в одном из муниципальных дистриктов. Деньги, кстати, предстояло раздать хорошо поработавшим «ногам»: она лично пробежалась по паре улиц, зашла в пару десятков точек и с удовлетворением увидела собственную продукцию на правильных местах.

— Ладно, заткнись. — Вздохнула она, перебивая его на полуслове.

Обнимая за плечо в ответ и соприкасаясь висками.

— Странно видеть психа в железном мальчике. — Добавила она через мгновение.

— Да ничего я не железный… И жизнь эта говно. И люди такие же. За редким исключением…

Жойс поняла: если бы этот мальчик был девочкой, она бы сейчас вытирала чужие слёзы и сопли.

Она молча накрыла его рот своей ладонью, после чего забросила туда же кусочек поджарившейся баранины:

— ПРОЖУЙ МОЛЧА!

Суперумная Карвальо, описывая чего-то там с позиции своей зауми, как-то сказала: есть три типа отношений. Муж-отец, муж-сын и муж-друг.

С высоты опыта и интуиции, Жойс увидела: пацан на мгновение впал во вторую ипостась. А потом у него в мозгах что-то замкнуло и…

Додумывать дорожку размышлений она не стала.

— Заскоки бывают у каждого, — опираясь на личный опыт, солидно заявила она вслух. — Знаешь, что в этой жизни главное?

— Что?

— Ровно две вещи. Первая. ТЫ не должен быть непредсказуемым для близкого человека. Или у тебя не будет близких. Второе. Ты не должен варить в себе своих тараканов: если что-то есть на душе, ты этим с близкими делишься. Всегда, безусловно, по умолчанию.

— А если нет?

— А если нет, то никакие они тебе не близкие, — вздохнула сержант. — Но я это просто не сразу поняла… Теперь тебе объясняю. И, раз уж зашла такая пьянка, рассказывай. Что ты там понапридумал? И напланировал? Что настроение похоронное и мозги отказывают?

— Нашёл участок. Закупил собак, братва из Квадрата помогли. Сейчас…

_____

Дослушав до конца несложный, в общем-то, план, Жойс уже по-новому посмотрела на парня широко открытыми глазами:

— И это ты сам всё родил? И из-за этой фигни тебя так перекосило?!

— Да. Они — не люди. Вот я и боялся, что ты не поймёшь… — снова попытался изобразить моллюска и спрятаться в ракушку парень.

— Идиот, — ещё раз фыркнула Жойс, притягивая его к себе за плечо. — Ну хочешь, будем отработанных отправлять куда-то в колонии? У нас собакам тоже есть, что делать. Просто не занимается этим никто серьёзно. А так-то, на ближайший борт я их всегда пристрою… И там есть кому о них позаботиться.

— Не знал, что так можно.

— Я ж говорю: идиот. — Повторно вздохнула Жойс. — А то я уже подумала, это ты мне дистанцию указываешь.

— Да ну, какая дистанция… просто мозги на другую тему включились…

_____

Моше с удовольствием гонял сразу три группы дронов по городу. Если бы возникли вопросы со стороны любых структур, он бы нашёл, что ответить и армии, и безопасности. Последней, кстати, он был не обязан отвечать в здешних местах, поскольку особый правовой статус.

Он специально нарушал сейчас целый ряд пунктов и правил, зондируя границы допустимого.

Местные, похоже, были непуганными идиотами. Их ПВО, если только она вообще была, существовала на каком-то глобальном уровне, не опускаясь до унизительных малых и сверхмалых летательных аппаратов, снующих над городом. Интересно, а может быть, что у них эта деятельность вообще не лицензируется? У него также мелькнула мысль, что и средствами обеспечения лицензионных требований для такой вот «авиации» местный муниципалитет небогат.

Пару раз, когда он снижал скорость и давал себя обнаружить, к его технике цеплялись автоматические дроны местной полиции. Выкрикивая предупреждения и требуя подчиниться (чему — он не стал даже вникать).

Ради проверки, он допустил столкновение с местным полицейским аппаратом в воздухе и пожертвовал самым дешёвым дроном, оставив его собрата барражировать тут же, на месте происшествия. В ожидании развития событий.

Осыпавшийся вниз представитель малой полицейской беспилотной техники исчез на земле с концами. Фельзенштейн хотел, из принципа, дождаться конкретных корректирующих мер со стороны местных. Просто чтоб понять, как они реагируют на подобное. В принципе.

К его удивлению, реакция местной полиции свелась к приезду наземного патруля. Через час. Израильтянин, кстати, даже не сразу их заметил, поскольку по привычке ждал ответа в воздухе и с воздуха.

А пара красавцев в формах муниципалов вылезли из машины, обошли по кругу кучу рухнувшего с неба хлама, после чего загрузили останки полицейской летучей техники в багажник. И были таковы.

Ни попыток перехвата управления. Ни контроля сверхмалых высот, пусть даже на ключевых направлениях. Ни мониторинга воздуха на постоянной основе, именно на предмет засечки и учёта малых БПЛА — ничего этого в городе не было. НИЧЕГО из списка обязательных, по большому счёту, мер местная цивилизация,

похоже, не знала. Вероятно, в силу отсутствия практической потребности.

— Край непуганых и счастливых людей, — резюмировал Фельзенштейн сам себе после того, как ему надоело водить свои дроны группами вокруг местного департамента полиции. — Ну, если вы даже это считаете за норму…

Работать можно было в полный рост, не пригибаясь. Полицейские, снующие в и из департамента, даже не обращали внимания на его технику.

_____

— Ладно. Раз со стратегическими планами ничего не понятно, давай обсудим следующий месяц. — Вздыхает Жойс. — А ещё лучше, неделю. И зови-ка ты, раз такое дело, нашего Моше: без него нет смысла толочь воду в ступе.

— Поясни? — я правда чуть не успел за её мыслью.

Точнее, она подумала одно, а сказала усечённую версию. Оставив что-то за кадром, чтоб дважды не повторяться (слава чипу, теперь можно отличать и такие нюансы в беседе).

— Мы не можем, опираясь на его функцию, строить планы без него. — Отмахивается она. — В общем, ЗОВИ!..

Набираю израильтянина. Моше, на удачу, только что закончил что-то важное на пульте управления в своём ангаре и весело сообщает:

— У меня важные дела, смогу не больше чем на полчаса. Сейчас буду у вас.

— Знаю я, какие у него дела, — ворчу, сопоставив появление Чоу в Корпусе с его блуждающим и мечтательным взглядом.

— Не отвлекайся, — одёргивает меня Жойс. — Список точек уже выводил в виде голограммы? Почему маршруты не прорисованы?

— Дронам всё равно, куда лететь, — пожимаю плечами. — Для них пробок нет.

— Ладно. Не будем собачиться заранее, — принимает она какое-то решение. — Дождёмся Фельзенштейна.

_____

По пути к Чоу, находившейся сейчас у него в номере, Моше неожиданно попал в самую гущу достаточно серьёзной работы. К своему удивлению, он обнаружил, что главной на импровизированной рабочей группе является эта темнокожая дочь джунглей.

Не то чтоб у него были какие-то предубеждения против чёрных, нет. И среди них бывают более чем яркие персоналии, он имел возможность не раз в том убедиться.

Просто он не ожидал столь разносторонней подготовки от простого сержанта, явно в теоретических науках звёзд с неба не хватавшей.

— Алекс говорит, у тебя нет ограничений ни по дальности, ни по периодичности вылетов твоей техникой? — сразу взяла быка за рога девчонка, стоило ему зайти к Алексу.

— Хотя бы кофе предложили, — скривился он, оглядываясь по сторонам и занимая высокий барный стул.

Хозяева сидели на кровати, рядом с двумя коммами, активировав с полдесятка голограмм над покрывалом. Намётанный глаз израильтянина влёт определил в аппарате кафузу, кстати, новую модель ВАРВАРА. Оригинал, под два десятка тысяч монет. Неплохо живут местные сержанты.

— Кофе сзади тебя, на плите, в кофейнике. — Спокойно проинформировала сержант. — Горячий. Мы не будем, весь кофейник твой.

— Шукран, — уважительно кивнул Моше и тут же позаботился о себе (благо, нормальные чашки у Алекса в номере наконец появились вместе с женщиной). — В ответ на твой вопрос. Только что прогнал все тесты, которые возможно было. Потом — те, до которых додумался. Чтоб не тянуть кота за хобот. В этом городе можно делать что угодно, если речь о моей технике. При условии, что горючка с тебя! — припомнил он немаловажную деталь, отхлёбывая неплохо сваренную арабику со странным набором специй.

— Ты не опасаешься перехвата, наблюдения, каких-то мер с земли? — негритянка задавала, в общем-то, вопросы логичные. Для дилетанта.

— Чтоб долго не вещать… — Моше скользнул взглядом по циферблату часов, интегрированных с коммом. — С полчаса тому лично заземлил полицейский патрульный дрон. В двух километрах от Департамента полиции. Специально подвесил потом дрон-наблюдатель, чтоб оттестировать всё, о чём ты спросила, по самому жёсткому варианту.

— Что в итоге? — прорезался Алекс.

— Подъехал патруль на машине. По земле, — скорчил презрительную гримасу Фельзенштейн. — Погрузили свои обломки с частью моих в багажник. Уехали. Всё. Я ещё с полчаса вокруг департамента погонял, им в окна позаглядывал. — Дальше он скрутил кукиш, вытянув руку в направлении стены. — В общем, тут опасаться нечего. Пока что.

Он не стал добавлять, что, помимо очевидных признаков, он не один десяток часов подряд регистрировал ещё и

радиоэфир, плюс по мелочи. Ни малейшего намёка на существование Системы, представляющей хоть какую-то опасность для его техники, в этом городе не было.

— У вас, видимо, очень либеральное законодательство. — Заключил он. — Если то-то изменится, тут же дам знать.

— Супер, — выдохнула темнокожая. — Тогда цели собрания, их три. Определение первичного списка торговой сети, вот она.

Над кроватью контрастно вспыхнула голограмма, в которой Моше узнал часть города, улицы, магазины и сопутствующий ландшафт. Конфигурации улиц он вообще запоминал влёт, если «пролетал» над ними хотя бы раз (издержки профессионального опыта).

— Проработка возможности снабжения в режиме реального времени, — продолжала Жойс, гипнотизируя взглядом израильтянина. — Управление витринным кредитом, ассортиментом и ценой на полке. Тут, наверное, только к тебе, — она с сомнением посмотрела на Алекса.

— А я с удовольствием тоже послушаю! — Возразил Фельзенштейн, на которого текущий разрыв шаблона высокой физкультурницей произвёл неизгладимое впечатление. — Если можно. — Деликатно добавил он через секунду.

— Без проблем, — уверенно кивнула местная сержант. — Пункт первый. Наш товар введён на полки в сто пятьдесят точек. Число круглое, легко считать. Сумма витринного кредита в одной точке равна минимум паре тысяч монет. Отток с полки в сутки должен составлять не менее двадцати процентов полки, итого, за неделю, товар должен полностью продаваться…

— О чём говорим-то?! Что за товар?! — весело напомнил Моше, которого настолько в курс пока не вводили.

Алекс лишь в общих чертах обозначил суть проблемы, не вдаваясь в детали.

Жойс в ответ запустила руку в нарукавный карман и протянула ему три толстых сигары из местных колоний (если верить маркировке). Свёрнутых из цельных листьев табака, качественно упакованных и производивших впечатление весьма неплохого товара.

Не полагаясь на слова и декларации, израильтянин тут же вскрыл первую из сигар и зашарил по комнате глазами в поисках спичек.

Жойс молча щёлкнула у него перед носом специальной зажигалкой.

Затянувшись, он уважительно покивал, широко раскрыл

глаза и, зажав сигару во рту, три раза хлопнул в ладоши. Подняв большой палец.

_____

Вышел от соседей Моше только через полтора часа. За это время Чоу звонила раза три, но натыкалась на его команду подождать.

Реальность внушала.

Девчонка, ни много ни мало, замахивалась на замещение части местного рынка. Оставляя за кадром производство её товара в колониях, транспорт и прочие «мелочи», в городе она обустраивалась всерьёз и надолго.

Ему с Алексом нарезали сектор, в котором надо было определить градацию точек и оптимизировать запасы товара в каждой из них таким образом, чтоб витринный кредит чётко соответствовал производительности самой точки.

Не ахти какая сложность задачи. Не ахти какой объём работ.

Но системность подхода спутницы Алекса лично его впечатлила. Более старший и более опытный, нежели Алекс, Моше видел: она явно имела план на несколько шагов вперёд. Просто приоткрыла лишь часть, чтоб не перегружать мозги пацана.

Он-то, в силу субъективных причин, и понятием витринного кредита, и управлением товарными запасами точек владел профессионально.

Но с учётом стоимости одной сигары от двадцатки до сотни в рознице, размах бизнеса приобретал весьма интересные контуры и перспективы.

Естественно, он не мог не поинтересоваться законностью предприятия. В ответ Жойс нарисовала сумму его личного дохода в неделю. За то, что его машинки будут мониторить остатки в точках и, по мере надобности, доставлять туда товар взамен продавшегося.

В обмен на деньги. Которые будут инкассироваться его же дронами.

Они обсудили массу тонкостей, вариантов страховки техники, возмещения ущерба в случае повреждения летательных аппаратов…

— Парадоксально. — Сказал Моше сам себе, прикладывая большой палец к сканнеру и отпирая двери своего номера.

И в физкультурнице, оказывается, может таиться спец по продажам и логистике. А уж как она использовала его возможности, случайно подвернувшиеся под руку… Это намекало на то, что такую работу девчонка делает не первый

и не второй раз. И этот город у неё — даже не пятый.

Впрочем, сумма его личного «лизинга» техники на еженедельной основе его более чем устраивала. С учётом того момента, что запчасти и прочую материальную чепуху местная сержант брала на себя.

Сигары, кстати, соответствовали внешнему виду. Интересно, а какую местную табачную корпорацию его новые товарищи собираются подвигать с рынка тут?

А через мгновение на шее Фельзенштейна повисла Чоу и мысли о технике и финансах отодвинулись на второй план.

Глава 4

— Что именно тебя беспокоит? — как могла тактично, спросила Жойс. — Почему кисляки давишь?

На первый взгляд, рабочая группа прошла более чем успешно. Она, признаться, и не рассчитывала на такой ресурс, как дроны израильтянина.

В условиях деликатности самой бизнес-схемы (чтоб не сказать, незаконности — начиная от контрабанды на территорию федерации и муниципалитета, и заканчивая налогами), возможность неограниченного пополнения товарного запаса на полках была самым настоящим джокером.

Не говоря уже об абсолютной неуловимости последующей инкассации. Безналичные переводы ею, по понятным причинам, не рассматривались — слишком легко отследить. Плюс, в случае превышения суточного лимита поступлений, наверняка срабатывали какие-нибудь муниципальные программы мониторинга счетов физических лиц. А дробить бизнес-счёт на десятки мелких индивидуальных — негде взять столько людей.

Возможность же забирать наличные из любых точек хоть пять раз в день, бесплатным по сути дроном, выводила схему на качественно новый уровень.

Если бы у неё были такие возможности раньше… на какое-то мгновение она автоматически прикинула скорость развёртывания сети с учётом нового чита. Выходила экономия под шестьдесят процентов времени.

Алекс же отчего-то сидел кислым, несмотря на вполне пристойный результат их первого совместного детища (ну да, Моше — его канал. Сама Жойс с израильтянином бы в жизни не договорилась).

— Лично я полностью удовлетворена результатом на этот момент. — Серьёзно сказала она.

Затем, подумав, сбросила с себя форменную куртку и прижалась к Алексу сзади, складывая свои ладони него на животе.

— Да я не то чтобы… — он запнулся. — Ты как-то слишком серьёзно, как по мне, рассматриваешь временную возможность заработка. Систему, вон, целую разворачиваешь…

— Договаривай, — неожиданно заинтересовалась Жойс, деловито стаскивая с Алекса его рубаху и убирая преграду между своей и его кожей. — Ты иногда видишь вещи с интересного ракурса. Видно, что это не твой практический опыт, а в голове моделируешь. Но очень часто имеет смысл.

— У нас кафедра знаешь, как называется? «Теоретики». —

Проворчал он в ответ. — Что до темы. Во-первых, я тут у себя давеча обнаружил стойкий барьер на тему регулярного нарушения закона, — сконфуженно продолжил пацан. — А схема по сигарам — сплошь уголовщина. От и до.

Девушка звонко расхохоталась.

— Во-вторых, я чуть опасаюсь. — Признался он. — Знаешь, на что похожи твои действия?

— Ну-ка, ну-ка? — кафузу ещё больше подалась вперёд, с силой впечатываясь в спину парня, скрещивая свои ноги впереди в замок и упирая руки ему в затылок двойным нельсоном. — Расслабься, я тебе спину потяну…

— У нас в муниципалитете, типа, льготная граница, — прогнусавил Алекс, добросовестно упираясь лбом в свои и Жойс колени. — У нас, кроме прочего, часто тарятся соседние муниципалитеты, причём всем подряд: экономят на растаможке. Ну, у нас она, в силу местного законодательства, дешевле, чем в целом по Федерации, — старательно пояснил он очевидное под весёлое фырканье сержанта-кафузу.

*— Пауза в докладе! — незаметно улыбаясь, скомандовала Жойс. — В логистике выделяют три ключевых департамента. Ну, по крайней мере, **у нас**, — выделила последнее слово она. — Снабженческая — это как я сейчас горючку даю Моше.*

— Это понятно… ой, потяни так ещё-ё-ё… хорошо-о-о-о-о… то ка-а-ак…

— Транспортная: это уже когда Моше доставляет товар в каждую точку. — Продолжила Жойс, старательно выполняя просьбу. — А оттуда — бабки, куда надо.

— А в чём между ними разница?! — удивился Алекс из неудобного для разговора положения.

— В задачах. В снабженческой логистике цель — неснижаемый остаток припаса на складах. Ну или на торговой полке, как в нашем случае. В транспортной — эффективная доставка из пункта А в пункт Б, без потерь, — небрежно отмахнулась сержант. — А ещё есть таможенная логистика: это преодоление и прохождение фискальных, таможенных и прочих границ Федерации, и между единицами Федерации.

— О блин. Не знал, что у вас так всё сложно. — Чуть поудивлялся парень. — А последнее к вам каким местом? Вы же, вроде, на любой территории вне юрисдикции гражданских?

— Пф-ф-ф-ф, — зафыркала Жойс, почти что борясь со смехом. — Ты этого только никому больше не говори у себя в Корпусе! Чтоб будущие оценки не попортить. Во-первых, мы часто пользуемся услугами гражданских логистических компаний. Например, поставка в твой родной Порто-Муртиньо комплекта из

двухсот армированных оконных рам, для нового здания штаба гарнизона. Ты думаешь, из-за сотни окон, закупаемых к тому же на гражданке, армия будет гонять что-то своё? Пф-ф-ф, — хмыкнула она ещё раз. — Это будет делать гражданская компания. А вот на неё все таможенные и фискальные прелести ***каждой****, — подчеркнула она, — пройденной по пути муниципальной единицы распространятся в полной мере.*

— Ничего себе… кто б мог подумать…

— Потому, чтоб спланировать сроки поставки в твой Порт, нужно понимать, в том числе, скорость прохождения нашим грузом таможенных границ между федеральными единицами. Хотя, в чём-то ты прав: в норме, нам это побоку… Но ещё есть поставки, за которые отвечает Армия, и которые идут в другие страны. Там тоже бывает важен срок прохождения местной таможни. — Продолжила она.

— Это что, например? — опять изумился Алекс. — Вы ещё и поставщик великий?

— Например, комплекты агрегатов и деталей для переоборудования гражданского авиакрыла какого-нибудь экваториального государства. Оплата нам осуществляется по факту принятия груза получателем. А груз может застрять уже у них на внутренней таможне. — Сходу выдала совсем новый пример Жойс (из-за которого, говорят, в главном штабе сняли целого начальника отдела. Впрочем, скорее всего, то был лишь повод, на таких должностях правила и законы не работают. Просто должность надо было освободить своему человеку).

— Принял к сведению. — Пробубнил Алекс, продолжая упираться лбом в колени.

— А ЗНАЕШЬ, ЗАЧЕМ Я ТЕБЕ ЭТО ВСЁ РАССКАЗЫВАЮ?! — не отказала себе в удовольствии Жойс, гаркнув парню на ухо хорошо поставленным голосом.

К сожалению, тот даже не вздрогнул:

— Зачем?

— Ну-у-у, так не интересно… — огорчилась она вполголоса сама себе. Затем продолжила уже нормальным тоном. — Затем, что ты свои преамбулы про логистический хаб можешь опустить: ***по этой теме****, я сходу схватываю если не всё, то многое. Завершайся давай. — Посчитав сделанное достаточным, она позволила ему разогнуться. — Что тебя гнетёт?*

— Ты всё делаешь так, как будто планируешь сесть на контроле горлышка бутылки. Здесь — первый перевалочный этап. Тут ты, для виду, рассыпаешь товар по точкам, чтоб иметь хоть какой-то отток с основного склада. Но на самом деле, твоя цель — реэкспорт, в следующие единицы Федерации. — Быстро завершил

догадку парень.

— Ну-у, допустим. — Уважительно покивала Жойс. — А повод для тоски тут где?

— Боюсь, что у тебя не получится сесть на «кран». — Вздохнул мальчишка. — Пока этим самым горлышком бутылки рулят федералы, это одно. Если же ты, оттеснив их, сядешь сама на такой финансовый поток… — он не закончил мысль полностью, чуть растерянно глядя ей в глаза. — Опасно же где-то, нет?

— А я только сейчас решилась, — призналась Жойс, вытягиваясь на кровати, выгибаясь во весь рост и стаскивая с себя штаны. — До того, как с твоим Фельзенштейном пообщалась, сама думала так же. А сейчас прикинула: самая большая дырка потенциально — это передача оптовой партии за границы муниципалитета. На этом сыпется сто из ста аналогичных тем.

— Понятно: меньше ловить — нет смысла. — Теперь на лету схватывал уже пацан. — А оптовая поставка из точки импорта в другие единицы Федерации — это уже типа первый рубеж федеральных фискалов. Поскольку муниципальные тебе не страшны по определению.

— Ну. — Подтвердила она его догадку, освобождаясь ещё от кое-какой детали одежды. — А с его этими дронами я оч-ч-ень хорошо представляю, как сделать мизер неловленным. По крайней мере, до этапа развёртывания какой-то системы противодействия его группировке дронов.

— Группировке? — ухватился за правильное слово пацан.

— А чем ты слушал? Он же сам перечислил все ключевые компоненты. Если убрать военную составляющую, которая нам нужна, как рыбке зонтик, усечённая версия его аппарата собирается запросто. Из вполне легальных гражданских компонентов. Но только тс-с-с, — она приложила палец ко лбу. — Меня посетили сразу две идеи. Боюсь сглазить. Обдумаю ещё денёк-другой кое-что.

— Знаешь, меня тоже посетили две идеи. — Признался товарищ, усаживаясь по-турецки и задумчиво глядя в стену. — Коммерциализация на гражданке этих его дронов. Услуги народу. Во-первых, наблюдение: деятельность не лицензируется, летай — не хочу. Во-вторых, быстрая курьерская доставка в границах муниципалитета. Мало ли, какие оказии бывают. На сегодня эта ниша вообще пустая.

— Соображаешь, — похвалила парня Жойс. — О первом даже я не додумалась. Второе — этап после того, как прикроется это самое ***горлышко бутылки****. — Она многозначительно поиграла бровью. — Ты думаешь, я совсем идиотка? Конечно, это схема не на века. Надо просто успеть собрать сливки, месяцев восемь —*

шестнадцать, по моим подсчётам.

— Откуда такая точность в расчётах? — удивился Алекс.

— Ловить эти дроны, сто процентов, поставят армию. — Уверенно ответила сержант. — Со всем тщанием и системным подходом. ЗАКОН ОБ ОБОРОНЕ, тут без вариантов. А когда ***тут*** *начнётся развёртывание Системы, что способна с этими дронами бороться эффективно, я об этом буду знать по своим каналам. Если заранее побеспокоюсь… Ты так и будешь сидеть и пялиться на меня, как Иисус на Магдалену?! Иди сюда!*

_____

Один из сотрудников криминалистической группы Департамента полиции вышел из рабочего здания.

Кому-то другому его работа могла показаться скучной и рутинной. Он же, за годы службы, к эмоциям относился философски: на подвиги его и пятнадцать лет назад не тянуло. А спокойствие и стабильный источник дохода с возрастом ценишь больше, чем приключения и драйв. Да и не любил он драйва, если честно.

Его удивлению не было предела, когда рядом с ним с визгом притормозил полностью тонированный армейский (судя по маркировке кузова) вэн. И раздавшийся из него выстрел стандартного инъектора превратил криминалиста на время в мумию.

Появившийся из грузового отделения невысокий армеец, подхватив муниципала под руки, оказался сильным, несмотря на невысокий рост. К сожалению, лицо вояки было предусмотрительно скрыто штатной экипировкой, оттого возраст и тип внешности определить не удалось.

Попетляв по улицам, машина выскочила куда-то на трассу и ещё через полчаса полицейский с оттенком испуга обнаружил, что его волокут под руки двое дюжих темнокожих, переговариваясь о чём-то на своём тарабарском наречии.

— Эй, народ! В чём дело?! — попытался внести ясность в происходящее сотрудник Департамента. — Я простой эксперт! Ни к оперативной работе, ни к делам серьёзным отношения не имею! Что вам надо-то?!

Будучи человеком в меру опытным, криминалист, в том числе по роду занятий, знал нехитрый набор инструментов давления на криминальный элемент со стороны тех же копов-детективов из родного департамента.

До сего момента, он искренне считал: случись с ним подобное, на нём это не сработает.

Действительность от плана, как оказалось, весьма отличалась.

Когда двое чёрных верзил принялись, ни слова не говоря, охаживать его резиновыми палками (армейская версия, кстати, от родной по упругости весьма отличается, не в лучшую сторону!), он вытерпел ровно две секунды:

— ПРЕКРАТИ-И-ИТЕ! СКАЖИТЕ УЖЕ, ЧТО НАДО! — заорал он истошно, старательно припоминая, где и как он мог перейти дорогу федералам.

Так-то, и заключения в его исполнении бывали спорными. И некоторые вопросы приходилось «решать» как с копами, так и с объектами их работы. Но при чём тут федералы?! Это вообще не его уровень! Всё, что может хотя бы приблизиться к уровню мэра (не говоря уже о федеральном), в Департаменте делается совсем другими людьми.

Не мелкой сошкой, которой был он.

Негры перекинулись парой слов с тем невысоким белым, что поймал его под руки на улице. После этого один из верзил активировал в воздухе голограмму (штатный и казённый армейский комм, автоматически отметил полицейский. Коих миллионы).

— Ты подписывал заключение? — мелким бесом с другой стороны подскочил невысокий.

— Момент! — неожиданно храбро рявкнул в ответ криминалист, которого, подхватив под руки, зафиксировали мордой в голограмму чёрные гориллы. — Очки мне надень! Да не в том кармане!..

Он быстро успокоился, едва пробежав взглядом по первым строкам документа. Откуда дует ветер, было неясно. Но если это — всё, из-за чего разгорелся этот сыр-бор…

— Заключение делал я. — Уверенно кивнул он. — Женщина, личность установлена по документам в сумочке. Сбита машиной на улице…

— Причина смерти?!

— А вот там было интересно. — На минутку задумался муниципальный. — У меня возникли кое-какие сомнения… НО, — он попытался поднять вверх указательный палец, чего не смог сделать по техническим причинам. — Мне не дали её вскрывать. Поступил прямой приказ оформить всё на месте. В заключение вписать несовместимую с жизнь травму. Я не стал копать. — Он уверенно поднял глаза на единственного белого в армейской компании. — Так-то, это грубое нарушение. Но у меня был приказ, по внутренней сетке, второго уровня допуска. Потому побочку я не исследовал.

— Что за приказ? — невысокий вояка буквально впился в него взглядом.

— В связи с отсутствием ближайших родственников и наследников, в связи с опасностью идентификации нежелательных личных контактов, классификация Си, оформить усечённо… — криминалист с лёгкой душой сдал ДВБ, регулярно скрывающийся от широкого внимания за ширмой недекларируемых внутренних распоряжений. — И потом, вы не забывайте. Я — только инструмент. Само дело-то ведёт детектив. Так что, не того тормошите, — с явной издёвкой в голосе, неожиданно осмелел он.

Что-то такое мелькнуло в глазах армейцев, что позволило ему расслабиться и сбросить напряжение

— А кто у нас детектив по делу? — задумчиво продолжил белый.

— Ноль двадцать семь? — повторно мазнул взглядом по циферке в углу голограммы криминалист. — Так Филлипс же. Можете зайти на сайт того полицейского участка. Там список детективов и личные номера.

— Мужик, ничего личного. — Вздохнул после небольшой паузы невысокий белый вояка. — Исключительно в виде страховки, что ты не побежишь звонить о нашем разговоре раньше времени…

_____

В итоге, разглядев рациональное зерно в его аргументах, вояки даже отвезли его домой.

Прикольно.

Правда, пришлось пояснять им азбуку дважды. Но всё хорошо, что хорошо оканчивается.

Неожиданно, получилось разжиться даже тоненькой стопочкой банкнот — естественно, под видеозапись.

Да и шут с ним. Рассказывать кому-то о происшедшем (особенно руководству) криминалист и в мыслях не имел: дело давно закрыто. Претензий нет. Сам, считай, не пострадал (синяки и нервы не в счёт).

Денег насыпали. Хотя, могли и промолчать.

Иногда надо просто слушать, что тебе говорят.

Он в почти хорошем настроении направился к своему подъезду и не увидел, как микроавтобус свернул за угол. А затем его «похитители» стянули с лиц маски.

Дальше темнокожая сержант, со знаками различия одного из колониальных корпусов, протянула двум чёрным в формах военной полиции по точно такой же пачке банкнот, как недавно — муниципалу:

— Спасибо! Если что, обращусь ещё.

— Не за что, — флегматично отозвался старший унтер-офицер, сворачивая банкноты в трубочку и пряча получившуюся гильзу в нагрудный карман. — Чёрные должны помогать друг другу,

хе-х.

— Ага, — весело заржал его напарник, косясь на единственного белого пацана в салоне. Ради которого всё и затевалось.

Впрочем, белым тот был лишь условно, поскольку шёл в комплекте с девчонкой-сержантом, плюс на языке говорил. Так что, из общей канвы земляков почти не выбивался.

— Жойс, куда вас теперь? — унтер обратился к высокой сержанту, сидевшей на одном из задних сидений.

Неожиданное мелкое правонарушение, чреватое максимум гауптвахтой, окончилось наредкость положительно. Плюс — деньги.

— К Корпусу, — коротко уронила та.

— Странно, что он так быстро сдулся. И всё рассказал. — Задумчиво подал голос его напарник. — Народ, не моё дело, но как бы не лажа…

— Он говорил правду, — покачал головой белый пацан, являвшийся близким другом симпатичной кафузу из Первого Колониального. — Во всяком случае, искренне думал, что говорит правду. Я вижу такое.

— А чего ж он сдулся так быстро? — не унимался темнокожий, сидящий рядом с водителем. — Ему не западло, что ли, своих вкладывать?

— Во-первых, он почти ничего не нарушил. Во-вторых, местные юристы говорят, полицейские своих сдают быстрее, чем другие профессии. Говорят, муниципальные копы — самая нелояльная друг к другу в работе с офисом прокурора каста.

Темнокожие в форме военной полиции вздохнули и переглянулись.

— Увы, не только муниципальные. — Многозначительно отметил более взрослый унтер, обращаясь, скорее, к самому себе.

_____

***За некоторое время до этого**.*

— Слушай, а отчего ты так уверен? — Алекс не то чтоб сомневался, нет.

Он просто боялся ошибиться, оттого чуть нервничал.

Моше снисходительно вывел на экран несколько иконок:

— Что видишь?

— Программа распознавания лиц? — расшифровал парень одну из программ. — Остальное даже не представляю.

— Вторая программа — производное от первой. Культура и конфигурация движений при ходьбе, в принципе, тоже позволяет идентифицировать личность процентов на семьдесят. — Просветил товарища израильтянин. — Если в толпе рожу не видать, а потерять типанельзя, автоматически запускается

это, — Моше ткнул пальцем во вторую иконку. — Если же всё-таки контакт был утерян, запускается поиск. По сумме признаков, третья программа начинает лихорадочно сеять всех, кто в кадре, через своё сито. Для этого, уже сама программа поиска подтягивает свободные дроны к нужному месту, чтоб обеспечить забор видео информации с площади в максимальных объёмах. — Он снисходительно поглядел на товарища и чуть помолчал, размышляя, стоит ли говорить дальнейшее. Затем всё же решился. — Из личной практики. Вёл одного красавца дома раз… Вот точно так же. Предельная дистанция, все предосторожности… Так там совпадение было: во-первых, он пошёл через какой-то мирный марш в своём районе, где все в их национальную одежду были одеты. Я ещё подумал, так вот чего он вырядился — чтоб затеряться и хвосты сбрить… Во-вторых, при поиске в толпе, единая одежда забивала почти весь входящий сигнал.

— Твоя техника его потеряла в толпе?! — сообразил Алекс, отчего-то оживляясь.

— Да. Причём, в толпе одетых единообразно. — Напомнил Фельзенштейн. — В воздухе на момент было три дрона. Поиск и возврат идентификации заняли три и шесть десятых секунды.

— Это много или мало?

— Это максимальное время утери контакта на моей практике. Антирекорд, так сказать. За это время чемпион мира не пробегает и тридцати метров, — не удержался от сарказма израильтянин. — А этот твой полисмен вообще из кадра не выпадал. Так что — да. Всё точно. Ошибки быть не может. Тем более, наблюдаю его не первый день. Маршрут регулярный, с твоими данными совпадает. Ну, и в окна дома и его работы я к нему тоже заглядывал, — покаялся капитан. — Как раз сквозь занавески, режимы зрения тестировал, так что он нас точно не видел.

На самом деле, заглядывал, разумеется, дрон. Но переспрашивать ни Алекс, ни Жойс не стали. Вместо этого, они засобирались в известном им всем направлении.

Глава 5

— Ты уверена, что справишься? — специально отворачиваюсь от Хаас, чтоб не следить за малейшими оттенками эмоций на её лице.

Потому что, если буду смотреть на неё, то машинально буду это всё фиксировать.

Тема достаточно неприятная, но поговорить наедине и откровенно мы должны. Хотя бы затем, чтоб и дальше оставаться близкими друзьями.

— Это ты обо мне так позаботиться решил?! — искренне и легкомысленно (как по мне) удивляется она, подъезжая на полюбившемся ей барном стуле к микроволновке. — О-о-о, у тебя жратва есть… Я съем, ладно?! — изображает вежливость она.

И, не дожидаясь моего ответа, запускает руку в остатки фасоли с курицей. Которые приготовила Жойс перед тем, как отвалить с утра по делам службы.

— М-м-м-м-м… Анна, там же вилка есть! И ложка! — всё же приходится повернуться к ней, чтоб указать взглядом на подаренный Карвальо набор столовых приборов. — А Бак говорил ещё что-то о *моих* манерах. — Удивлённо и скептически обозреваю сцену поедания блюда руками. В исполнении записной аристократки и вообще представительницы самой что ни на есть элиты.

Хаас не обращает на меня внимания. Поэтому сминаю кусочек бумаги в шарик и запускаю в неё.

— Что?! — она, наконец, отвлекается от увлекательного процесса.

— ТАМ ЛОЖКА! — указываю направление повторно.

— Да ну, так вкуснее, — мечтательно жмурится она. — К тому же, теперь это всё моё… Раз я влезла руками, значит ты больше этого есть не будешь.

— Да могла бы и так всё съесть, — удивляюсь по инерции неожиданной перемене в её манерах. — Что это на тебя накатило?! С утра пораньше?

— Со столовкой вкус не сравнить! Каждый раз, когда у тебя ночует твоя Жойс, у тебя шикарный завтрак! — Весело сообщает Анна, продолжая выгребать фасоль из глубокой тарелки прямо горстью.

— Блин, девушка, изысканность ваших манер может сравниться только с вашей внешней красотой, — перефразирую старый тезис Бака, который он регулярно выдавал до последнего времени в мой адрес.

— А я потом руки помою, — ещё раз отмахивается Хаас. — Уф-ф. Всё. Теперь на завтрак можно не идти.

— Ещё бараньи котлеты есть. — Сообщаю, вставая с кровати и направляясь к холодильнику. — Это капитан Карвальо зачем-то среди ночи кухней занялась. Пока они жизнь обсуждали, а меня на балкон спать отправили… Будешь?

— Не-а, — Анна, не слезая со стула, моет руки под краном и довольно гладит себя по животу. — Я наелась. К тому же, баранина обычно пахнет, фи.

— Ну, не знаю, что оно там тебе пахнет. Нормальные котлеты. — На всякий случай, принюхиваюсь к содержимому металлического медицинского контейнера (Камила зачем-то приволокла таких ровно десяток и сгрузила все в холодильник, для продуктов). — И ничем оно не пахнет, чего придумываешь…

— Да не люблю я просто баранину, — счастливо улыбается Хаас и перемещается на освободившееся место на кровати, меняясь со мной местами. — Ты не переживай. — Без перехода, серьёзно, говорит она. — Я, во-первых, справлюсь. Во-вторых, ты неправильно ставишь сейчас вопрос.

— Это в каком месте? — успеваю удивиться, переложить котлеты на тарелку, загрузить всё это в микроволновку и включить подогрев.

— Правильный вопрос звучит так: а справишься ли *ты* без меня? — Уверенно заявляет Анна, изображая морскую звезду в горизонтальном положении. — Я прямо с утра спросила про этого твоего Филлипса, который детектив номер двадцать семь в участке.

— И когда только успела… Кажется, я повторяюсь.

— Проснулась утром. От тебя запрос с ночи висит в непринятых. Переслала его тут же двоюродному брату, чтоб он спросил у дяди. Пока чистила зубы, пока то да сё, от него уже и ответ пришёл, — пожимает она плечами. — В общем, этот Филлипс имеет весьма определённую репутацию. На самом деле, кстати, никакой он не Филлипс! А вовсе даже О'Брайен. Филлипсом он стал после второго брака, когда перешёл на фамилию жены, уже у нас в Федерации. В своё время, до переезда к нам, он чем-то серьёзно отметился в *их* национальной полиции. Настолько, что его даже не пускали в ряд графств Соединённого Королевства.

— Я не очень знаю правила на Островах. В чём тут тонкость? Как можно ирландца не пустить в графства Королевства?

— Да ни в чём не тонкость! Просто он — головорез, который не идёт на компромиссы. А Конституции у них единственных нет на материке, если что. Так, прецеденты… Кстати, у нас ему, вроде

бы, поручают именно такие дела, в итоге которых можно огрести кучу неприятностей! Или — денег, но тут как свезёт. — Хаас задумчиво наматывает локон на палец. — Понимаешь, я не знаю, как тебе рассказать, чтоб убедительно было… Вот брат мне объяснял — я вроде как чувствовала всё. А тебе сейчас доказать не могу. В общем, не будет он с тобой ни о чём разговаривать!

— Да ну-у-у, — неприкрыто сомневаюсь вслух, извлекая разогретое из микроволновки и разворачиваясь вместе со стулом к ней. — Возьму с собой Жойс, и ещё как разговорится. В принципе, я б и сам справился… Но с ней у него точно без вариантов. Против опыта не попрёшь, — цитирую свою половину применительно именно к такой ситуации.

— На родине у него был случай. Какие-то два наркомана изобразили взятие заложников. — Серьёзно сообщает Анна. — На самом деле, ни о каких заложниках речь там не шла. Это они типа с жёнами договорились, чтоб те сыграли, ну и понеслась… Но снаружи-то не понятно — шутят? Или всерьёз это всё? Переговорщик и психолог там что-то возились-возились, никакого толку. Подайте, дескать, миллион и карету до аэропорта… О'Брайен плюнул на всё, пошёл к ним в квартиру лично. Говорят, вытащил чеку из гранаты прямо на месте, оказавшись в комнате. И объявил: кто за четыре секунды из квартиры не выскочит, тому не повезло.

— Так он что, и рычаг отпустил? — припоминаю то, что читал в сети про амуницию вообще и армейскую пиротехнику, в частности.

— Угу. — Радостно кивает моя единственная друг-одарённая.

— А дальше что? — видимо, её рассказ меня пробирает, потому что на моём лице что-то такое отражается.

Судя по весёлым глазам Анны.

— А дальше выскочили эти красавцы вместе со своими жёнами из квартиры быстрее, чем оно догорело, — красноречиво сжимает губы в узкую полоску Хаас. — На этаже, естественно их уже ждали…

— А сам он как выкрутился?!

— На балкон выбросил и залёг с этой стороны. Вышел контуженый, без слуха, орёт, словно резаный. — Дисциплинированно напрягается Анна, припоминая детали рассказанной ей кем-то ещё истории. — Но там хитрая ситуация. С одной стороны, он вроде как неправ был — граната, заложники… С другой стороны, он пострадал на работе, типа ранение. Ещё с одной стороны, никто ведь не убит: ни «заложники», ни сами наркеты. В общем, ему даже какую-то премию выписали, говорят. За решительность и находчивость.

— Серьёзный дядя. — Озадаченно соглашаюсь со всеми её доводами. — Даже не знаю, что сказать теперь.

— А это ещё не всё! Этот случай его очень характеризует, но он не единственный. В общем, брат говорит: он всегда в сложные моменты проходит вот так, по краю. С одной стороны, как будто есть риск для жизни. — Хаас ёжится, видимо, представляя гранату в своих руках, а не в чужих. — А с другой стороны, всё в итоге решается в мгновение ока, в его пользу. А он цел и невредим. Понимаешь?

— М-да уж… Видимо, такого человека будет непросто разговорить… — Только идиот будет спорить с очевидными выводами. А Анна описала персонаж будущего собеседника достаточно ярко. — Но теперь мне неясно вдвойне: а *ты* чем мне поможешь? Извини, но давай откровенно. — Поднимаю ладонь, останавливая аргументы, готовые сорваться с её губ. — Ты пока не сильно взрослая, согласна? Психологически — в том числе. Если с ним не справлюсь я или Жойс, то ты нам чем поможешь?

— Ни ты, ни Жойс, не сможете его жечь по частям. Начиная с пальцев, останавливая кровотечение, поднимаясь по конечностям выше. — Выдаёт Хаас на полном серьёзе. — Плюс, можно ещё жарить ему внутренности, заживо, ну как в микроволновке! Не насмерть, но ощутимо. Поверь. Кстати, тебя так Штавдакер на полигоне грел, ты должен помнить! Или вот такой шоковый вариант: вода в кожных покровах разогревается до температуры кипения менее чем за одну сотую секунды. Именно в эпидермисе, либо в других слоях кожи, на выбор. Потом могу так же быстро охладить. — Она не шутит и искренне верит в каждое своё слово. — Незабываемые впечатления обеспечены.

— Ничего себе, ты живодёрка! — невольно смотрю на свою подругу по-новому. — Закономерен вопрос: а зачем тебе это надо?! Кстати, а ты уверена, что сможешь это всё воспроизвести в реальности? Во именно так, как ты говоришь? На живом человеке?

— Мне тоже надо тренироваться, — неохотно признаётся она. — Батя говорит, лучше я это буду делать при тебе, в безопасности и под присмотром. В вопросе, который он по-любому сможет замять. Таким образом я избавлюсь, наконец, от своего чистоплюйства. Ну и, этот О'Брайен может чего-то не сказать тебе. Из чисто ирландского упрямства. Но он в полиции не первый год, в том числе в Федерации и в муниципалитете. Он не может не понимать: если его спрашивает кто-то из Хаас, то он, промолчав, ничего не выиграет. И никакого бремени со своих плеч не снимет.

— Почему?

— Потому что любые клановые, не получив ответа от него, пойдут спрашивать у его близких. — Простенько отвечает Анна. — Если ответ нам важен или принципиален. А у него молодая жена, двое детей от первого брака и трое сейчас, уже во втором.

— Ничего себе… И ты об этом так просто говоришь мне? — видимо, что-то не укладывается у меня в голове, и это как-то отражается на моём лице.

Потому что в следующую секунда Анна сама поясняет:

— Ты не думай, что я это сделаю ради удовольствия! Боже упаси… Но мой отец прав в том плане, что проскочить мимо подобного в жизни *нам* удаётся крайне редко. И на везение лучше не рассчитывать. С тобой, да ещё в нормальном и честном деле, сам бог велел… — она стушёвывается и не договаривает до конца.

— Как насчёт того, что и ты подставишься под закон? Это ведь не совсем законная беседа будет.

— Это ты мне после своих собак говоришь?! — искренне удивляется она.

— Упс, точно. Это я упустил из виду. — Спохватываюсь, не находя более аргументов.

— И потом, поясню по аналогии. У О'Брайена есть одна деталь, которая делает его очень удобным в данном случае. Ну или уязвимым, это как сказать… Он без искры. Напомнить тебе, чем закончилось разбирательство, когда тебя чуть не поджарили до смерти на улице? — напоминает она достаточно неприятный эпизод моей собственной биографии. — Все живы, все здоровы. Никто не пострадал, кроме твоей матери… Извини! Просто потому, что в муниципалитете не первый десяток лет, и не одно поколение, культивируется сложившийся баланс. Простак в суде не тянет даже против обычного одарённого. Не говоря уже о клане. Тем более, из первой десятки.

— То, что он полицейский, не влияет? Никак? — подпускаю скепсиса в голос.

— А то, что ты был несовершеннолетний, на что-то повлияло в суде или ещё где? — моментально отзеркаливает Анна. — Забудь ты этот бред про права и конституцию! Целее будешь! Прав тот, кто сильнее! И кто свои права лучше умеет отстоять! У простака-копа, ещё и не отсюда, а из Ирландии, против местного клана шансов ещё меньше, чем у тебя против него. И потом, не воспринимай это, как подарок! — она чего-то разгорячилась и даже покраснела. — Это в первую очередь моя личная тренировка, в достаточно стерильных условиях! Рассказала бы я тебе, как это выглядит в первой десятке кланов иной раз, когда

такого удобного момента не подворачивается… Но не буду. Чтоб ты в жизни не разочаровывался.

_____

За некоторое время до этого.

— Ты уверена, что тебе это нужно? — Грег Хаас задумчиво и пронзительно смотрел на своего ребёнка. — Помнится, приведение даже абсолютно законного приговора в действие стало для тебя неприятным личным испытанием.

— Вот именно поэтому и нужно. — Упрямо ответила дочь. — Ты сам говоришь: в ракушке всю жизнь не отсидишься.

— Ты не подумай, что я тебя отговариваю! — на всякий случай, решил объясниться отец. — Более того. Я тремя руками за личный прогресс, особенно в узких местах. Но как-то оно всё… странно, что ли.

— Пап, помнишь, ты рассказывал, что в прошлом поколении безнадёжно отстали те кланы, где рулили старики? — неожиданно припомнила один давний разговор Анна.

— А при чём тут это? — не сразу ухватил посыл Хаас-старший.

— А помнишь, ты рассказывал: это случилось только потому, что старое поколение не оценило в полной мере роль научно-технической революции. И продолжало, грубо говоря, ковыряться в книгах, когда за тебя это делали компьютеры.

— Ну да, так и есть, — согласился Грег. — Но здесь это каким местом?!

— Смена эпох. — Коротко заявила дочь. Потом пояснила. — Мне кажется, мы сейчас стоим на пороге смены эпох. Как и в тот раз. Только сейчас революционным будет тот факт, что искра больше не будет являться гарантией социальной элитарности. С учётом информационной эры, смена ценностей может вообще за несколько лет камня на камне не оставит от текущего status quo.

Хаас-отец смотрел на своего ребёнка широко открытыми глазами и не знал, что сказать. Не в последнюю очередь оттого, что её аргументы его впечатлили.

— Вот я хочу попробовать свой шанс. — Продолжала тем временем напирать Анна. — Тем более, в данном случае, как ты говоришь, по максимуму выйдем на хулиганку. И скроемся от муниципалов в Корпусе.

— Я не знаю, что тебе ответить. — Откровенно признался Грег.

— А я тебя ставлю в известность, а не договариваюсь. — Подвела итог короткой беседы дочь. — Это моя жизнь. Пусть я лучше ошибусь, ты меня спасёшь, и мы будем семьёй и дальше. Чем ты сломаешь меня через колено, заставишь делать по-твоему. А я

потом буду всю жизнь жалеть о том, что не добилась, чего могла, из-за тебя.

Хаас-старший ещё какое-то время молча смотрел на захлопнувшуюся за дочкой дверь. Потом вздохнул, поднялся и пошёл к мини-бару.

Глава 6

Именно эта задача конкретного решения не имела. Как и правильного.

По крайней мере, она явно не решалась в рамках этого курса. А в список тестовых материалов идиотское упражнение попадало из года в год по наследству, из давно забытых программ, ибо менять данную программу тестирования можно только с разрешения с самого верха (что явствует из грифа документа, живущего без изменений вот уж сколько поколений учащихся).

Тридцатипятилетняя, приятная на вид, неглупая от природы, Синтия Конелли чудесно понимала, откуда вообще взялся этот аппендикс. Как сказано классиками, «…сколько заведующих кафедр в стране — столько же будет и учебников теории». А затевать долгую череду согласований с великими педагогами из Института Сухопутных Войск было ненужно ни ей, ни её многочисленным предшественникам.

В кулуарах говорят, именно её предшественник как раз и попытался. Но попал то ли на разработчика этого материала, то ли на его лучшего ученика. В результате чего, на должности теперь пыхтела она.

Целью упражнения, кстати, было максимально раскрепостить эвристические способности учащихся. Метода восходила к тем временам, когда важным считалось не «что учащиеся говорят», а «как они мыслят». Кто-то, придумавший этот блок давным-давно, рассчитывал на то, что все результаты будут тщательно обрабатываться. Впоследствии.

На их основании, в свою очередь, будут анализироваться индивидуальные профили тестировавшихся. С тем, чтоб каждому рекомендовать индивидуальную же доподготовку, в оптимальном для него створе.

Разумеется, с учетом сегодняшнего количества обитателей Корпуса, это полный бред. Никто не будет скрупулезно анализировать такую прорву народу. Да и индивидуальная подготовка давно отдана на откуп кланам, и к Государству более не имеет никакого отношения. Хочешь отличаться? Тренируйся лично, в свободное время! И учись так же.

Расплодилось одарённых за эти годы достаточно, чего уж. С каждым лично не наносишься.

Досмотрев вместе с группой специально смоделированный учебный фильм, проводившая тест преподаватель дежурно спросила:

— Вопросы?

К её удивлению, руку поднял приблуда — соискатель одной из кафедр. Обычно все учащиеся в этом месте бросались ваять свои опусы, ни о чём не спрашивая.

— Да? — вопросительно подняла бровь она.

— Не сочтите за наезд. — Проворчал невысокий и смуглый пацан южного типа. — Но лично я вижу сразу две явные ошибки, которые в данном фрагменте нужно исправлять. А в условиях вашей задачи чётко сказано: одно изменение. Что делать будем?

— Как вы технично перекладываете ответственность, — пошутила экзаменатор.

Вариант с двумя явными ошибками в данном блоке выходил за пределы даже её небедной фантазии.

— Могу сразу давить на апелляцию, — угрюмо не принял юмора парень. — Тут реально две ошибки. И это только то, что вижу я. А я в вашем предмете и на вашей кафедре первый раз, исключительно по команде подполковника Бака. Давайте откровенно: я тут случайно, ненадолго, из-под палки, и я — дилетант в вашей теме. Стало быть, присутствующие тут профессионалы и будущие корифеи управления видят погрешностей на порядок больше.

Впечатлившиеся профессионалы и будущие корифеи с третьего курса осязаемо напряглись, заинтересованно вслушиваясь в происходящее. Из них, что характерно, явных ошибок никто не видел.

Как и сама преподаватель. Она, прикинув расклады, решила отступить от привычного хода вещей. Говоря прагматично, результаты именно этого теста ни на какие рейтинги или отметки влиять не будут. А развлечения в армейской среде крайне редки, особенно за счёт соискателей с других кафедр. Тем более что к «теоретикам» у неё были собственные и давние личные счёты.

Отчего бы не свести их хотя б с одним их выкормышем? Тем более, не всерьёз.

— ВСЕМ ВНИМАНИЕ! — хлопнула она в ладоши, привлекая внимание аудитории (которое и так было на пределе). — Какие ошибки видите вы? — она мягко посмотрела на чужого соискателя (готовясь веселиться).

— Боец Салех из вашего ролика. Или Салах?.. Ваш ролик поднимает вопрос конфликта интересов солдата во время боевых действий. Это раз. — Вроде как шагнул в расставленную ловушку приблуда.

Под моментально вытянувшееся лицо экзаменатора.

— Подробнее? — уже серьёзно потребовала она, выходя из-за стола и садясь на его край.

— Первое. Моральная сторона вопроса. Имею ввиду мучения

Салеха из-за сопутствующего урона мирному населению. — Тут же выдал соискатель. — Второе: какова конфессиональная принадлежность бойца? Это может быть очень важно.

А здесь Синтия всерьёз задумалась. Она уже предполагала, куда клонит этот парень, как там его…

— Кто он по вероисповеданию? — соискатель Алекс не дал ей додумать до конца последнюю мысль, переформулировав вопрос.

— Каким образом это может быть важно? — делано удивилась она.

Контуры вопросов соискателя обрели, наконец, читаемое направление. Другое дело, что вопросы он затрагивал хоть и правильные, но третьему курсу не по чину.

*— Он является выходцем из весьма определенного региона — видно по его имени. Для начала, он вполне может быть родом из той страны, где **любые** храмы охраняются законом, а любая Вера — священна. Осквернение любого религиозного храма оружием для него может быть неприемлемо на уровне базовых установок личности. — Бодро затарахтел Алекс. — В случае такого конфликта интересов, в действующих боевых частях практикуется три варианта решения проблемы. До того, как этот Салах начнёт быковать под храмом. Самый простой вариант: увольнение по статье «Несоответствие занимаемой должности». Таким образом, подразделение лишается слабого звена, а офицеры — геморроя.*

Несмотря на смешную канву повествования приблуды, учащиеся, казалось, боялись шелохнуться.

Как и сама Конелли, чего уж. Становилось интересно.

— Откуда такая уверенность? — нейтрально поинтересовалась она.

— Состою в родственных отношениях с военнослужащим Первого Колониального Корпуса. Рассказывали дома. Второй вариант — самый распространённый в реальности, — продолжал тем временем пацан. — Если офицер — чёрный, он будет морально и физически ломать любого такого бойца, добиваясь выполнения приказа, который сам солдат считает неправильным. Могу привести реальные примеры из двести тринадцатой горно-копытной Первого Колониального…

— НЕ НАДО! — мгновенно сориентировалась Синтия. — Спасибо! — добавила она уже спокойнее. — В иллюстрациях нет необходимости, пока всё понятно. Пожалуйста, продолжайте.

Она чудесно знала и сама, что такой солдат в лучшем случае потом садится на дурь, в худшем — стреляет в спины своим. Другое дело, что столь глубокого анализа простенький учебный фильм сейчас не требовал…

— Теоретически, есть и третий вариант. — Изобразил задумчивость пацан. — Считается самым сложным. Переформатирование системы ценностей конкретного бойца…

— СТОП! — снова подпрыгнула задом на столе Конелли.

Это тоже была тема, которую тут лучше было не поднимать. Интересно, с каких пор теоретики, которых правильнее назвать бей-беги, впадают столь глубоко в теории совсем чужих кафедр?!

— А почему вы считаете, что личностный конфликт Салаха будет настолько глубоким? Что это требуется обсуждать сейчас, в таком формате? — ради проверки, она бросила пробный шар.

— Так ведь, его имя, «Благо» по-арабски. — Пояснил подопечный полноватого и смешного подполковника Бака. — Плюс характерный расовый тип. В колониях, во всех без исключения, религиозность населения не опускается ниже шестидесяти процентов. Это я вам как выходец из колоний говорю. А вы тут все атеисты. И для вас поставить пулемёт в храме, наверху, это просто оборудовать хорошую точку. Просто удачное тактическое решение, даже если для этого придётся силой выбивать оттуда верующих.

— Мне кажется, вы преувеличиваете значение религии, — предположила экзаменатор. — Хотя-я…

— Я с девушкой хожу в церковь. Каждое воскресенье. До меня, она ходила туда два раза в неделю. — Сообщил пацан. — В нашем регионе, восемьдесят процентов населения бывают в церквях минимум раз в неделю. А вы?

— А при чём тут Салах? — не сдавалась Синтия. — К католическим церквям вашего региона?

— По Салеху, сходу вижу два варианта. — Добросовестно выложил Алекс. — Первый: неочевидный, но вовсе не экзотический. Салах — христианин.

— С арабским-то именем? — улыбнулась преподаватель.

— Так точно. Есть шесть Древневосточных ***православных*** *церквей в указанном в фильме регионе, и одна просто Древневосточная, она седьмая… Начнём с последней. Ассирийская, она же Сирийско-персидская — Ирак, Курдистан, Сирия.*

— Не знала, — удивлённо закусила губу Конелли. — В принципе, как вариант, принимается…

— Четыре следующих конфессии, честно говоря, можно пропустить, — неожиданно засмущался пацан. — Салах явно не имеет отношения к армянской, эфиопской, эритрейской или маланкарской православным церквям. Но вот уже Сирийская и Коптская церкви — вполне возможные варианты, как раз с таким именем! И регион совпадает.

— Никогда не слышала о них, — присвистнула экзаменатор, отбрасывая условности. — Честно говоря, до этого момента, на барьеры в исполнении приказа никто не смотрел с такой стороны.

Вообще-то, предполагалось, учащиеся будут выбирать наиболее подходящее место для огневой точки. А с самого удобного (на первый взгляд) места резался горами обзор. Вот и вся интрига.

Кафедра теоретиков же, как обычно, раскопала мамонта там, где его не могло быть.

— Так я у вас впервые, — нейтрально пожал плечами парень. — Ролик ваш. Говорю, что резануло глаза именно мне: речь же шла о барьерах задачи? Кстати, даже если Салах — мусульманин, это всё равно мало что меняет, с моей точки зрения. Важны ещё страна его происхождения и конфессия. У вас — ни слова о том.

— А это ещё зачем? — раздался голос с соседнего ряда, уже от учащихся. — Каким образом его страна повлияет?

— Иордания — двадцать процентов мест в парламенте у христиан. Ливан — кажется, треть. — Повернулся на голос соискатель. — Это то, что в их конституциях прописано. Ещё есть шииты Ирана, хотя ладно… Салех явно не перс и не оттуда…

— В Иране тоже есть христиане в парламенте? — удивился третьекурсник.

*— Да, и давно… армянская церковь… В общем, тут не только эти страны. Есть ещё конфессии Ислама, мусульмане которых, с высокой вероятностью, будут защищать **любой** христианский храм точно так же, как родную мечеть. По крайней мере, осквернять его не позволят, чего бы им это ни стоило. А у вашего Салаха — автомат в руках. — Напомнил содержание ролика пацан. — А вы не сказали, ни откуда он родом, ни — какой он веры. В колониях это важно…*

— Интересное замечание. — Конелли немного посомневалась, затем всё же решила сказать откровенно. — Вы сейчас выступаете с позиций следующих учебных курсов, которые не являются частью минимальной программы Корпуса. Не в моих правилах такое говорить, но в поднятой вами теме не должен разбираться никто из тут сидящих. Исключая, разве что, меня. — Добавила она, улыбаясь.

*— Ну а я знаю о такой проблеме, — упёрся приблуда. — У меня в корпусе вкачаны курсы мировой культуры и страноведения. Предметы эти знаю хорошо, чай, не с искрой по полигону носился… Вы однозначно не заставите ливанского араба или сирийского христианина оборудовать в **любой** церкви пулемётную точку! Ладно, добрую половину из них — точно не заставите. — Поправился он. — Его надо было или увольнять, заранее! Или*

снимать конкретно с этой задачи.

— А что было вашим вторым замечанием? — решила сменить тему Синтия.

Твёрдо пообещав себе всё-таки инициировать вопрос отмены этого дурацкого упражнения, никому не нужного уже много лет.

— С моей точки зрения, решение такой комплексной задачи именно тем подразделением, что в вашем ролике показано, требует совсем иного группового эмоционального тона. — Выдал теоретик, заставляя Конелли громко икнуть. — У вас же командир из тона гнева не выходит ни на мгновение! Каким образом он мозговой штурм собирается модерировать?

— Вообще-то, в армии чуть иные механики принятия подобных решений. — Уже уверенно улыбнулась Синтия.

— Неважно, какая механика, — запальчиво вспыхнул приблуда. — Первым пунктом идёт оценка обстановки, так? Принятие решения — только вторым. В эмоциональном тоне гнева, депрессии и прочих отрицательных, оценка обстановки ***не про-из-во-дит-ся****. — Выговорил он по слогам. — Если бы ваш героический отрядец попал на точку с готовым решением, это одно. Но вы же показываете, что они сейчас что-то решать будут?*

— Не они. Только один. — Напомнила о роли командира экзаменатор.

— Окей, пусть будет командир. На него законы тоже распространяются. Он тоже пребывает в тоне гнева, даже не в скрытой враждебности. — Продолжал вещать неоговоренными терминами пацан. — В подразделении грубо нарушаются правила эмоциональной гигиены. Да у вас самого командира надо было в психушку, на профилактику! Простите…

Интересно, кого это Бак сюда отправил? И ведь предыдущие оценки нормальные. По физподготовке, вон, вообще автомат поставили. Интересно, что это должно было в горах сдохнуть, чтоб Стоун поставил автомат теоретику?!

В следующий момент преподаватель объявила двухминутный перерыв и тут же написала Баку.

_____

Внутренний преподавательский част Корпуса.

СК____:*Бак, кого вы мне прислали на зачёт?! Что за подстава?! Кажется, наши кафедры не ссорились! То он про религии Залива, при всех..! То про какие-то эмоциональные тона, единой шкалой! Как это понимать?!*

*= ** **Бак:****Алекс Алекс?*

СК____:*Да.*

*= ** **Бак:****Это новенький мальчик. Он из одного места с Матеушем, обычно в медсекторе и пропадает. Он у нас по*

физиологии головного мозга специализируется. Весьма пристойный уровень, кстати. Какие-то проблемы???

СК____:*Ладно. Нет. Если он по медицине двигается, вопросов больше не имею.*

*=**_**Бак:****Не совсем по медицине. Скорее, по аспектам прикладного применения.*

СК____:*Неважно. Спасибо!*

Глава 7 (не уверен. Вечером перечитаю свежим взглядом)

— Ладно, раз с первым более-менее определились, давайте поговорим о вашем втором пункте подробнее. Скажем, лично меня вы заинтересовали. — Открыто предложила Синтия, которая в отношениях с противоположным полом с детства предпочитала полную откровенность. Даже если представителем противоположного пола был пацан в два раза младше. — Ваша точка зрения по Салеху принимается, как практически обоснованная. Хотя и небесспорная.

— А кто для нас авторитет, чтоб была бесспорная? — неожиданно наклонил голову к плечу Алекс. — Вернее, даже не так. Какого уровня подтверждённый практический опыт признаётся релевантным в ходе этого теста? Потому что лично я об этом сразу и в учебнике читал, и от одного уважаемого человека слышал.

— Что за учебник? Что за человек? — на автомате выдала преподаватель, тут же пожалев о не совсем уместном интересе.

— Учебник находится у капитана Карвальо в медсекторе, прямо в приёмном покое. Ну, это методичка, на самом деле, — снова засмущался пацан. — Называется «Профилактика ПТСР и иных психиатрических расстройств в условиях отрыва от пункта постоянной дислокации в течение длительного времени». А человек — Игнасио Уркидес.

— Стоп. Игнасио Уркидес — это из прокуратуры? — наморщила лоб преподаватель, припоминая текущую должность достаточно известного в этом округе старика. — Зам военного прокурора? А где это он вашей кафедре мастер-классы давал?!

— Да, он оттуда, — радостно закивал соискатель. — Точной его должности не знаю, мне не по чину спрашивать было. Я просто рядом сидел, имя запомнил. Он не на кафедре выступал, он в одно место нас арестовывать приезжал. Ну, понарошку; чтобы гражданские полицейские отвязались. Я, правда, не знаю, как заставить его подтвердить вам, как экзаменатору, всё то, что он тогда рассказал. Пока муниципальных копов ждали.

Аудитория весело заржала.

Конелли, мысленно махнув рукой, к смеху присоединилась.

Не нужно семи пядей во лбу, чтоб понять: пацан так хорошо осведомлён о некоторых деликатных моментах бытия именно от того своего родственника в Первом Колониальном. Кстати. Видимо, человек тот не совсем простой, раз на выручку принёсся

сам старик Уркидес.

— Честному имени господина Уркидеса мы поверим даже в виде непрямой ссылки, — отсмеявшись, продолжила преподаватель. — Скажем, ваше заявление не противоречит моему личному опыту и кругозору, — решила сделать великодушный шаг навстречу она. — Давайте ко второму пункту. Вероятно, он будет не менее интересным.

— Тут рисовать и пояснять надо. — Парень потер затылок. — Я по присутствующим вижу, у нас с вами понятийный аппарат не согласован. Вы это как-то иначе называете либо… — он замялся.

А Конелли поняла, что он стесняется заявлять вслух: «Не оперируете понятиями».

— Выходите, рисуйте. — Предложила она, усаживаясь на стол полностью и, поддерживая неформальную волну, разворачиваясь к интерактивной доске.

Располагаясь к аудитории спиной. И спиною же ощущая два десятка мужских взглядов, впивающихся сзади в изгибы её обтянутого одеждой тела.

М-да, есть в армии и свои мелкие приятности для женщины.

— Для простоты, в мышлении выделяем два базовых типа процессов. — Соискатель тут же выскочил на подиум и со скоростью принтера принялся укрывать поверхность доски знаками. — Это аналитика и эмоции. На первом не останавливаемся, вопрос сейчас не в ней… Эмоции — это тоже информация. Причём, лежащая в абсолютно иной плоскости Хрестоматийный пример: «Тереза, выдра ты горбатая!».

Переждав волну шёпота, он продолжил:

— Тереза — не выдра, и не горбата. С аналитической точки зрения, ваша информация не имеет смысла. Но вот уже на эмоциональном уровне вы этой Терезе сообщили максимум из того, что хотели или могли бы на момент времени.

— Я уловила концепцию. — Машинально дала обратную связь Синтия. — Развивайтесь.

— Сейчас, дорисую… Есть такое понятие: шкала эмоциональных тонов. — Принялся вещать пацан, указывая на свежие пиктограммы на доске.

— Нейро-физиологи выделяют прямую зависимость между эмоциональным тоном, в котором вы находитесь, и точностью вашего анализа. — Продолжил приблуда. — Плюсом к точности идёт скорость. Например, находясь в депрессии, ни на какой точный анализ обстановки вы физиологически неспособны. Ни на точный, ни на быстрый. — Он на секунду обернулся на Сильвию и тут же добавил. — Если хотите, я могу это доказать! Правда, тогда в биохимию нырнём надолго.

— Да нет, не нужно доказывать очевидного, — великодушно не стала придираться Конелли. — Принципиальных возражений не имею. Доступно, выглядит логично, — зачем-то подбодрила она пацана.

А про себя подумала: такому недомерку на той кафедре наверняка и так приходится растопыриваться во все стороны, чтоб не быть затоптанным тамошними бегемотами. Во всех смыслах. С Баком пацану, конечно, просто повезло. Что и говорить.

— Командир подразделения ошибся тогда, когда позволил себе испытывать эмоции красной зоны шкалы, — продолжил тем временем развиваться этот Алекс. — Он может их изображать сколь угодно убедительно. Транслировать в астрал и в подразделение, чтоб расшевелить. Не имеет права их только испытывать в реальности, а именно это и произошло. Вот с моей точки зрения, второй барьер находится именно на этом этапе. Попытки выполнения задачи командой потеряли смысл именно тогда. Ещё раз оговорюсь: это — моя субъективная точка зрения, — он чуть растерянно обвёл взглядом присутствующих. — Ошибки управления в данной ситуации, как по мне, лежат не в плоскости тактики: когда ты сам истеришь, когда тебе стреляют в спину свои, выбор тактики вообще не имеет смысла. Когда горит дом, на протекающий кран можно не тратить времени. Барьеры этого ролика лежат, в первую очередь, в области психологической гигиены внутри подразделения! Которую командир не то что не умеет обеспечить, а даже не знает, по каким законам оно работает. Я МОГУ СПРОСИТЬ, КАКОГО ГОДА ЭТОТ РОЛИК? — неожиданно выдал пацан.

Заставляя Сильвию лязгнуть зубами.

— Не в бровь, а в глаз, — не удержалась от тихой ремарки она.

— Простите за аналогию! — Приблуде, похоже, в голову вступила ещё одна мысль. — Вы сейчас спрашиваете о правилах дорожного движения, на какой сигнал светофора ехать! — С энтузиазмом продолжил он. — А данному водителю нужно объяснить, как заводится и работает эта машина. Потому что до того перекрёстка он просто не доберётся, ибо едет до первого столба.

_____

Внутренний преподавательский чат Корпуса.

СК___:*Бак, ваш выкормыш тут продолжает сверкать логикой на тему ничтожности обсуждаемой задачи. Методические и аналитические приёмы сведены в систему явно не их уровня. М-м-м-м-м… Он аргументирует не из головы, а чужими готовыми*

шаблонами.

*=**_**Бак:**Есть проблема с его аттестацией либо дисциплиной???*

***СК____:**Нет! Я не о том! Вы не против, если я его развёрнутое выступление отправлю от своего имени в ИСВ? Эту задачу, по-хорошему, давно снимать надо, по старости материала. А ваш уж больно удачно сформулировал, что в ней не так.*

*=**_**Бак:**А наше сверкание логикой на вашем предмете сейчас на что похоже?*

***СК____:**Обоснование как будто с курса «МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ» взято. Логика, во всяком случае, та. Механика принятия решения неплохо освещена, с необычного ракурса. Я не перебегу вам дорогу, если его тезисы от своего имени двину? Исключительно по данному упражнению! Чтоб снять его нахер с программы… На лавры не претендую.*

*=**_**Бак:**Да, можете. Дорогу нам не перебегаете: мы совсем по другой части, гхм-кхм. По гораздо более тривиальной:-))) У нас нет интересов в «Мыслительных процессах»:-)))*

***СК____:**Странно. Потому что этот ваш парень как будто по ним чуть не защищаться собрался. Судя по упоротости и по фокусу мышления.*

*=**_**Бак:**И снова нет. Он весьма далёк от той стези, поверьте его куратору! Просто дополнительно занимается на стороне, для кругозора, по настоянию нашей кафедры. А там, видимо, повезло с преподавателем; вот ему пробелы в базе и ликвидировали с запасом. Ну и сам он не ленивый и старательный, вот и прокачался неожиданно. Вообще, он у нас по физкультурной части, без подробностей.*

***СК____:**Впрочем, не моё дело… Спасибо! С меня шнапс.*

_____

— Откуда вы это всё взяли? — Бак отловил меня прямо в коридоре, после теста, и отвёл в ближайшую комнату психологической разгрузки.

Хм, а неплохо тут: кресла, мини газоны, какие-то цитрусовые деревья или кусты в кадках… Дверь, что характерно, самая неприметная.

— Если не секрет, а где это мы? Я тоже могу сюда ходить? — под первым впечатлением, невежливо отвечаю вопросом на вопрос.

— Нет. Это только для старших офицеров и преподавателей, у вас допуска нет. Так откуда вы взяли все свои материалы на последнем занятии? — он как-то чрезмерно серьёзно смотрит на меня.

— А что там брать? — искренне удивляюсь в ответ. — Всё же

на поверхности лежит! Часть у капитана Карвальо вообще вон, в методичке, в приёмном покое в пяти экземплярах на всех столах валяется! А кое-что мастер Донг пояснял. Я вам рассказывал, дополнительные тренировки, ханьская искра…

— Вы точно ни с кем из Института не общаетесь? — Бак продолжает воспринимать ситуацию неадекватно, как по мне.

И даже не поясняет, что за институт имеется ввиду. Впрочем, мне и неинтересно.

— Клянусь, всё из головы! — прикладываю руку к сердцу. — Ну-у, по шкале эмоциональных тонов если, то товарищ один просветил. Вы его не знаете. Работа в вашем ведомстве точно не публиковалась, а фрагментарно лежит на многих ресурсах! Надо просто свести в столбик.

— Да я не сомневаюсь! — хотя я своими глазами видел, что ещё секунду назад он сомневался. — Просто от вас не ожидал такого взгляда на вещи. — Бак активирует голограмму с комма и я наблюдаю фото себя у доски, на фоне схем. — Вы до последнего времени уж очень убедительно изображали студента физкультурного колледжа. Я теперь даже засомневался, а туда ли мы движемся, — он с колебаниями во взгляде косится на меня. — Может, вам вообще лучше в чистую науку? А не у нас головой кирпичи ломать? Я о следующем курсе обучения, после минимума.

— Господин подполковник, какой следующий курс?! Я и этот-то, исключительно под вашим нажимом!.. К тому же, одно другому не мешает. Искра же медицинская. — Напоминаю ему. — Ханьская. Я рассматриваю всё исключительно сквозь призму гормональной картины и обмена веществ. И, говоря об обобщениях, я не знаю, насколько мои выводы доступны другим. Если *не видеть* обмена веществ у людей на уровне этой самой искры.

— Считаете, это не тиражируется? — моментально схватывает он.

— Да. По крайней мере, пока Федерация не согласится, что ханьская искра тоже имеет место быть. А до тех пор, без системного доступа к информации и профзнаниям, это кружок по интересам. — Сейчас цитирую, если что, самого мастера Донга.

— Как вы смотрите, чтоб выделить эту тему в особую? И заняться ею фокусно? Как самостоятельной разработкой? — как будто на автомате, зондирует Бак. — Возможно открытие темы на стыке нескольких кафедр, это оплачивается лучше среднего.

— Там нечем заниматься, господин подполковник! Ну представьте! — Как бы тут ему объяснить. — Допустим, есть первобытные люди; даже, скорее, ещё обезьяны. Есть первые

конфликты человечества. Одна обезьяна додумалась, что руку в кулак надо сжимать. И первый раз в истории нанесла удар не ладонью или когтями, а сжатым кулаком. Есть тут ради чего организовывать целую научную тему?! — смотрю на него, как на ребёнка. — Эти «откровения» вам выдаст любой хань, двенадцати лет отроду! Посещающий профильный зал на родине с семи. И имя им — миллион.

— Если эта ваша обезьяна будет совершенствовать концепцию со всей самоотверженностью, регулярно, и плоностью посвящая себя результату, то смысл, несомненно, есть. — Не задумывается ни на секунду куратор.

— А если этой обезьяне не интересны ваши кулаки, дрязги, конфликты?.. Если она в это время, к примеру, колесо изобретает? И руку в кулак сжала только для того, чтобы отогнать надоедливого дурачка, мешающего работать? — Вздыхаю. — Надо ли ей тратить силы на эти ваши кулаки?

— Такой темой всегда будет кому заниматься. — Невпопад, думая о чём-то ещё, отвечает подполковник. — Впрочем, вам решать… Я вам больше скажу. Такие новости разносятся молниеносно. Вам не обидно будет, если на кафедрах типа нашей, в разных местах, не одна и не две команды начнут на полном серьёзе формировать фокус-группы?

— На предмет чего?!

Он думает в параллель, и озвучивает далеко не всё. Потому сейчас его просто не понимаю.

— На предмет влияния этих ваших эмоциональных тонов, системно, на конечные результаты при обучении, например, — он хмуро смотрит на меня, продолжая витать в каких-то облаках.

— Да сколько угодно. — Отмахиваюсь с чистым сердцем. — Если в нашем с вами мире будет больше улыбок, наши дети только выиграют. Странно, что оно настолько зацепило лично вас. Мне вообще непонятно, отчего вы буквально всё воспринимаете сквозь призму прикладного применения в армии. Как будто этот мир только вооружёнными силами и ограничивается…

— У каждого своя работа. Вы уверены в своём решении? — Бак как-то отрешённо и отсутствующе смотрит сквозь меня.

— Абсолютно. — Поднимаю вверх ладони. — Поверьте, работа и исследования в армии — совсем не то, чем мне хотелось бы заниматься в этой жизни. Как бы поделикатнее… Господин подполковник; с моей точки зрения, это всё яйца выеденного не стоит. Извините. Любой мало-мальски соображающий нейрофизиолог, умеющий измерять в цифрах эту зависимость, вам за полдня на тысяче человек докажет справедливость тезиса:

«чем выше тон эмоций, тем выше эвристическая производительность мозга». В коллективе же, производительность тоже растёт по тем же законам, даже с запасом.

— Человек, до этого очевидного додумавшийся и изложивший доступно на коленке, может пойти очень далеко. — Он испытывающе смотрит на меня.

— Во-первых, додумался не я. Я только интерпретировал. Во-вторых, далеко пойти может и тот, кто первым это оценил и стал исследовать системно. С позиций *вашей* науки. — Парирую.

— Если я заберу эту тему и организую первые наблюдения за группами, вы не будете против? — одержимость и отстранённость его взгляда меня сейчас чуть пугает.

— Нет, конечно! Другое дело, что тут нечего «*исследовать*».

Ну и как его убедить сейчас?

— Донг говорит, это азбука самоорганизации… как мытьё рук перед едой! Эмоциональная гигиена, если сказать по-нашему. — Припоминаю точную формулировку.

— Вот тот, кто первым введёт это очевидное понятие, может очень неплохо приподняться, — думая о чём-то своём, замечает Бак. — Алекс, эта тема интересна лично мне. Если бесплатное и очевидное улучшает производительность кратно… И надо только научиться это измерять и культивировать… В общем, я могу вас попросить не лезть с публикациями на эту тему, в любом виде?

— И в мыслях не имел! — открещиваюсь, подаваясь назад. — Только хотел пролезть сквозь зачёт на недружественной кафедре! Программа намерений, как говорится, успешно выполнена!

— Благодарю… Кстати, у Конелли не бывает такого, чтоб кто-то из мальчиков ей чего-то не смог сдать с первого раза. — Зачем-то сообщает он рассеянно. — Вот девочки — тут да. Из тех она может кровь попить; по три раза на пересдачу ходят. А пацаны у неё всегда в отличниках, даже самые тупые, кхм…

_____

Примечание.

Кто читал «Батюшку в ауле» — извините за повтор. Тема и сюда ложится идеально.

Глава 8 (утром перечитаю)

— Слушай, а чем ты там часами занимаешься?! Раньше от тебя продыху не было, а теперь не дозовёшься! — растянувшись на балконе, обращаюсь к соседу по внутренней связи.

— Хозяйственные заботы… — весело отзывается Алекс, появляясь в проекции на глазном нерве уже не в виде безымянного смайлика, а сорокалетним высоким мужчиной (комплекции, кстати, почти как Моше, то есть килограмм за сто весом).

— Стесняюсь спросить. Какое это там хозяйство может быть, что так тебя поглотило? Может, мне уже опасаться пора? За своё психическое здоровье.

… ну и, попутно, я же всё равно рано или поздно отчалю отсюда, — продолжает он, организовывая изображение такого же кресла, как у меня. — Постепенно сокращаем время прямого контакта, чтоб ты ненароком, не в тот момент, на синдром отмены не нарвался.

— А что это за новая визуализация в твоём исполнении?

— Исключительно для твоего удобства, — поясняет проекция мужчины, — мне теперь легко такое строить. В общем, нашёл на чипе резервные модули. Чистая память, на которую ложится, что захочешь. Писал программы, разгребал место, организовал себе виртуал в стиле дома у моря. Когда мы в твоём номере, через соединение из сети качаю ваши книги, фильмы. Учебные передачи ещё. Потом часами можно валяться на берегу и наслаждаться жизнью. Вот, можешь поглядеть.

— Ничего себе, у тебя уход от реальности, — фыркаю, едва не расплёскивая кофе. — Ты уверен, что теперь *тебе* психологическая помощь не нужна?

— На все сто, — чуть улыбается проекция. — Тут обмена веществ в биологическом понимании нет. Исключительно набор импульсов. А последнее я контролирую, плюс пакет программ прописал за это время. Наше с тобой психическое здоровье — первое, что мониторится двадцать четыре на семь.

— А что ты там говорил про возвращение домой? Я к тебе, если честно, привык уже. — Вздыхаю.

— Взаимно, — так же вздыхает и он. — Но, во-первых, ты растёшь не по дням, а по часам. Я сейчас не о физиологии, а о ментальности. Во-вторых, поскольку я тут не вечен, чем раньше сотрётся граница между твоей и моей информационной базой, тем лучше для тебя. Судя по твоим затеям и начинаниям, загибы

истории в ближайшее время тебя ждут не самые простые.

— Кстати! Я всё удивлялся, почему это ты не лезешь со своими нравоучениями, — смеюсь. — А то были моменты, когда я, признаться, ожидал того.

— Чего?

— ЧТО ТЫ НУДИТЬ НАЧНЁШЬ! — вокруг никого нет, потому смеяться можно громко.

К тому же, в ушах у меня демонстративно торчат наушники. Если даже кто-то наблюдал бы со стороны, можно списать на разговор.

— Да я где-то смирился с тем, что мне вообще не стоит лезть в твои механизмы принятия решений, — отвечает Алекс, отсмеявшись. — Я только тут понял, насколько *у нас там* всё грамотно и продумано. Нельзя разумному навязывать чужую волю сверху, ой нельзя…

— Эй, а тон чего такой похоронный?

— Ты не поймёшь. — Отмахивается он. — Считай это переоценкой ценностей. В вашем мире идиотов, дураком себя начинает чувствовать умный, если кратко.

Какое-то время молчим.

— Я поймал себя на том, что тревожусь по поводу чемпионата. Вернее, не могу принять решение о правильной цели и тактике. Хотел с тобой посоветоваться, — говорю после паузы.

— Боевой блок оптимизирован, — он тут же зачем-то активирует виртуальную панель управления. — Скорость твоего обращения к техникам сейчас выше, чем нервный импульс даже у Чоу. Не говоря уже о… — Он скромно опускает взгляд.

— Херасе, — вырывается у меня. — Как это возможно?

— Нейропроводимость — не константа. Ею тоже можно заруливать, — уверенно говорит он и материализует из воздуха подобие интерактивной доски. — Особенно если чуть подшаманить аппаратную часть, каналы прохождения сигнала, то есть нервы. С питанием проблем нет, спишь нормально, организм изнутри чуть модифицировался.

Виртуальная доска начинает тут же покрываться формулами и иллюстрациями.

———

— Тебя хоть не зови. — Выдыхаю почти через час, присасываясь к остаткам жидкости в чашке. — Когда отдохнуть охота. Снова лекции. Блин, я думал просто поболтать со старым товарищем! Как говорится, а вдруг ему там скучно! Одному.

— Не скучно. Всегда мечтал о таком доме, — гогочет он. — И чтобы никого вокруг. Так что — нет. В известном смысле, это даже похоже на курорт.

— А тебе там нормально одному, сутками?

— Ну, во-первых, когда ты спишь здесь, я по вашей сети вовсю развлекаюсь. Ресурсы-то высвобождаются. У вас и игрухи есть интересные, и научных форумов масса, да и почитать-посмотреть есть что. Во-вторых, у меня там внутри скорость временного потока регулируется. Я замедляюсь в десятки раз, — снисходительно роняет он. — Когда я на берегу.

— Хитро, — соглашаюсь, уважительно кивая. — Я тут думаю, что тебя десять часов не было. Волнуюсь местами. А ты полчасика в море поплавал.

— Типа того. Понимаешь, не всегда рефлекторное действие — самое правильное, — зачем-то начинает оправдываться он. — Я в первое время лез тебя агитировать, убеждать, воспитывать… А сейчас просто принял: это — не мой мир. И твоя голова — это *твои*, а не *мои* решения. У меня сразу всё и встало на свои места. Ну и, плюс, я категорически против твоей зависимости от меня в процессе принятия решений. Ты не должен ощущать постоянное присутствие за спиной кого-то ещё, это может сыграть очень плохую штуку в неудобный момент.

— СТОП. Я понимаю, о чём ты. — Кажется, мне сейчас удаётся пресечь ещё один сеанс бесплатных лекций.

_____

— Как же так, Бен?! — Сара металась по квартире, как тигр по клетке.

Только что по потолку не бегала.

К сожалению, надо себе признаться: с возрастом она не становилась ни лучше, ни красивее, ни мудрее. Хотя могла бы и постараться…

Может, три месяца назад не надо было идти у неё на поводу? И не стоило упаковывать мать этого соседского парнишки, Алекса, в деревянный ящик?

Тем более, как оказалось, все усилия были напрасными.

— Мы же честно заплатили невыплаченный залог! Мы же за всё ***з а п л а т и л и****!*

У жены было одно отвратительное качество. Даже два, если подумать. Она никогда не признавала своих ошибок и всегда стремилась вымазать говном всех вокруг, когда эта субстанция начинала сыпаться из неё по воле небес.

А ещё она истерила по нарастающей, мешая мужу думать. Как будто получала удовольствие от того, что имеет над кем-то власть (хотя, какое может быть удовольствие от того, что ты не даёшь своей половине решить свою же проблему?! Именно тем, что не даёшь себе труда посидеть тихо пять минут).

— Бен, ты мужчина или нет?!

А вот настал и крайний момент. Когда доходило до этой фазы, начальник (с прошлого месяца) криминальной полиции дистрикта знал: успокоить супругу в ближайшие два часа не удастся.

Эта обрюзгшая, толстеющая дура с седеющими волосами будет нудить и дальше. Затем попытается бросить в мужа чем-то тяжелым. Сценарий не нов, истерика не первая.

Эх-х, а есть же у других мужиков жёны, которые могут поддержать, хотя б словом…

К сожалению, сейчас обстоятельства не располагали к обычному течению разговора.

Бен поднялся с кухонного стула, в два шага приблизился к жене и, с удовольствием улавливая оттенки удивления и страха в её глазах, залепил ей короткую оплеуху:

— Села и заткнулась!

— Да как ты… — брови жены поползли было вверх, а сама она принялась набирать воздух для истошного крика.

Так себя муж никогда раньше не вёл. Ибо безропотно сносил все её капризы, не желая тратить драгоценные часы семейного отдыха на скандалы и ругань.

Бен сделал то, о чём периодически мечтал долгие годы: врезал короткий апперкот ей в солнечное сплетение. Затем, положив руку на лоб, толкнул её жопой к стене, через пару стульев и стол.

— ЗАТКНУЛАСЬ, Я СКАЗАЛ. — Почти прошипел он, демонстративно не повышая голос. — Из-за тебя, с-суки, всё…

К сожалению, в судебном разбирательстве ссылка на капризы жены будет очень плохим аргументом. Как профессиональный полицейский, он это понимал лучше других.

Парнишку, которого почти насмерть покалечил его сын с друзьями, кажется, тогда даже не откачали до конца. По крайней мере, медицинские перспективы выглядели более чем туманными и его личные знакомые врачи, глядя на купленную за деньги историю болезни, как один, утверждали: без огромных денег, ловить нечего. В лучшем случае, выйдет из больницы овощем.

Сам Бен не вникал дальше в детали, поручив разруливать неприятный момент заместителю.

Мать пацана, гораздо более симпатичная, чем жена (к слову будет сказано), была по горячим следам сбита насмерть неустановленным лицом. На одном очень интересном грузовике, но это дело, кажется, тоже замяли…

Кстати! Надо будет позвонить завтра с утра Мали! Может быть, что это оттуда пошла какая-то утечка?!

Проблемой же сейчас был следующий момент: за сироту Алекса (по всем расчётам обязанного максимум пускать слюни в

психушке) вписался, ни много ни мало, клан юристов Хаас.

Если ровнять на серьёзные мерки, это всё равно как звено штурмовых вертолётов, вынырнув из-за холма, возьмёт на прицел нищих, возящихся в пыли из-за монеты.

Да у них час работы компании стоит дороже, чем вся эта квартира! Бен не до конца знал детали юридического бизнеса и не был в курсе того, что качественный юрист, прижавший его и всю сделку к ногтю за неделю с небольшим, потратил на вопрос ровно полтора часа. А сам состоял на фиксированной зарплате клана.

За клан Хаас работали не столько люди, сколько до автоматизма отлаженные процессы. Ну и, конечно, знание оперативной обстановки, судов и связи с репутацией. Там, где Алекс с матерью неделю клянчили бы внести их заявление в реестр и назначить дату рассмотрения дела, Хаасы ровно за полдня получали уже готовое судебное решение. Проведённое по всем правилам.

Ну откуда, скажите, вообще в этом деле взялся клан из десятки?! К сожалению, их самих не спросишь.

Разумеется, после подключения такой тяжёлой артиллерии против Бена, суды моментально привели в порядок «ошибочные» процессы и вернули квартиру пацану.

За одно сраное заседание. На которое ни Бен, ни Сара не были приглашены (спасибо двести девяносто первой статье кодекса — о неразглашении всего, кто касается несовершеннолетних).

Будучи копом, Бен сам попал в юридическую коллизию. Лояльный (пока не было Хаасов) суд, пересмотрев дело в закрытом режиме (статья два девять один, будь она неладна), нашёл ошибки сам у себя. И тут же их исправил.

Новым судебным решением, квартира была переписана на пацана в течение трёх суток. Сам Бен, являясь номинальным собственником, узнал об этом сегодня из электронного уведомления (последнее вообще пришло на номер Сары).

Естественно, он тут же набрал уполномоченного юриста Хаасов.

Разговор занял ровно минуту, из которой пятьдесят секунд говорил сам Бен.

— Если вы считаете, что вам полагается возврат вашего взноса на банковском аукционе, обращайтесь в суд. — Клановый молодчик, не здороваясь и не прощаясь, выдал только эту фразу и разорвал соединение.

А самое печальное, что взыскивать стоимость пришлось бы всё равно с Алекса. То есть, глухой номер, раз за дело взялись Хаасы.

Если начать ворошить палкой угли, всплывёт, для начала,

почему пацан стал овощем: спасибо сыну Эдди с друзьями — это они его уложили в больницу. Хаасы это точно раскопают на раз-два, тут без вариантов.

Кроме того, любое взыскание с несовершеннолетнего законами Федерации категорически исключается. Особенно если долг на том повис в результате судебной ошибки. До достижения пацаном совершеннолетия, у Бена даже иск не примут. А квартирой пацан точно успеет распорядиться за это время, хотя бы и продаст через опекуна.

Блядь, да откуда же взялись эти долбаные Хаасы в таком верном и копеечном деле…

_____

Ко всему надо относиться философски. В отличие от пожеланий жены, продавать новую квартиру Бен три месяца тому не стал. Посетив её вместе с сыном, они переглянулись, хлопнули друг друга по рукам и сообщили Саре: это будет собственность Эдди. Ну соберётся же он когда-то жить один, а то и вообще женится.

Жена, подивившись такой рачительности сына, возражать не стала. Тем более, жильё было напротив, и даже уроки делать в тишине сыну там оказалось удобнее.

Естественно, Саре никто не стал говорить, что отец с сыном раз пять в неделю принимают там девиц нетяжёлого поведения. Эдди был пацаном смышлёным, отца во всём поддерживал и отдохнуть тоже любил. А своих денег на девочек у него пока, в силу возраста, не водилось.

В отличие от жены, Бен быстрее смирился с потерей. Легко пришло — легко ушло. Видимо, не надо было грешить. Хорошо ещё, что вообще отделались только чужой квартирой (деньги не в счёт).

Оставшиеся до передачи жилья представителю Хаас сутки можно было использовать с пользой.

Бен вызвал троих хорошо знакомых подруг до утра, отбил сообщение сыну, чтоб тот подтягивался, как освободится, и направился через дорогу.

Хоть отдохнуть от жены, что ли. В последний раз помяв удобные кровати в апартаментах, куда жена и не заходила.

_____

К удивлению полицейского, дверь на балкон оказалась открытой. Неужели забыл в прошлый раз? Или это Эдди без него заходил?

Сходив в кухню и налив себе на два пальца бурбона, Бен вернулся в комнату и захлопнул балконную дверь. До приезда девиц было ещё добрых полтора часа, пока можно выпить.

К его удивлению, кресло, на которое он нацелился, уже было занято.

— Не скажу, что я рад тебя видеть, но садись, раз пришёл. — Выдал совсем непохожий на овощ Алекс, вздеваясь на ноги и прихватывая копа за руку.

Бену не понравились его глаза. Оттого, когда пальцы Алекса сомкнулись на его запястье, стакан из руки мужчины уже летел вниз, выпущенный из рук.

А сам Бен вкладывал ровно половину сил в удар, чтоб ненароком не зашибить небольшого габаритами парня.

Какая хорошая возможность задать все вопросы. И откуда Хаас в деле, и почему он не овощ, и как он собирается возвращать честному копу стоимость его квартиры. Этим самым пацаном хитрожопо и незаконно отторгнутой.

К ещё большему удивлению Бена, выброшенный вполсилы кулак не встретился с лицом нахала.

Вместо этого, какая-то кувалда ударила в лоб его. Вернее, это был локоть пацана, прилетевший сверху, но ощущение было именно как от кувалды.

_____

— Как ты сюда попал?! — неожиданно для себя, резко спросил коп, придя в себя через пару минут (судя по ощущениям).

В том самом кресле, даже не будучи связанным. Это хорошо…

— Шутишь? — наиграно удивился бывший владелец жилища. — Это мой дом. У меня точно такой вопрос к тебе.

Бен не первый год служил в полиции. Он прекрасно чувствовал обстановку вокруг себя, в любой ситуации. Предчувствие вопило, что действовать надо срочно.

Используя свободу движений, он рванулся навстречу пацану, намереваясь сбить его с ног.

Но был взят на приём, придавлен к полу и получил в лоб локтем повторно. В этот раз, голова ещё и ударилась затылком в мрамор.

— Убью нахер. — Пугающе спокойно проговорил Алекс и перетёк в положение «стоя».

Бен не собирался сдаваться. Вскочив на ноги прогибом спины, он снова бросился атаковать. Ну не может пацан в два раза легче ему сделать что-то серьёзное!

От досады хотелось выть. Непонятно, с чего он не овощ, но овощем Алекс явно не являлся. Слёзы обиды текли по лицу немолодого уже полицейского, когда пацан, содрав с него всю одежду, связал руки за спиной его же ремнём. А рот заткнул не совсем свежими собственными трусами.

— Знаешь, я не собирался с тобой говорить в таком тоне. —

Как ни в чём ни бывало, продолжил малолетний псих. — Но, если ты сам настаиваешь на таком формате… В армии учат знаешь, чему?

Блядь, а как он попал в армию?!

Не обращая внимания на вытянувшееся лицо полицейского, пацан продолжил:

— Когда нет времени, а инфа нужна, первого исполняют на автомате. Не слушая, что он предлагает.

С этими словами Алекс достаточно чувствительно три раза пнул криминального полицейского. Тот выгнулся дугой от сильной боли и засучил ногами по полу. В следующий момент, его трусы рывком выдернули у него изо рта, ломая один из зубов.

— И не ори. — Остановил мужчину пацан.

— Ты труп, — с ненавистью прошипел Бен. — Хер с ней, с хатой! Пусть Хаасы банкуют! Но лично ты — труп! Это я тебе как коп обещаю!

— Мне кажется, ты не понимаешь, что происходит. ТЫ уже не коп. Ты бывший коп.

— Схуяли?! — от неожиданности, Бен отрыгнул попавший в желудок после удара воздух.

— Который час на твоих часах? — пацан был явно не в себе, поскольку не должен был быть настолько спокойным.

— Часов десять вечера. Передача квартиры с утра, ты на моей территории, — с наслаждением выплюнул отец Эдди. — И тебе надо или меня убить, но тогда тебя всё равно найдут другие копы… Или давай договариваться.

Дзюдо — это умение обратить против противника его же силу. Бен это знал не только в теории.

— Угу. Давай. — Покладисто согласился бывший хозяин квартиры. — На самом деле, сейчас двадцать три тридцать. Твой сынишка купается в бассейне до полуночи, потом подтянется сюда, правильно? Ты ж его звал сюда звонком? Но право собственности переходит в полночь. Ты херовый юрист, Бен! Это адвокат Хаасов придёт принимать у тебя жильё утром — потому что тебе и ему так удобнее. А ***права на квартиру*** *возвращаются ко мне через двадцать девять минут!*

Криминального полицейского прошиб холодный пот.

— Теперь ты мне скажи. Я несовершеннолетний. В моей, после ноля часов, квартире, в мой адрес, проявляет агрессию полицейский. Которым моё жильё было отторгнуто в свою пользу незаконно, о чём есть свежее решение суда. Что я имею право делать с таким копом ***в своей*** *квартире?*

— Ты не посмеешь. — Осипшим голосом выдавил из себя Бен, до которого только что в полной мере дошла объёмность

ситуации. — Мы же соседи!..

— А вот тут мы возвращаемся к вопросу армии. Ты зря меня перебил… Когда у тебя два потенциальных языка, знаешь, что надо делать?

— Я не служил в армии. Понятия не имею. — Коп, как мог быстро, обдумывал ситуацию и что ещё можно предпринять.

К сожалению, в голову ничего не лезло. С психами вообще нельзя спорить. А то, что перед ним псих, уже очевидно.

— Первого, заткнув рот, как можно более болезненно и кроваво исполняют в течение пары минут. Чтоб он подёргался картинно, повыл сквозь кляп, забрызгал кровью второго. — Буднично сообщил соседский пацан. — А второй, будучи слабее психически, после этого рассказывает всё, что интересно нашей армии. Рабочая методика, как думаешь?

— Видимо, да. — Повторно покрывшись испариной, не стал спорить с сумасшедшим Бен. — Я не служил в армии! — напомнил он.

— Нам теперь надо только понять, кто из вас с Эдди более слабое звено, — доверительно сообщил Алекс. — Мне тебя на его глазах потрошить? Или его на твоих? Впрочем, он скоро сам сюда явится, тогда и решим…

— Полицейские разберутся! Убийство копа не сойдёт тебе с рук! — Бен искренне верил в то, что говорил в этот момент.

Боже, как же сделать, чтоб Эдди сейчас сюда не заявился?! И откуда у этого «овоща» столько информации?! Включая его звонок сыну на выходе из дома?

— Дебил. — Констатировал Алекс, усаживаясь обратно в кресло. — Я в армии. Федеральный иммунитет. Это что до твоих корешей-копов. Что до закона… Хаас, думаешь, ухитрятся проиграть в суде дело? По которому ты, после полуночи, вломился ко мне в дом?! После того, как их адвокат тебя в предыдущие сутки официально, под протокол, уведомил об истечении твоих прав на эту собственность?

Бен завыл волком от бессилия, гнева и унижения.

Получил удар в грудь и задохнулся, с трудом хватая воздух ртом.

— Не подводи сынишку под монастырь. — Походя уронил Алекс. — У меня к нему ста-а-арые счёты, и так руки чешутся. Если я сейчас не узнаю у тебя всего, что мне нужно, спрашивать буду уже его.

— Он же ничего не знает!

— Вот именно. — Вздохнул пацан. — Тем дольше и тяжелее будут длиться мои вопросы. Ты ж коп, Бен! Ну кто сходу верит пацану, утверждающему, что он ничего не знает?! Вспомни себя в

участке позавчера! Помнишь, тот блондин, наркет-грабитель? Он же тоже ничего толком не знал об остальных. Как оказалось. Но ты же ему поверил далеко не сразу?!

— Откуда?.. — Бен с трудом продолжал хватать воздух ртом. — Допросная на третьем этаже! Откуда?!.

— Не люблю пафоса. Но вопросы здесь задаю я. — Безоблачной улыбкой сумасшедшего расцвёл, казалось бы, так хорошо знакомый соседский пацан.

Глава 9

— Хотя, так и быть, отвечу. Просто у армии есть свои возможности. По крайней мере, там, где имеются личные интересы. — Пацан издевательски закинул ногу на ногу, так ничего толком и не пояснив.

Бен принялся лихорадочно прогонять всевозможные и невозможные варианты утечки информации. Непосредственно из здания участка, в курсе были трое-четверо. Адвокат подозреваемого точно не в счёт, тот бы не стал откровенничать не пойми с кем.

— Да всё равно не угадаешь, — устало уронил Алекс. — Не трать время. Ты лучше скажи, как моя квартира у тебя оказалась?

— Выкупил на банковском аукционе! — сделал честное лицо коп, включая дурака.

— И попутно, кто мать мою ухлопал?

Бен подавился следующей фразой.

— Кстати, лучше не ври. — Продолжал развивать наступление пацан. — Давай начнём сначала. У меня есть три задачи. Сейчас только от тебя зависит, буду ли я их решать в полном объёме, или остановлюсь на половине пути.

— Какие задачи? — угрюмо уточнил Бен, извиваясь подобно червяку и пытаясь устроиться поудобнее.

— Первая: перевод незаконно отторгнутого жилья моих родителей обратно в свою собственность. Эта задача, по факту, закрыта. — Охотно поделился Алекс. — Вторая задача. Установить виновных в гибели матери, как заказчиков, так и исполнителей. Причём, по обеим линиям. Ну и третий пункт: раздача сёстрам по серьгам. Наказание виновных, то есть.

— Что значит, виновных по обеим линиям? — моментально ухватился за ключевой момент полицейский. — Ты сейчас что имеешь виду?

— Блин, Бен. Я с тобой именно потому и разговариваю чтоб понять, что за вторая линия. Пока могу констатировать лишь её наличие. В виде достаточно невнятных следов. — Как-то чересчур серьёзно пояснил обитатель соседнего дома.

Вообще-то, один вариант выхода из тупика в голову заместителю начальника участка только что пришёл. Если потянуть время, дождаться сына, а затем как-то отвлечь внимание этого психа… Эдди шарахнет по нему искрой. Прошлый раз, помнится, это имело определённый смысл (пусть и в другом контексте).

С телом потом можно что-то придумать.

Непонятно, почему он, бывалый коп, не может физически справиться с малолеткой. Но иногда надо окапываться с тем, что есть; и не ломать голову попусту. В активе — искра сына, по которой тот успевает достаточно неплохо. Кстати, общение в компании таких же одарённых дало свои плоды: соревнуясь и просто тренируясь с друзьями из более благополучного квартала, Эдди из нескладного толстяка постепенно превращался в гордость отца. Сам Бен, с рангом «ноль плюс» (как его и жена), не имел лишь жалоб на здоровье. В качестве одарённого он, по большому счёту, особо не котировался.

А вот уже их ребёнок, благодаря с детства подобранному окружению, мог похвастаться гораздо большим потенциалом. Учиться сын будет тоже в колледже МВД, затем — в профильной Академию.

Из раздумий его вырвал несильный удар в пятку.

— Жду информацию по матери. — Напомнил Алекс. — Не мёрзни.

— С чего мне сейчас откровенничать? — абсолютно искренне изобразил любопытство Бен. — Тот случай, когда честность только во вред говорящему.

— Ну-у-у, я бы не был так категоричен, — не согласился Алекс и, поднявшись, добавил в электрочайник воды, включая его. — Во-первых, не забываем о твоём сынишке. С которым разговор может сложиться, а может и не пойти. Во-вторых, Бен, ты всё же не до конца понимаешь своего положения. В ***моём*** *доме…*

_____

Бен продержался целых полчаса. Это было чертовски много для того ужаса, который ему пришлось сейчас пережить по вине этого сумасшедшего. Но ради родного ребёнка, любой родитель вытерпит и не такое. К счастью, всё рано или поздно заканчивается.

Последние несколько минут Алекс располагался спиной к дверям. Оттого он не увидел мигнувшего красного огонька за своей спиной, на панели управления доступом в апартаменты. Это означало, что входная дверь в блок открылась кем-то, имеющим допуск в эту квартиру.

Кроме Эдди, снизу сюда подниматься некому.

Криминальный полицейский громко закашлялся, шумно завертелся и принялся изо всех сил фиксировать внимание пацана на себе. Только бы Эдди вошёл тихо… только бы сын не шумнул раньше времени…

Когда собачка электронного замка квартиры почти неслышно зажужжала, Бен взмолился сразу всем богам, которых помнил, несмотря на то, что всю жизнь являлся воинствующим атеистом.

Закашлявшись ещё больше, якобы из-за ушибленных лёгких, он громко харкнул прямо на пол. С удовлетворением отмечая полыхнувший гневом взгляд нового хозяина его квартиры, в которой сам коп так и не успел обосноваться.

Гнев — это очень хорошо. Чем больше эмоций у пацана, тем больше его внимание сюда. И меньше — на входные двери.

— Твоей матери просто не повезло, — хрипло прокаркал Бен, чуть повышая голос и интонациями давая понять вошедшему внутрь сыну, что не всё сейчас в порядке. — Развяжи руки? Затекли!

— Они тебе больше не понадобятся, — отмахнулся Алекс. — Не отвлекайся. Продолжай.

Это было очень хорошо. Даже если Эдди сходу и не врубился от дверей, то уж сейчас-то точно должен всосать, что-куда. Как-никак, будущий полицейский. Такие ситуации должен чувствовать спинным мозгом.

Сын не разочаровал. Пока Бен нёс какую-то эмоциональную чепуху, взывая к милосердию Алекса, он с удовлетворением отметил замершую тень в коридоре, за спиной нового старого соседа. Которая переместилась в горизонтальное положение и подобралась ко входу в комнату ползком. Затем замерла ещё на несколько секунд, оценивая обстановку.

Напряжение последних минут искало выход и Бен с неловкостью почувствовал предательские слёзы, катящиеся по собственным щекам.

— С-сука, какой же ты мерзкий. — Угрюмо прокомментировал Алекс. — Ты же просто животное…

— Хорошо! Я согласен! — моментально заблажил Бен и конвульсивно задёргался, уподобляясь гусенице. — Как скажешь!

Нести что угодно, лишь бы внимание нового хозяина апартаментов было направлено только в эту сторону.

— Я животное! Я согласен на всё! Только сына не трогай?! Ну он-то в чём перед тобой виноват?! — продолжал голосить полицейский, устанавливая никому неведомые рекорды по актёрскому мастерству.

Которые никто и никогда не оценит. Ибо данный спектакль шёл лишь для одного человека.

— Кроме того, что практически отправил меня на тот свет? Из развлечения? — нейтральным тоном спросил Алекс. — Да в принципе, ты прав. Ни в чём особо больше. С таким пидарасом-отцом, как ты, из него и не могло выйти ничего достойного. Впрочем, и мамаша ваша тебе под стать. Если всё то, что ты о ней только что рассказал, правда…

В процессе разговора, корчась и извиваясь, Бен старательно

перемещался к дальней стене, образуя треугольник между собой, сыном и Алексом. Сейчас эти перемещения были закончены. Теперь его парень, вздумай он работать по малолетнему ублюдку-соседу, отца не заденет.

Коп видел по выражению лица Эдди: он всё схватил на лету, и его сдерживает только опасение задеть отца.

— Фух, — с облегчением выдохнул полицейский, почти приходя в себя и переставая изображать конвульсии. — Давай.

Последнее предназначалось к сыну, которого за собственной спиной не видел Алекс.

Не должен был видеть.

Дальше события понеслись вскачь.

Эдди не подвёл. Зажёгшийся у него на ладони каст сверкнул огоньком плазмы. Сейчас он поджарит этого долбаного мудака… А там, чем чёрт не шутит, может и удастся у Хаасов обратно квартиру заполучить? К чему им эта халупа?

Одновременно, в руке этого долбаного соседа откуда-то возник унитарный инъектор. Который пацан в армейской форме, не глядя, сунул стволом назад подмышку.

Бен принялся судорожно втягивать воздух, чтоб предупредить сына.

Алекс нажал на спуск.

Капсула каким-то непостижимым образом попала в лоб Эдди.

Каст сорвался с руки заваливающегося набок сына и, разделившись на два фрагмента, сжёг Бену ноги почти до самого паха плюс правую руку выше локтя.

Полицейский захлебнулся в собственном крике и потерял сознание от боли.

В себя он пришёл через неопределённое время, от инъекции, сделанной Алексом из носимой армейской аптечки.

Эдди валялся рядом, тоже связанный, и ошалело хлопал глазами.

А долбаный Алекс деловито набирал какой-то замудрёный федеральный номер со стационарного терминала квартиры.

Ответили ему почти сразу, что интересно.

Соткавшаяся в воздухе голограмма отобразила грузноватого офицера в форме армейского подполковника, находившегося явно в каком-то казённом помещении.

— Господин подполковник? Алекс Алекс.

— Что за номер? Вы откуда звоните? — недовольно отозвался толстяк-федерал.

— С домашнего комма, стационар. У меня неожиданная проблема в собственной квартире. Нападение на меня соседа-полицейского, плюс его сына-одарённого. Вы говорили, в таких

случаях нужно извещать в первую очередь вас, а не сержанта Кайшету?..

— Слава яйцам, даже страуса можно выдрессировать в футбол играть… — Раздражённо отозвался хмурый подполковник. — Умеете вы дел подбросить «вовремя»… Только к жене домой собирался…

— Мои извинения! Давайте обращусь к сержанту Кайшете?! И, через сержанта, к Уркидесу? — Алекс изобразил подобие вытягивания по струнке. Оставаясь в положении «сидя».

— ОТСТАВИТЬ! — Махнул рукой толстяк. — Проведите камерой по обстановке. Та-ак… муниципала вижу… Кто этот гражданский вашего возраста? Валяется у стола?

— Сын нападавшего же. Одарённый. Искра, огонь, примерно второй-третий ранг. По силе даже выше, контроль слабее.

— Полчаса продержитесь в одиночку?

— Так точно.

— Тогда ждите. Дальше я сам.

Рука Алекса портянулась к красной кнопке отключения на виртуальной клавиатуре, когда полноватый вояка предостерегающе поднял руку:

— СТОП! КАЙШЕТЕ СЕЙЧАС СРАЗУ САМИ ПОЗВОНИТЕ! Сообщите лично, что да как… А то меня с потрохами потом сожрут из-за вас. Со всем тщанием первого колониального…

Полицейский не знал всего расклада и не понял, что армеец специально говорил обезличено, не дешифруя мужского либо женского рода мистического сержанта Кайшеты.

Вместо разговора, однако, Алекс отбил какое-то сообщение текстом, обвёл ещё раз камерой убранство квартиры и с весёлой улыбкой умалишённого вернулся в кресло:

— Ну во-о-от. А теперь, пока доблестные кавалеристы рысят сюда, поговорим о жетоне номер двадцать семь. Бен, ты же расскажешь мне правду о детективе Филипсе?

Криминальный полицейский даже не сразу сообразил, о чём идёт речь:

— Не понял. — Искренне удивился он, в который раз за этот час.

— Дело моей матери закрыто жетоном дознавателя номер двадцать семь. — Сумасшедше сверкая глазами, пояснил Алекс. — Это детектив Филипс. Четвёртый этаж, одно с тобой здание. По случайному совпадению, твой прямой подчинённый. Хотя и через прослойку.

— Не тронь Эдди. — Неожиданно твёрдо для своего состояния сказал Бен, отбрасывая эмоции. — И я тебе всё расскажу до того, как прибудет эта твоя кавалерия. Пообещай, что не тронешь Эдди.

Что ты мне вколол? — чуть заплетающимся языком продолжил новоиспечённый инвалид, у которого возникло ощущение болтающегося в океанском шторме корабля.

Несмотря на горизонтальное положение и пол под собой.

— Это не укол, — покачал головой Алекс. — Травматическая ампутация, потеря крови. У тебя ОЦК резко снизился из-за того, что Эдди тебе треть массы испарил. Объём циркулирующей крови. Но сосуды закупорены, кровотечения уже нет. Я только шок снял. Обещаю дословно следующее: я не буду причинять никакого вреда твоему сыну, поскольку планирую передать вас в руки представителям закона.

Бен облегчённо выдохнул, несмотря на разноцветные круги перед глазами.

Долбаный Алекс не пострадал. Дело будет спущено в муниципалитет. Разбираться будут свои. Сын жив.

На задворках сознания мелькали отголоски мыслей о том, что сегодня он потерял чуть больше, чем эту квартиру. Но сын был жив и здоров, прочее было неважно. А сейчас надо успеть рассказать Алексу о Филипсе, и о том звонке из ДВБ…

Зачем это нужно лично ему, одурманенный сильным наркотиком мозг криминального полицейского уже не понимал.

Глава 10

— ДОРОГУ ВРАЧУ! ДОРОГУ ВРАЧУ! — невысокий, похожий на колобка, майор-медик в накинутом на одно плечо светлом халате, словно ледокол, прошёл сразу сквозь две группы военной полиции.

Часть людей толпилась на лестничной площадке, вторая половина разобралась по небольшой квартире формата один плюс один.

— Porque tem tanta gente aqui?! — ни к кому не обращаясь, спросил врач будто бы в воздух. (Почему столько людей?)

За его спиной, переглянувшись со своим сержантом, получив подтверждающий кивок, тут же зачастил на Всеобщем в ответ капрал-латинос:

— По вызову подполковника, выехали дежурные. Здесь внизу увидели патрульную машину полиции. Не разбираясь, наши сразу вызвали подкрепление. Я уже из второй группы. Патруль муниципалов тоже успел вызвать своих, когда наши их…

— Принял. — Прервал объяснения капрала врач, входя в квартиру (перед этим бросив ему что-то ещё на языке, которого тут никто больше не понимал).

Доктор быстро прошёл насквозь коридор и комнату. Равнодушно скользнув взглядом по лежащему на полу искалеченному полицейскому (и весьма похожему на того внешне мальчишке), майор-медик мгновенно набросился на сидящего в кресле парня, одетого в форму Корпуса:

— Дай сюда руку! Самочувствие?! Сознание терял?! Сколько пальцев видишь?..

Те представители военной полиции, кто уже успел послужить, отлично понимали: спектакль рассчитан в первую очередь на поднятого среди ночи судебного наблюдателя.

Кроме этого (похожего на сухую воблу) представителя Фемиды, за действиями врача наблюдали ещё пара прокурорских в не таких уж малых чинах (один — от военных, второй — от муниципалов), да одетый в штатское чин из полицейского департамента внутренней безопасности.

— Я забираю его! — безапелляционно заявил медицинский майор через минуту, указывая на парня в кресле и даже не глядя на присутствующих старших по званию. — ПАРА БОЙЦОВ СЮДА! ВЗЯТЬ ЭТО ПОКРЫВАЛО, — медик ткнул пальцем в ближайшую кровать. — ЕГО В МОЮ МАШИНУ! Я приехал на его кураторе, — снизошёл он до пояснений представителю военной прокуратуры, демонстративно игнорируя всех остальных.

— У нас не получится его опросить? — вежливо и подчёркнуто

мягко спросил армейский юрист.

— На глаза гляньте его. — Хмуро проворчал доктор. — Что видите?

— Как белая патина поверх склеры. — Добросовестно отозвался прокурорский, скользнув взглядом по мальчишке в кресле.

— Термический ожог. Опросить сможете после того, как… — дальше врач выдал руладу медицинских процедур, названий которых всё равно никто не понял.

— Да я не думаю, что есть необходимость!.. — осторожно потрогал сзади за рукав военного коллегу гражданский прокурор. — Судебный исполнитель тут!.. Личность нынешнего владельца жилья установлена. Караул в квартире ваш. По мне, мы и сами разберёмся. Что тут неясного?

— Я попрошу без скоропалительных выводов! — достаточно резко подал голос присутствующий полицейский чин, но на него цыкнули сразу двое прокуроров.

Обозначив, что ему в частности, и Департаменту полиции вообще, сейчас не по чину открывать рот ввиду далеко не первого инцидента в исполнении полиции против одного и того же фигуранта-армейца.

— Благодарю, — церемонно поблагодарил врач обоих прокуроров, параллельно наблюдая, как двое дюжих «красных шапочек» подхватывают пострадавшего на покрывало и вообще без усилий, бегом, несут вниз.

(примечание: red caps — то же самое, что и Military Police)

— Эй, подождите! — окликнул врача уже у двери армейский юрист. — У вас есть ключи либо коды этой квартиры? Как нам её закрыть, когда окончим?!

— Нет ключей. — Коротко бросил врач, даже не оборачиваясь и силясь догнать бегущих галопом вниз носильщиков.

— Да перестань ты!.. — повторно прорезался гражданский прокурор. — Ну поставим на кнопку совместно! Потом код в Корпус отправим. Там ему передадут… Пошли работать, — он потянул военного коллегу обратно в комнату.

— Почему не едет скорая? — ни к кому не обращаясь, достаточно громко выговорил представитель департамента полиции.

Ему никто не стал объяснять, что третий экипаж «красных шапок», заблокировав въезд в жилой блок и в квартал, тормозил сейчас все машины подряд. Имея целью задержать гражданскую скорую помощь настолько, насколько это только было возможно.

По армейскому телеграфу уже пронеслось: на конкретного деревенского паренька, из-за океана, родившегося чуть не у чёрта на

рогах где-то на Парагвае, в Муртиньо, муниципальные полицаи наезжают далеко не первый раз.

Обычно военная полиция была далека от каких-то коалиций с любым другим родом войск или подразделением. Но такое постоянство муниципалов (со знаком минус) ни в какие ворота не лезло. Надо было дать понять местной полиции, что в следующий раз медпомощь к их людям не просто задержится. Она вообще не будет допущена.

Потому ещё один усиленный экипаж, повинуясь негласной команде по не афишируемым каналам, чётко выполнял установку: умереть, но гражданских врачей задержать минимум на два часа.

Медики, устав ожидать освобождения проезда, вызвали муниципальный патруль. И теперь «красные шапки», переругиваясь на неизвестных местным языках, всерьёз планировали начинать стрелять для начала по колёсам оппонентов.

Некоторые злые языки на следующий день говорили: «красные шапочки» влезли лично в эти разборы только потому, что их попросили об этом очень влиятельные лица из неформального ветеранского объединения.

Но это, конечно же, не могло быть правдой: ведь у всех ветеранов, сидящих на должностях, которые позволяют просить о подобном, наверняка есть свои серьёзные дела.

Ещё большей неправдой являлись те слухи, которые утверждали: экипаж МР, стоявший почти насмерть и задержавший гражданскую скорую помощь почти на три часа (вместе с муниципалами, безуспешно торившими дорогу медицине), на утро благоухал дорогими сигарами и стал богаче чуть не на четверть оклада.

_____

— Да не стоит беспокоится. Обычный ожог! — Говорю Матеушу на всеобщем, поскольку в транслируемой мне Алексом виртуальной картинке на сидении водителя опознаю Бака. — Рассосётся за час-полтора! У меня уже было такое. После Виктора Штавдакера, на полигоне.

— Это спланированный момент? Или случайно подставился? — нейтральным тоном уточняет Бак, явно утапливая педаль акселератора в пол и нарушая все возможные правила.

— Спланированный. Телесные повреждения средней тяжести — уже совсем другая статья. Мне Хаас кое-что прислала в режиме реального времени, пришлось менять на ходу схему. — Добросовестно говорю, как оно есть.

— А как вы с ней связь поддерживали? — Бак неожиданно загорается любопытством.

— У комма есть режим телеграфа, код Герке. Хаас через программу-конвертер говорила текстом, а меня дёргало в кармане вибратором, слабым разрядником.

_____

Примечание.

ГГ имеет ввиду азбуку Морзе.

_____

Бак с Матеушем переглядываются.

— Ладно. Не хочу ничего знать о ваших делах… — куратор делает вид, что смотрит на дорогу.

— Жойс в курсе? — спрашивает у меня Матеуш. — Ей надо позвонить?

— Он сразу ей позвонил, — почему-то отвечает за меня подполковник. — Это она и подняла всех на уши.

— А-а-а…

_____

— Не волнуйся, он в порядке. Может говорить, и даже вполне ориентируется в пространстве. — Бак, пропустив вперёд парня с закрытыми повязкой глазами, захлопнул изнутри двери кафедры и поприветствовал поднятой ладонью заведующего кафедрой.

— Боец, ты точно в порядке? — чуть нахмурившись, полковник задумчиво проводил взглядом пацана, безошибочно направившегося к стульям у стены.

— Так точно, — вздохнул тот, падая назад и занимая единственное мягкое кресло в самом конце ряда. — Повязка — это капитан Карвальо. На сутки, в воспитательных целях. Так-то, она не нужна. У меня уже бывали такие травмы. Есть опыт.

— Так а как он в пространстве с закрытыми глазами ориентируется?! — заведующий кафедрой непонимающе обернулся к Баку, фоня искренним недоумением.

— У него чип имплантирован же. — Напомнил подполковник. — Он сам себе в голове картинки обстановки в три-дэ рисует. Видит всё в виде силуэтов, в чёрно-белом цвете. На дистанциях до десятка метров — почти без искажений.

— Есть искажения, если шумно, — ещё раз вздохнул соискатель. — Но не тут. Тут идеально.

— Да может он говорить, Лео! — с нажимом скорчил гримасу куратор и приземлился за свой стол. — Алекс, не сочтите за труд, ответьте старикам на несколько вопросов. Раз уж мы вместе с заведующим кафедрой, по вашей милости, сейчас тут…

— Я в полном вашем распоряжении. — Тут же отозвался соискатель.

— Можете пояснить нам ваше видение работы этой… вашей шкалы? — Полковник включился в рабочий режим и теперь

напоминал профессора в форме. — Ваш куратор описал своё понимание процесса. Но мне бы хотелось услышать лично вас. У меня через час созвон кое с кем из столицы, там другой часовой пояс… Мне бы хотелось уточнить перспективу…

_____

Там же, через некоторое время.

— … таким образом, если упростить до уровня примитивной схемы, в продуктивной детальности участвуют два базовых мыслительных процесса. По хань: воля — это как двигатель. Позволяет выполнять работу, добиваясь результата. — Парень с повязкой на глазах терпеливо отвечал на вопросы немолодого офицера.

— А эмоции тогда что? — неожиданно тактично вёл беседу полковник.

— Эмоции — компас. Они помогают понять, куда вам двигаться, либо с какой скоростью…. Ещё можно сравнить, это как одна или две ноги.

— Если у вас нет одной ноги?

— К сожалению, в армии, видимо, компас человеку не положен: куда двигаться, решает начальник, не боец. Это и была суть внутреннего конфликта на экзаменационном примере госпожи Конелли… В идеальной ситуации, всегда стремятся отключить эмоции, чтобы импортируемое извне решение ложилось в голову подчинённому как можно легче… Но в жизни, люди не роботы. И, если ваш внутренний компас указывает в одну сторону, а начальство требует двигаться в другую, это и есть торможение производительности мозга. Подсознание ещё никто не обманул…

_____

Там же, через некоторое время.

— Дойдёт сам? — заведующий кафедрой воткнул свою чашку в кофемашину и нажал на кнопку запуска.

— Вполне, — индифферентно повёл плечом Бак. — Он без глаз даже дрался вон, на дуэли, когда концентратор поймали.

— Тогда у него глаза не были завязаны, — посомневался ради приличия полковник.

— Так они у него и не видели тогда. И вообще, он ориентируется не благодаря органам зрения сейчас.

— Ладно, к делу, — вздохнул начальник. — Мы потянем тему, если я её выгрызу нам?

— Если сбреем все остальные кафедры нашего профиля? — уточнил куратор только что ушедшего соискателя. — Вполне.

— А если…

— На него и повешу. — Бак беззаботно кивнул в сторону двери. — Пацан любопытный и не ленивый. Если ему тема

интересна, он горы свернёт. А если даже он не добьётся, то и у меня ничего не выйдет. Тем более что он явно жопой чувствует, как оно должно работать.

— Ты же говорил, он отказался?

— Сперва отказался. А сегодня я с его девушкой говорил. Она обещала наставить его на путь истинный. В крайнем разе, выведем, как гражданскую научную тему. Со стороны привлечём кого-то. Скажем так: я уверен, лично мне он не откажет, если я включу все рычаги убеждения. Гражданские — запасной вариант. — Многозначительно покивал подполковник. — Я его просто пока не просил серьёзно.

— А девушка тут при чём?!

— Так сержант, из первого колониального!

— А-а-а… Наша, что ли? Понятно… А чего ты с ней вообще общаться полез?

— Это не я с ней. Это она со мной. Он ей позвонил из адреса, доложился, видимо. Она тут же меня сама набрала — уточнить, что мы едем.

— А откуда у неё твой контакт?! — у начальника никак не получалось ухватить всю картину целиком.

— Блядь, она живёт тут у него, Лео! Не первую неделю!

— Ё… что за проходной двор… А мы и не в курсе…

— Ну-у, не «мы», а «вы». И нам оно не по чину, плюс без надобности. А во-вторых, она подруга Карвальо. Там и Карвальо с ними периодически ночует, чтоб из Корпуса не уезжать.

— Кажется, в армии ничего не меняется… — ошеломлённо подытожил полковник.

— Это хорошо или плохо?

В этот момент раздался входящий вызов и заведующий кафедрой помахал подчинённому рукой, выпрямляя спину.

Глава 11

— А чего ты так на них взъелся? Явно же занозился? Все признаки откровенной мести. — Смеётся Жойс, громко устанавливая на стол сковородку с бараниной.

Чувствую по запаху, поскольку разрешающей способности чипа на идентификацию типа мяса не хватает.

Она уже ожидала меня дома и, оказывается, бросила все свои дела, чтоб примчаться сюда. Посмотреть, как я всё пережил.

Многое в сегодняшней ситуации просто совпало одномоментно. Чтоб воспользоваться ситуацией, надо было действовать быстро. Как всегда, когда задействуются быстрые решения, кое-что пошло неидеально.

Вот Жойс и озаботилась предсказуемо моим физическим состоянием (особенно с учётом наверняка позвонившей ей, в обход меня, Камилы; и напевшей в уши о страшных рисках по медицине).

— Да я тут с одним товарищем неглупым пообщался накануне, и к выводам пришёл. Это какая-то сатанинская ситуация в целом. — Набрасываюсь на еду. — Вкусно!.. Пусть я не могу изменить что-то по-крупному, но могу хотя бы наказать конкретных личностей, понимаешь? К которым у меня есть свой личный счёт. Типа фокусной локальной коррекции.

— Если речь о глобальном мироустройстве, боюсь, замена личностей ничего не решит. — Вздыхает Жойс. — И попутно: ты сейчас о муниципальном или о федеральном уровне?

— Первое. Ко второму у меня пока нет претензий, скорее, наоборот. Знаешь, что меня зацепило? Мы все находимся в морально деградировавшей системе, которой плевать на людей. Которая целью ставит исключительно собственное воспроизводство, и достаток ну очень узкой группы народу. Которая не подвержена ротации. Человек в этой реальности — ничто, а преступление и убийство стали нормой!

— Эк тебя растащило! — озадаченно выдаёт Жойс, усаживаясь напротив.

Хотя только что хотела разместится вплотную, на этом же стуле (благо, и его, и наши размеры это позволяют).

— Только снова непонятно. Ты о своём дивном городе сейчас говоришь? Или о Федерации в целом? — продолжает она.

— Мал я пока, обобщать. Пока только о городе.

— Я тебя огорчу. — Фыркает Жойс. — В рамках Федерации — то же самое, если не хуже. Только на бо́льших масштабах оно не так заметно. А в тех же колониях порой такое веселье стоит, что

хоть стреляйся…

— А как ты от своей армии отбилась? — перевожу тему, чтоб не зацикливаться на негативе. — Ты же до утра должна была на складе зависать?

— Да у меня там, практически, всё разгрузилось уже, — задумчиво припоминает что-то она. — Старшему по складу чуть денег отсыпала — он сам присмотрит за оставшимся. Как заинтересованное лицо, ибо тоже отвечает за сохранность. Знаешь, в армии очень хорошо живётся, если у тебя денег больше, чем у окружающих. Очень многие вопросы решаются не просто быстро, а мгновенно. А вообще, о чём мы с тобой, бл##ь, вечером перед сном разговариваем…

— Не говори, — согласно киваю, протягивая ей пустую тарелку. — Ещё дашь? Вкусно.

— Дам, конечно, — вздыхает она. — Хотя в этом тоже есть что-то неправильное…

— Не понял?

— Ну ты даже не боец, а вообще не пойми кто. Первого даже не года, а квартала пребывания на территории. А живёшь лучше, чем некоторые командиры рот в иных местах. Вон, боевая сержант тебе по кухне шустрит. И натуральной бараниной кормит. — Без глаз не могу понять, притворно ли она вздыхает.

— Вины по этому поводу не испытываю категорически, поскольку я сюда не напрашивался. Может, у них тогда уровень дохода чуть иной? — предполагаю, набрасываясь на добавку. — У этих твоих командиров. И они, как минимум, знают, за что страдают в этих ваших регионах?

— Уровень дохода иной. — Соглашается она. — А уровень расхода ещё выше, чем доход. Знаешь, сколько стоит нормальная школа для ребёнка в… — она называет пару мест, лично мне знакомых исключительно из теоретического курса географии.

— Понятия не имею. По своему опыту: в любом муниципалитете есть бесплатная школа. Если не можешь ходить в частную школу, идёшь в муниципальную. Это я тебе компетентно заявляю. Видимо, у твоих ротных командиров тоже должна быть такая опция.

— Сказать тебе, на каких языках те муниципальные школы? И насколько весело там придётся белой девочке, ещё и дочери кого-то из колониалов? Прямо с первого дня.

— Ну ты же как-то выучилась?!

— Во-первых, я не совсем белая. — Ржёт Жойс. — Я б даже сказала, совсем не белая. Во-вторых, в школе я училась в Рио. А это, как ни крути, мегаполис. В-третьих, я была у себя дома, а не в колониях.

— Читал я про этот ваш мегаполис… сколько процентов молодёжи проходят через уличные банды. Молчу о наркоте, подростковой проституции и прочих прелестях жизни. — Деликатно умалчиваю о том, что и Рио отсюда тоже считается колонией (как и всё за океаном).

— Бл##ь, меняем тему! — Жойс решительно хлопает ладонями по столу. — А то сейчас откроем бурную дискуссию о социальных явлениях. О которых ты понятия не имеешь, поскольку там не жил. КАКИЕ БАНДЫ?! Кто тебе этот бред рассказал про восемьдесят процентов?! Да не больше, чем тут у вас! Обычные посиделки на районе. Ну-у-у, с определённой атрибутикой, да. Секс, правда, часть культуры, тут не попрёшь против песни… лет с двенадцати-четырнадцати…

— Кое-кто хотел тему сменить. — напоминаю.

— Точно! Пожрал? Закончил?

— Угу.

— Марш в койку.

— А ты?

— Сейчас посуду помою и пару звонков сделаю.

— Тогда я тоже. И мне кое-куда позвонить надо.

— Я на балкон пойду. — Решает Жойс. — И двери с той стороны закрою. Ты в кадре будешь явно лишним элементом. Встречаемся на кровати через четверть часа.

———

Лежащий на кровати комм звонит определённым сигналом. Немолодой мужчина удивлённо двигает бровями по поводу звонящего и тут же отвечает:

— Внимательно!.. Сколько лет, сколько зим!

Его лицо поначалу расплывается в улыбке. Увидев голограмму собеседника, он тут же удивлённо подаётся назад:

— Это кто тебя так разукрасил?!

— Сынок одного полицейского, — весело отвечает парень лет шестнадцати, одетый в армейскую форму без знаков различия, глаза которого завязаны плотной, непрозрачной повязкой. — Но там уже всё в порядке. И он, и папаша, сданы федералам. А дело ведёт адвокат от Хаасов, это с моей стороны. Так что, одна тема, можно считать, закрыта.

— Глаза хоть восстановятся? — озадаченно спрашивает более старший собеседник. — Что у тебя вообще там?

— Термический ожог. Искрой шарахнули. Заживёт, не первый раз, — отмахивается парень. — Гутя, к тебе по делу. Сегодняшний коп — Бен Эдмонс, начальник следствия, что ли… — парень с половину минуты пересказывает подробности.

— Это те, кто твою хату отжал? — пожилой вытягивается

на кровати и ориентирует комм так, чтоб оставаться в кадре. — Ну поздравляю, чё. Хату-то вернул?

— Угу. В общем, я его порасспросил перед тем, как федералы подъехали. — Парень изображает ладонью поглаживание виртуального шара. — Я б тебе сейчас рожу скорчил, но повязка не даёт! В общем, он рассказал кое-что интересное…

— Да говори в лоб, — снисходительно улыбается мужчина. — Что надо-то?

— Говорят, одного чёрного полицейского, Мали, к вам законопатили. Несмотря на ещё неоконченный процесс.

— Есть такой. Прибыл на днях. — Уверенно кивает Гутя. — Что-то должен остался? Или что ещё? Ты смотри, он тут ненадолго.

Оба собеседника понимающе хмыкают в унисон.

— Мне бы беседу с ним организовать. По удалёнке. — Решается наконец парень. — Там с матерью дело тёмное было, кое-что прояснить бы. Есть основания думать, что он знает больше других. Вот бы расспросить.

— Не скажу, что без проблем, — прикидывает что-то пожилой. — Но окей, всё реально. Кола дёргать придётся, чтоб пособил, но в целом не невозможно… И это, Спринтер, ты не обижайся, но оно только за бабки. Услуга платная. Не взыщи: делать будут другие ребята, которые ***могут такое делать,*** *сам понимаешь, а это* ***работа****. Работа должна быть оплачена. Причём, ребята эти должны быть крайне небрезгливыми, согласен?*

— Без базара. — Моментально кивает парень. — Я при деньгах, скажи, куда и сколько.

— Точную сумму скажу попозже. Но ориентируйся на четыре ноля после двойки. ***Такие****, — Гутя выделяет тоном последнее слово, — за так не работают. Это надо кого-то с пожизненного блока к нам переводить, момент подгадывать, условия создавать… Плюс, ему ещё надо будет поддержку организовать. Ещё и на адвокатов запас! Если твой ниггер ябедой окажется. Сумма из этого и складывается, себе ничего не берём.*

— Ничосе, — присвистывает парень в армейской форме. — Целая процедура! Как у нас, оказывается, всё весело… Я без претензий! — спохватывается он, примирительно поднимая руки. — Просто удивлён сложности организации.

Собеседники коротко смеются.

— Ты ж к нам всего-ничего попал, — поясняет Гутя. — Всего не увидел. Просто в масть попал, и потом пошёл толково. Кстати! Твой этот персонаж тут пытается свои политики Колу противопоставлять! — Гутя дробно хихикает. — Он уже и тут на слуху местами.

— Подробности скажешь? — живо интересуется пацан.

— Да какие там подробности! — устало отмахивается пожилой. — Попытался вокруг себя чёрных собрать поначалу, но они его понятно куда послали. В отказ, одним словом. Самого чуть не прикололи. Сейчас вон, от каждого шороха шарахается и ждёт пику сзади в почку. Тоска, в общем… предсказуемая и обычная. «Одиночка против системы не канает», — явно цитирует что-то Гутя, после чего оба собеседника опять смеются.

— А чего его к вам так рано забурили, кстати? Ты не знаешь, в чём ботва? Он же совсем недавно в оборот попал. Я лично был там, где его принимали. Ещё ж следствие идёт, по идее? — проявляет осведомлённость Спринтер.

Пожилой ощутимо напрягается после этих слов.

— Это ж я с ним схлестнулся на почте, его из-за меня армейцы приняли. — Поясняет пацан подобравшемуся было Гуте. — Он меня арестовывать собрался, а о смене статуса не в курсе был. Ну братва и заступилась. Армейская…

— Да я без претензий, — расслабляется и усмехается Гутя, моментально схватывая причину стеснительности собеседника. — Не бзди. Я старый, я тоже армию застал ещё… Ну, к делу если. Вопросы задать ему можешь, это можно организовать. Можно даже сделать так, что он на них обязательно ответит. — Мужчина пронзительно смотрел на собеседника, который его не видит из-за повязки. — На твой вопрос. Насколько я в курсе, его сюда специально забурили, под давлением твоих армейских. Чтоб избежать его влияния на это ваше с ним следствие из полицейской предвариловки. Копы же, если будут его охранять, считай, ему там отель три звезды организуют. А так — шалишь, не забалуешь. В Квадрате его оперативные возможности резко уходят в ноль, — хохочет пожилой. — Дожить бы до рассвета, и то ладно. Кто-то здорово тебе в армии ворожит. И разговаривать будешь из конкретного сервисного центра, не с казённого комма. — Без перехода сообщает Гутя. — Знаешь, о чём я.

— То понятно. — Отмахивается парень.

— И с тобой рядом будет мой человек. Всё время. — Продолжал сверлить взглядом собеседника мужчина.

— Да тоже без проблем, — что-то быстро прикидывает Спринтер. — У меня вопросы не секретные, надо только услышать, как он мою мать убивал. И кое-какие сопутствующие детали… Гутя, сразу предупреждаю! — Спохватывается он. — Всплыть может нехорошее, на федеральном уровне! Это к разговору лишних свидетелей. Мне-то оно всё уже до лампочки, а вам…

— А нам, если оно лишнее, тоже не страшно. — Рассудительно кивает Гутя. — На край, в Квадрате никто не

достанет. А лишнее мы сразу забудем. Негр твой, правда, после этого не жилец. — Мужчина отчего-то с интересом наблюдает за реакцией собеседника, ловя малейшие оттенки эмоций на открытой части лица пацана.

— Ты так говоришь, как будто он без моих вопросов жилец! — искренне удивляется Спринтер. — Следствие ж рано или поздно закончится. По приговору, всё равно в Квадрате досиживать. А там его ж в общий сектор переведут, нет?

— И то верно…

Глава 12

— Почему я сейчас должен вам верить? — сотрудник военной прокуратуры с нескрываемым пренебрежением смотрел на тот обрубок, который ещё недавно был полноценным человеком.

Кстати, пострадал бывший коп исключительно от собственного сына, что было зафиксировано сразу двумя независимыми источниками (для начала — характер нанесённых травм. Работала чистая искра, огонь).

— В тюрьме я всё равно не жилец. — Неожиданно уверенно для текущего положения заговорил Бенджамен Эдмонс, ещё недавно бывший достаточно солидной муниципальной шишкой. — За себя не цепляюсь. Со мной делайте, что хотите, хоть на опыты. А вот сын вообще не при делах, освободите его? Вы же можете?

Армейский переглянулся с гражданским прокурором. Тот безразлично пожал плечами, дескать, поступай, как знаешь.

— Какую информацию вы можете предложить на обмен? — как будто через силу процедил военный.

На самом деле испытывая настоящий азарт.

Мальчишку, сына этого деятеля, так и так собирались отпускать, наказав условно. Тут и неполное совершеннолетие, и наличие искры (что в данном муниципалитете о-го-го какое смягчающее при конфликте с неодарённым), и прямой приказ отца, который всё берёт на себя.

Говоря цинично, Фемиде не нужны большие цифры. Ей хватит и одного грешника. А если из этого… кхм… персонажа получится выудить что-то полезное — это пойдёт только в плюс.

Военный прокурор не говорил никому вслух, но своего гражданского коллегу он знал достаточно давно. Во-первых, вместе пересекались на практике ещё во время учёбы. Во-вторых, уже тут, в муниципалитете, какое-то время общались через жён.

Жёны, правда, в итоге рассорились и почему-то разбежались. А вот их мужья, не привлекая ничьего внимания, вполне себе продолжали поддерживать и товарищеские отношения, и друг друга при случае.

Гражданский коллега буквально только что попросил вывести из-под удара Эдди Эдмонса, обещав поделиться грядущими плюшками. Почему бы не попробовать.

— Проект по освоению Мвензи. — Выдал абракадабру бывший полицейский и выжидающе уставился на собеседника.

Армейский удивлённо поднял бровь:

— А почему не миссия на Юпитер?

— Свяжитесь с кем-то из второго департамента федеральной службы колоний. — Уверенно и настойчиво продолжил Эдмонс-старший. — У вас же есть свои возможности?!

— Возможности мои, допустим, всегда со мной, — безразлично кивнул военный. — Но зачем мне выглядеть дураком, звонить туда, не знаю куда? Пока твоя чушь не интересна. Оно не имеет никакого смысла, по крайней мере, для меня и на слух.

— Свяжитесь со вторым департаментом колоний. — Повторил экс-коп. — И просто сообщите им, что прямой потомок одного из членов первой группы, высадившейся на Мвензи, жив и здоров. Если я вам вру, я же всё равно в ваших руках. Как и мой сын…

_____

Пойдя на поводу у товарища, армейский сделал то, о чём его просили. Для начала, он уединился в специально предназначенном для таких звонков помещении. Затем, воспользовавшись справочником казённого комма, он набрал этот самый второй департамент колоний и, чувствуя себя идиотом, выдал дежурному сотруднику (предварительно представившись по форме и наскоро описав вводные):

— Обвиняемый муниципал настаивает, чтоб я связался с вами. Рвётся сообщить что-то о родственнике кого-то из первой группы, на каких-то территориях Мвензи. Тысячи извинений за неурочное беспокойство, но по инструкции обязан вас потеребить.

— Не стоит извинений. — Ровно ответила голограмма подтянутого тридцатилетнего белого парня. — Во-первых, вы всё делаете правильно. Во-вторых, у нас ещё день.

— Часовые пояса… — военный юрист хлопнул себя по лбу. — Заработался…

— Как вам удобнее поступить? Подождать до пяти минут на линии? Или мы вас сами наберём, когда найдём нужного человека?

— Давайте, второе, — с досадой махнул рукой армейский и отключился.

Только что ему озвучили стандартную отговорку, которую обычно слышат молодые и не в меру ретивые лейтенанты, мечтающие досрочно выйти в капитаны.

Мысленно выругав и легковерного себя, и своего гражданского коллегу-товарища, он направился было обратно в допросную, совмещённую с медицинской поддержкой. Сейчас кому-то из муниципалов придётся несладко.

Его удивлению не было предела, когда его комм автоматически активировался на лестнице (что возможно при звонке с немалым приоритетом, имеющим доступ к настройкам снаружи).

— Вы только что звонили нам. — Голограмма ещё одного

белого спортсмена, правда, возрастом уже под сорок, в костюме и при галстуке, не оставляла сомнений, откуда происходит этот вызов. — Извините за задержку.

Военный юрист только икнул и в порыве энтузиазма закивал головой, рискуя её оторвать к чёрту.

— Пожалуйста, вернитесь в соответствующее помещение. — Вежливо предложил новый собеседник. — Я подожду.

Когда звонивший через полминуты представился, сотрудник армейской прокуратуры мысленно налил себе двойную порцию: похоже, проект на Мвензи-Квензи-или-как-там-его был не пустышкой. Если лишь из-за одного упоминания на него выходят такие люди.

_____

Какое-то время после разговора Гутя задумчиво смотрел в потолок. Он не был ни альтруистом, ни святым, ни бессребреником.

Однако внутри своей достаточно закрытой касты существовали негласные правила игры, которые понимающие люди никогда не нарушали (помимо прочего, в конечном итоге, это всегда обходится себе дороже).

Аналогичные моменты есть и в среде одарённых, и в среде армейских, и далее по списку. Вопрос лишь, насколько процент исключений из них удерживается в пределах однозначного числа.

То, о чём просил Спринтер, не было чем-то из ряда вон выходящим. Бывали в Квадрате события и гораздо экзотичнее. Но поработать для решения нестандартной задачи однозначно придётся.

Было кое-что, чего Гутя не сказал пацану. Сидящие в пожизненном блоке — это своё, достаточно закрытое государство в государстве. Найти общий язык с ними, да так, чтоб они вписались в вопрос — весьма нетривиальный момент.

Лично у него такие возможности были. Не последним аргументом в предстоящем разговоре являлись и деньги (вернее, то, что за них можно было достать в Квадрате, а также переправить на волю, родне исполнителей). Если же сложится так, что получится договориться дешевле — это будет навар уже самого Гути.

Либо, как вариант, о своих десяти процентах можно сказать братве напрямую. Человек, который в Квадрате подгоняет задачи типа утрамбовать копа плюс срубить за это денег, может рассчитывать на долгосрочные отношения. За долгосрочные отношения спросить десять процентов с суммы — вполне нормально.

Что бы там ни было у Спринтера, в курсе той информации

держаться стоит однозначно. При всех их нетривиальных (для этого места) отношениях с пацаном, выпускать из рук такую информацию, как предсмертные откровения копа в немалых чинах, Гутя не мог себе позволить. Даже если бы захотел.

Машинально, в голове сложилась ещё одна комбинация. Спринтер на свои вопросы ответ получит, ладно. НО есть и другие люди на воле, которым не-жилец Мали тоже может рассказать много важного для них (и не бесплатного для самого Гути).

Всё равно негра потом убирать, тут без вариантов. Так почему б ему не ответить на вопросы не только Спринтера, а и других людей? Уже за другие деньги? Надо обзвонить кое-кого плюс уведомить Кола; никакой самодеятельности Гутя допускать не собирался.

Потенциально опасной для свидетеля информации Гутя не боялся: и годы уже не те, и положение не то. Да и Квадрат — продукт федерального компромисса с муниципалитетом. Один из опорных столпов правоохранительной системы. Как ни смешно, но внутри Квадрата у федералов руки коротки. По целому ряду причин.

Есть, конечно, и те, кому лишний месяц в Квадрате — стресс и напряг, но Гутя к их числу не относился. Именно его условиям ***здесь*** *мог позавидовать средней руки федеральный чиновник, отправленный на усиление куда-нибудь в колонии и не имеющий возможности спрыгнуть с темы.*

Пожалуй, не хватало только бабы. Причём не из тех, кто, приходя на свидание, изображают родственниц. Заодно, оказывают разного рода интересные услуги.

Не хватало именно такой, которую можно было бы обнять перед сном и уснуть, не беспокоясь о том, что будет утром.

Гутя вздохнул. Всё в этом мире требует жертв. Увы, менять карьеру в его годы было уже поздно.

_____

Ночевать сегодня было негде. Не то чтобы Анна всерьёз воспринимала эти эскапады подруг по новой комнате, но после капитального взаимного мордобоя оставаться дальше в том месте не было желания.

Хорошо ещё, что она чуть подтянулась в этом плане за последнее время, если сравнивать с другими. Алекс, правда, только ёрничал и издевался на тему того, что привязанную к стене девчонку своего веса она теперь точно опрокинет.

А вот поди ж ты. Когда пришлось, даже один отработанный акцентированный удар оказался способен творить чудеса. Ей, правда, чуть расцарапали лицо — но это сущая мелочь в сравнении с расквашенными губами и подбитыми глазами этих дур.

Сейчас, слоняясь среди ночи по парку Корпуса, она местами была готова пожалеть о своей принципиальности. Ну принялись эти коровы острить насчёт её общения с простаком. Ну позволили пару фривольных намёков.

Хаас вздохнула. Увы. Драки было не миновать. Если эти овцы позволили себе поддевать её, обсуждая вполне себе деловой союз с Алексом, значит, конфликт рано или поздно вызрел бы. Ибо за него было либо уплачено, либо спрошено.

Хорошо, что всё прошло по её сценарию. Две дылды, каждая на полголовы выше, просто не ожидали, что маленькая девочка умеет бить. Впрочем, Алекс говорил, что до умения бить ей ещё лет десять, если двигаться такими темпами. Однако и он временами ошибается: сегодня было чем гордиться.

Правда, если заявить ему об этом всерьёз, он ответит, что баб в качестве противников он не рассматривал. Ну зато она рассматривала, и хорошо, что была готова.

Новую комнату дадут только с утра. Анна поёжилась. Прикинув варианты, она уверенно набрала Алекса.

Тот ответил через секунду, как будто и не спал:

— Да? — увидев её лицо, тут же добавил, пытаясь нашарить рукой куртку. — Всё в порядке? Помощь нужна?

— Всё в порядке. — Весело отрапортовала Анна. — Помощь не нужна. Зайду к тебе минут через пять?

— Конечно! — зачем-то ответила за Алекса эта его темнокожая бабища, неожиданно появляясь у него из-за спины и сверкая абсолютно голыми сисяндрами непристойного размера. — Заходи! Накормим, кофе нальём.

— Мне б и переночевать. — Нахохлилась Хаас, набираясь откуда-то наглости и добавляя в голос виртуальной уверенности (которой не было).

— Без проблем, — всё так же ответила чёрная, не давая Алексу даже раскрыть рта. — Есть ровно два спальных места, кровать и балкон. Кровать уступаем тебе. Если нужно что-то ещё — только скажи. НЕ ОТКЛЮЧАЙСЯ!

Негритянка (или как там её правильно назвать, если академически) зачем-то пристально впилась взглядом в Анну и добавила:

— Соседки по комнате? — Затем тут же, без паузы. — Помощь нужна?!

— Да ну, какая помощь, — отбоярилась Анна нехотя. — Ещё вы с бабами не воевали…

— Алекса с собой не возьмём, — веско заявила его подруга. — А я, если что, тоже баба. На твоих, поверь, хватит.

— Благодарю, — вздохнула Хаас. — Но я им уже и сама

вломила. Просто ночевать там не хочу. А когда уходила, они размазывали сопли и валялись на кроватях.

— А-а, ну тогда всё окей. — Отчего-то моментально успокоилась кафузу (кафузу! Алекс говорил). — Шагай сюда.

_____

Мы с Жойс даже не успеваем толком перейти к одному интересному делу, когда мне звонит Хаас.

Сверкая расцарапанной щекой, она спрашивает разрешения зайти. Вместо меня, с ней почему-то разговаривает Жойс (а я тактично молчу сбоку).

В итоге, Жойс одевается обратно, я повторяю это действие в точности за ней.

Когда минут через пять действительно у нас появляется Хаас, Жойс её долго выспрашивает о чём-то. Меня всё это время просят покурить на балконе, вместо сигар выдав большую кружку с кофе.

Когда посиделки дам на моей кровати и барном стуле наконец оканчиваются, лично я уже ничего не хочу, забившись под тонкое одело на балконной пенке и практически засыпая.

— Подвинься, — бормочет Жойс, прижимаясь ко мне сзади и мгновенно согревая.

_____

Не поручусь за Хаас, но мы с Жойс уже точно спим и видим третий сон, когда меня будит звонок комма.

Есть список контактов, на которые настроены индивидуальные заставки и звукосочетания, потому моментально просыпаюсь: Гутя просто так не трезвонит.

— Слушаю внимательно. — Стараюсь говорит как можно тише.

Впрочем, усилия напрасны: Жойс тоже проснулась и внимательно смотрит на голограмму, будто и не засыпала.

— Спринтер, такое дело. — Без разбега начинает Гутя, демонстративно не глядя по сторонам и впиваясь взглядом мне в переносицу. — Твоя сегодняшняя просьба…

— Я ПОНЯЛ. ВНИМАТЕЛЬНО СЛУШАЮ. — В этом месте просыпаюсь окончательно.

— Есть информация, что твоего пассажира у нас срочно забирают. Я не знаю раскладов, даже Кол не понял, в чём дело.

— Ты бы просто так не звонил, это сообщить. — Тут же соображаю на ходу.

— Шаришь… Есть вариант. Прямо сейчас. В течение пары часов надо, чтоб ты сбросил бабки на один счёт не в Федерации. — Гутя испытывающе и чуть нервно продолжает играть в гляделки.

Спасибо чипу, происходящее не имеет двойного дна. Тот

случай, когда его слова чистая монета и что-то там действительно пошло не туда.

— *Овод*, — фыркает сбоку Жойс на языке, которого Гутя не знает.

Для убедительности якобы сбивая несуществующее насекомое с моей спины.

— *Поеду с тобой. Даже не обсуждается.* — Добавляет она.

— У меня проблема с выпуском денег из Федерации. — На ходу соображаю вслух. — Я ж несовершеннолетний. Переводы более тысячи монет — только в отделении банка, только при личном присутствии. А внутри не могу на любой твой счёт скинуть? Прямо сейчас бы отбил.

— Нет. — Отрезает Гутя. — Надо сразу туда.

— Сколько надо? — подключается Жойс уже на Всеобщем, слава богу прикрывая зону декольте простынёй (что она делает, к сожалению, далеко не всегда).

Как и в случае с Анной, она почему-то говорит вместо меня, и смотрит на Гутю.

Да что такое?! Не стал скандалить один раз — и это теперь система?

Она каким-то шестым чувством ловит мой настрой, потому что в следующую секунду кладёт ладонь мне на плечо:

— *Calma. Relaxa. (Успокойся. Остынь)*. Так сколько надо? — повторяет она иронично пялящемуся на нас Гуте.

— Двадцать пять. — Отвечает он. — На пять больше, чем договаривались, потому что…

— НЕВАЖНО. — Мягко перебивает *моего* человека Жойс. Не вызывая желания с ней спорить или ругаться.

Ничего себе. Она и так умеет?

Похоже, какие-то её флюиды действуют и на находящегося в достаточно почтенном возрасте Гутю. Поскольку он, вместо обычно демонстрируемой дистанции, изображает виноватую улыбку и называет восточную страну, в которой банковский день уже начался.

— Или не получится выполнить его заказ, — виновато поясняет он, кивая в мою сторону.

— Не проблема. Есть счёт в банке, где рабочий день тоже начался. У нас есть три минуты? — Жойс исчезает в комнате и возвращается вооружённая навороченным ВАРВАРОМ.

Следующие пять минут они с Гутей занимаются непосредственно переводом и сверкой реквизитов.

— Принял! — Рапортует Гутя через какое-то время, отрываясь наконец от экрана. — Спринтер, ну ты за час добежишь сам знаешь куда?

— Я с ним могу? — попирая все правила приличия и наши с ней договорённости, через мою голову уточняет у него Жойс.

Гутя коротко кивает. Затем, явно стесняясь, обращается ко мне:

— Такое дело…Твои Хаас, если что, могут пособить в разговоре?.. У нас тоже возникли вопросы походу. Им самим ничего делать не надо! Пусть они со своей колокольни скажут только, что думают по поводу… — он в пару предложений описывает интерес Кола ко всему происходящему.

— Будешь ржать, Анна Хаас вон там за стенкой спит, — отвечаю, размышляя на ходу.

— Уже не сплю! Меня Жойс разбудила, когда свой комм из-под подушки вытаскивала! — раздаётся из комнаты.

А ещё через секунду на балконе появляется заспанная Анна, в труселях и майке армейского образца. Которая, зевая, обращается к голограмме моего знакомого:

— Я Анна Хаас. На какие вопросы нужно ответить?

— Одевайся и иди с ним! — тут же принимает какое-то решение Гутя, взмахивая рукой в мою сторону и отключаясь.

— Что за тип? Куда идти надо среди ночи? — не раскрывая глаз полностью, вопрошает Хаас. — Что за тон вообще?!

— Он из такого места звонит, где только на ты общаются. — Поясняю машинально. — Там свои лингво-страноведческие реалии. Не парься. Ты ему, кстати, тоже только «ты» говори и не вздумай выкать. Э-э-э, — до меня с запозданием доходит гротеск ситуации. — А ты сходишь со мной в салон связи за Набережной?

— Да пошли, если надо. — Чуть сомневается Хаас, тоже просыпаясь.

— Я с вами, — хлопает её по спине Жойс. — Не переживай.

— Да там нечего переживать! Круглосуточный салон телекома там! — глубоко вдыхаю, переводя взгляд с одной на другую. — *А по пути поговорим о том, как часто в дела друг друга теперь можем лезть через голову.* — Добавляю исключительно для Жойс.

— Хорошо. — Кротко вздыхает она. — *Но давай вначале этот разговор окончим. Готова спорить, это как-то с тем оводом связано. Ты же не думаешь, что я тебя одного отпущу?!*

— *Вот ещё по этому поводу мы не скандалили.*

— *Там всего лишь салон связи.* — Напоминает она мне мои же слова. — *Вдруг узнаешь что-то такое, что потребует совета со знающим человеком?*

На самом деле, благодаря чипу вижу, что любопытство составляет минимум пятьдесят процентов её решительности.

А с другой стороны, сам аргумент тоже не лишён смысла.

Куда-то же с утра этого Мали собрались переводить на ровном месте. Вопреки целому ряду согласованных муниципально-федеральных процедур.

Ставя крест на любых попытках завершить следствие на территории этой муниципальной единицы.

Я не ахти какой правовед, но благодаря Анне знаю: федерация — это система ниппель. Если что-то или кого-то у тебя отсюда изъяли на время, значит, увидеть это или этого ещё раз тебе уже никогда не придётся.

Правило без исключений.

Глава 13

— Жену надо брать исключительно после армии. — С уважением смотрю на уже одевшихся Хаас и Жойс, пританцовывающих перед дверью.

Я в это время ещё только натягиваю штаны.

— Ну сколько можно копаться! — делает серьёзное лицо Жойс, но я вижу, что она просто развлекается от скуки.

На самом деле, моей вины в задержке нет. Просто сначала в комнате одевалась Хаас, а я тактично ждал на балконе. Затем Жойс заняла санузел на три минуты, а моя постиранная перед сном форма сушилась там на разделителе.

— *Ждал, пока ты из сортира выйдешь.* — Отвечаю абсолютно нейтральным тоном.

— А что ты там забыл, в сортире-то? — удивляется она на Всеобщем.

— Форма сушилась. — Хлопаю себя по груди.

— А запасная где? — ещё больше удивляется она. — В санузле я что-то шкафа для одежды не заметила!

Не дожидаясь моего ответа, она прямо в обуви стремительно проходит к встроенному в стену шкафу и распахивает дверцы.

— Ты дурак? — уже озадаченно спрашивает моя вторая половина, растерянно обозревая пустое убранство местного аналога шифоньера. — А ВЕЩИ ТВОИ ГДЕ?

— Нет у меня никаких вещей, только бельё! — чуть рассержено говорю ей, заканчивая одеваться.

Мы все дружно сбегаем вниз по внешней лестнице наружу, где Жойс продолжает давить всё на ту же шарманку:

— Так а куда ты дел остальные комплекты формы?

— Часть безвозвратно утрачена в ходе тренировок. Часть на дуэли. Часть сжёг этот пацан у меня в квартире, прямо на мне. Сейчас хожу в том, что выдала Камила, выпуская из госпиталя последний раз. Пытался сунуться на принтер за запасом — но мужик, что там заправляет, пошёл нудить о лимитах и о том, что я один его на картриджах разорил в этом месяце.

— Нет слов. — Коротко вздыхает моя подруга через десять секунд долгого молчания. — У меня нет слов. Иметь чемодан денег на счёте, находиться рядом с действующими хозяйственниками и принтерами — и ходить в единственной форме… Выданной, к тому же, на замену в медсекторе. *Алекс, ты хуже дебила иногда. Как ты только до этих лет дожил.*

— *Может, я не очень хорошо договариваюсь?* — предполагаю в ответ. — *А просить мне не позволяет моя религия? И вообще, чего*

ты насела из-за пустяшного вопроса?

— Оно не настолько пустяшно, как тебе кажется, — угрюмо отвечает она. *— Это элементарные навыки выживания в среде. У Карвальо почему не распечатался, наконец?* — не отстаёт бравая сержант, севшая, видимо, на какого-то своего конька. *— Там точно такой же принтер, если что.*

— Да ну, неудобно как-то, — признаюсь. *— Подумал: если у того деда картриджи в подотчёте, и расход с них как-то нормирован, то вставлять Камилу на расход ресурса будет вообще не комильфо.*

— А я поняла сейчас, — весело прорезается сбоку Хаас. — Ты его идиотом назвала, да? — Анна неподдельно радуется, так, что почти подпрыгивает на ходу. — Больше, правда, ничего не поняла. Надеюсь, это не из-за меня?

(примечание: в оригинале Жойс сказала «Imbecil»)

— Ты вообще ни при чём. — Великодушно отмахивается Жойс. — У кое-кого проблемы и с головой, и с коммуникацией. Настолько, что он ходит в одних и тех же штанах, не потрудившись распечатать два-три комплекта на запас.

— Ну, вообще-то, это всё оплачивается родителями заранее, перед семестром. — Рассудительно припоминает Анна. — Я чётко помню: там вносится какой-то аванс, он же — питание, одежда, расходники и так далее. Обычно берётся с запасом. Редко, но бывает такое, что учащийся выбирает всю сумму полностью. Тогда её надо пополнить. Например, упражнение с редким типом расходников не идёт…

— Например?! — влезаю между ними, прихватывая обеих под руки. — Любопытно просто, — поясняю Анне под неодобрительным взглядом Жойс. — На каких типах снаряги тут можно разориться?

— По моему профилю — некоторые виды огнеупорных динамических защит, — тем же позитивным тоном отвечает Анна. — Бывает такое, что каст не идёт и не идёт. А ты садишь и садишь по изображающему мишень сокурснику. А у него защита прогорает раз в десять минут. Ещё, говорят, у майора Стоуна выпускники какие-то хитрые припасы ящиками нажигают на паре упражнений. Там сердечник какой-то непростой, один выстрел как две или три монеты. Видимо, у него ноль на авансе, — доворачивается она к Жойс. — Он же за себя не платит? Поэтому ему отказали.

— Беру слова обратно. — Хмуро резюмирует моя подруга. — Это не Алекс дебил, вернее, не только он. Это у вас у всех… гхм, групповой сдвиг. Это как жить у реки — и рыбы себе не поймать. — Неподдельно недоумевает она. — Представляю, как

ваши хозяйственники тут имеют с перепродажи неизрасходованных картриджей… Золотое дно, чё. С такими вот дисциплинированными детишками.

— А что картриджи? — неожиданно вспыхивает интересом Хаас. — Это что, ликвидный актив и хорошая статья дохода?

— Сто десять процентов ликвидный. — кивком подтверждает Жойс. — Хоть и в боевых частях преимущественно. Там их сколько ни привези, особенно за океан, всё равно будет мало. Хм, а надо с вашими местными тут мосты навести! — приходит она к парадоксальному выводу. — Заодно и твой вопрос решим. — Она, не замедляя шага, шлёпает меня чуть ниже спины.

Перебравшись через забор на ту сторону в месте, указанном Хаас, Жойс хлопает себя по карману, в котором лежит её навороченный комм. Далее она натыкивает одним ногтем вызов такси на виртуальной клавиатуре:

— Ко мне быстрее приедет, — поясняет она на наш невысказанный вопрос. — Особенности аккаунта. О, тридцать секунд…

_____

Администратору салона связи не нравилось сегодняшнее задание, но и выбора особого не было. По большому счёту, именно ради таких вот разовых, кхм, «сеансов связи» его сюда и воткнули. Оплачивая его работу ощутимо выше, чем в среднем по отрасли.

Он давно отучился болтать языком. И даже дома, возвращаясь в семью, на вопросы жены о необычайно пристойном окладе он постоянно отшучивался: дескать, старые товарищи помогли устроиться в хорошее место, плюс ценят именно меня.

Это было чистой правдой, хотя и не всей.

И именно сейчас ему предстояло, по указанию шефа (географически располагавшегося внутри Квадрата), провести очередной такой сеанс.

Перечень сегодняшних операций включал саму связь с абонентом на закрытой территории, защиту канала, защиту этого места от прослушивания и запись разговора — последнее уже лично, самим себе (мало ли что мелькнёт в беседе или будет обронено второпях? А так, потом можно будет разобраться неспешно, промотать ещё и ещё разок, пока белых пятен в коммуникации не останется).

Разумеется, это всё делал не он сам, а два с половиной комплекта определённой аппаратуры, плюс программное обеспечение. Но кто-то же за всем этим и следить должен? Те же программы, например, на месте не хранятся. Их надо с облачного сервиса загрузить специально для беседы, затем удалить без следов. Весьма неслабые пакеты.

Отдельным пунктом шла страховка: если в момент беседы кто-то обличённый властью пытался бы помешать или поучаствовать в разговоре, целый ряд мер предусматривал купирование и этой угрозы.

— Привет! — раздался голос старого знакомого от двери, сразу вслед за звякнувшим колокольчиком.

Этот пацан в форме был тут не впервые.

Следом за ним вошли две девицы (тут тоже предупреждали), одна из которых была красивой, а вторая — клановой. Хотя-я-я, если подумать, вторая тоже ничего. Просто маленькая ещё.

— Прошу за мной. — Не говоря ни одного лишнего слова, связист вышел из-за стойки и сам подошёл к вошедшим. — Ваши коммы? — он вежливо протянул пустой раскрытый пакет.

Хм, у темнокожей в кармане вообще оказался новый ВАРВАР. У белобрысой малолетки тоже.

Собрав технику гостей, заперев её тщательно в сейф, администратор проследовал к неприметной двери в конце стены и приглашающе махнув рукой присутствующим.

_____

Само соединение в этот раз заняло дольше обычного, поскольку меры предосторожности предписаны были по верхнему стандарту.

На каком-то этапе, над столом загорелась голограмма Гути.

— На связи. — Бесцветным голосом начал первым связист. — Мы все на месте.

— Здоров. Вижу, — поёжился Гутя, не приветствуя более никого (видимо, с гостями салона он сегодня уже общался).

Гутя внимательно оглядел всё помещение (администратор специально провёл камерой вокруг), отдельно скользнул взглядом по электронному экрану специального управляемого замка на внутренней стороне двери, и только после этого распорядился куда-то в сторону:

— Давайте того сюда!

После этих слов пришлось ждать ещё около получаса.

Всё это время темнокожая сержант оживлённо общалась с пацаном на каком-то непонятном наречии, а белобрысая клановая откровенно зевала и скучала, уставившись в одну точку.

Наконец двое неопределённого вида здоровенных парняг подтащили к комму Гути какого-то ниггера, спеленатого на манер гусеницы.

— У нас не более пятнадцать минут, — предупредил Гутя присутствующих. — План такой. Вначале ты, Спринтер, расспрашиваешь его обо всём, что тебе надо. На это четверть часа. Потом его, — кивок в сторону негра, — вернут на место, а мы продолжим уже между собой. Если у меня походу возникнут к

нему вопросы, я тебя буду перебивать. Чтоб сразу всё прояснить. Вопросы?

— Его лицо и глаза мне нужны крупным планом. С максимальным разрешением. — Не по-обычному серьёзно отозвался тот, кого звали Спринтером.

— Можем? — не меняя положения, переадресовал Гутя вопрос связисту.

— Минута. — Сдержано кивнул тот и выбил две последовательные дроби по своей виртуальной клавиатуре (связь даже со стороны Квадрата сейчас управлялась отсюда, почти по всем параметрам).

Смешное и лёгкое (на первый взгляд) уточнение пацана влекло за собой не такой уж простой набор дополнительных программных инструментов.

— Второй момент, — как ни в чём ни бывало продолжил Спринтер тем временем. — Гутя, а вы его чем укололи?

— Ничём! — удивлённо захлопал глазами тот, отпрянув назад. — Ещё бабло на него переводить?! И так ответит!.. — Гутя многозначительно повёл бровью.

— А-а, извиняюсь, это кровоизлияние было, — забормотал пацан, сосредоточенно рассматривая лицо негра с разных сторон.

Для этого ему пришлось встать и последовательно сделать шаги влево и вправо.

— Вы ему по голове здорово дали, — пояснил он зачем-то Гуте. — Я не сразу понял…

— Не без этого. — Не стала отрицать противоположная сторона.

_____

В отличие от предыдущих визитов сюда, сейчас меры предосторожности почти что зашкаливают. Алекс, комментируя задействуемые местным админом технические примочки, только уважительно качает головой по внутренней связи.

Наконец, подготовительная часть оканчивается и передо мной помещают того здоровенного темнокожего полицейского, который пытался задержать меня в почтовом отделении.

Начиная его расспрашивать, держу в голове: на весь разговор Гутя отмерил ровно четверть часа.

— Первая Транспортная — ваша компания? — рублю в лоб под мгновенно засверкавшие любопытством глаза Жойс.

Вообще-то, мы уже и сами кое-что раскопали на эту тему. С ресурсом Моше, отслеживание единого центра управления перевозками Первой Транспортной не составило особого труда.

Я и сам знаю ответ, но Алекс зачем-то настаивает на том, что для какого-то градиента надо прогнать пару тестовых вопросов

(ответы на которые нам уже известны).

— Нет. — На чистом глазу выдаёт бывший служащий Фемиды. — Совсем независимый от нас владелец, который оказывает услуги. Задачи наши он решает без ограничений, тут да; но сама компания нам не принадлежит.

— Это где-то так, но не совсем правда. — Сообщаю тут же, при всех, Гуте. — Они как минимум беспроцентно кредитовали компанию на закуп и переоборудование трёх машин. Это в последний месяц. Ещё платят зарплату некоторым водилам лично, налом.

— Принял. — Буднично кивает мне Гутя. Затем поднимает вверх мизинец. — Раз!

Двое парняг коротко вскидываются, словно мишени на полигоне. И негр в их руках два раза клюёт носом в ближайшую стену.

— Это было предупреждение. — Абсолютно бесцветно сообщает экс-копу Гутя. — В следующий раз будет хуже. Отвечать развёрнуто, быстро. Воды не лить. Время не тянуть.

— Он сейчас в отместку решил назло что-нибудь вытворить, при первом удобном случае или вопросе. — Я сижу удачно, негра тоже держать удобно. Потому сдаю с потрохами всё то, что по внутренней связи транслирует Алекс.

— Бездоказательно, — качает головой Гутя. — Впрочем, ладно. Для профилактики, кашу маслом… Раз!

Братва рядом с ним повторно изображает элементы обстановки стрельбища, но в этот раз к стене добавляется ещё кое-что.

— Не нужно играться. — Всё так же спокойно звучит голос Гути над Мали. — Я же говорил. Тут не шутят. Спринтер, время. Продолжай.

— Зачем вы убили мою мать? — продолжай так продолжай…

— Заказ от коллеги. Твоя квартира. Ты не должен был выйти из больницы. Мать твоя в трансе. Удобный момент. — Его фразы звучат теперь гораздо отрывистее, но уже значительно откровеннее.

— Имя коллеги?

— Бен Эдмонс. Ваши соседи.

— Зачем ты подставился и взвалил на Первую Транспортную лишний риск? У тебя свой бизнес. Зачем наклоняться за сантимом, теряя франк?

— Риска никакого. Твоя мать и так была не жилец. — Кажется, братва ему что-то повредила или сломала (не только физически), поскольку в облике и взгляде, согласно Алексу, появился какой-то надлом.

— С чего это моя мать не жилец? — ему удалось меня удивить.

— Вашей семьёй занимались федералы, — пожимает одним плечом Мали. — Вначале с их подачи твоего отца прикопали. Когда это случилось, на время всё вокруг стихло. По инерции, через нас, они продолжали наблюдать за вами, но так всегда делается. На самом деле, это что убедиться, что вы и не дёргаетесь в разные стороны. Обычно наблюдение по инерции имеет место…

— Каким образом федералы и вы наблюдали за нами? — перебиваю по сигналу Алекса, не давая ему забалтывать самого себя.

— Технические средства наблюдения преимущественно. Камеры города, ваши карты банковские во время платежей, я не знаю всего расклада. Знаю только, что через наш ВЭЦЭ часть информации уходит, куда надо. Когда федералы кого-то ведут на нашей территории. Независимых ТСО у федиков в муниципалитетах нет, — веселится каким-то собственным мыслям негр.

— А тебе это откуда известно? — влезает сбоку Жойс.

Впрочем, момент её участия оговорен и у меня возражений нет.

— А у нас есть один отдел интересный. Так-то, он под архив маскируется, но там далеко не архивариусы. И далеко не только архив. Я же давно работаю. Кое с кем оттуда общаюсь, по работе тоже. Секретов друг от друга не держим. Он тоже чёрный, — поясняет в итоге Мали, глядя только на Жойс. — Его с повышением прокатили, какого-то белого козла из столицы прислали на отдел. Хотя, по всем правилам, там должен был он стать боссом. Вот он занозился и согласился на подработку. А я с ним давно общался… Общие темы были, просто ему это неинтересно было. До последнего времени…

Незаметно для тех, кто с ним в одном помещении, Гутя поднимает бровь и вопросительно смотрит на меня.

В ответ только опускаю веки. Сейчас экс-коп говорит правду и ни о чём не умалчивает.

Глава 14

— Если моя мать и так была не жилец, зачем тебе подставляться? Ещё и с техникой, обслуживающей бизнес? — нам с Алексом кажется, что мы поймали сразу два противоречия в одном месте.

Интересно, что он сейчас ответит? В логике виден явный пробой, хотя он сам считает, что говорит чистую правду.

— Малец, а ты вообще когда-нибудь бизнесом управлял?! — искренне удивляется Мали. — Лично?! У меня не такие ресурсы, чтоб отдельную машину под лишних белых баб выделять! Что было под рукой, тем и… — он не договаривает, опасливо косясь на братву. — Отвечаю по пунктам. Во-первых, меня попросил Бен Эдмонс. — Экс-коп чуть свысока оглядывает всех присутствующих. — Не шарите? Ладно… Возле нового рынка у нас есть проблемы с азиатами. Качают дешёвку и ломают рынок, если коротко. Вот Бенни вполне может решить тот вопрос исключительно из собственного кресла. А это, дай бог, под пятнадцать процентов оборота! Там есть за что побороться, — темнокожий распаляется и, увлёкшись, пускается в детали. Назидательно поднимая палец.

Гутя, тут же загораясь любопытством вслед за ним, изо всех сил семафорит мне и пальцами, и глазами, и мимикой, чтоб я не перебивал.

— Если мне для этого надо на машине быстро сделать то, о чём просят, я это сделаю. Потому что машина записана на Первую Транспортную…

— А там свой директор, с ними формально не связанный, — прорезается со своего места Хаас, от которой манипуляции Гути ускользнули. — Во-первых, расследовать они будут сами себя — риска нет. Во-вторых, даже если что-то бы и всплыло, отвечать будет водитель. В крайнем случае, Компания. Но этих ты никак к делу не привяжешь. Да? — она пренебрежительно смотрит на голограмму.

Мали одобрительно кивает в ответ:

— Что же до спешки Эдмонса, могу предположить стандартный вариант. В судах, чтоб у тебя-овоща или у мамаши твоей что-то быстро отмутить, без поиска наследников и прочей лабуды, всё всегда заряжается очень быстро. Чтоб такой вопрос висел на ожидании — это из области фантастики. Пока люди в суде горячие, что-то сделать можно, — продолжает экскурс в детали бизнеса бывший полицейский. — Если же судейский чуть подостыл, или успокоился, или просто мозги врубил — то уже и

продавленная тема может протухнуть. Видимо, по твоей хате надо было всё делать очень быстро, — пожимает он плечами. — Не знаю, как у вас; а у нас, если просят, делаешь, если можешь. Если не можешь — сразу говоришь. Но спрашивать, что там у Бенни в суде? — сухое карканье должно изображать смех. — Или выяснять, что за спешка?.. А взялись мы потому, что по некоторым приметам было видно: семейству вашему так и так кранты. Я, кстати, не поручусь, что ты и в больнице-то в рамках этого всего не оказался. — Почти доверительно сообщает экс-коп.

Уходя с темы наркоты на рынке, под откровенно поскучневший взгляд Гути.

— Расшифруй. Ты сейчас недоговариваешь.

— Да что тут пояснять? Ну, допустим, кто-то супер-умный или активный начал бы копать по дэтэпэ: а что же такое случилось с твоей матерью? Чисто теоретически, кем надо быть, чтоб продублировать наше следствие? И, исправив нас, — Мали глумливо фыркает в этом месте, — предоставить в суд реальную доказательную базу? Да так, чтоб её там взялись рассматривать? Ещё и с судебным преследованием виновных?

— Кем-то из кланов? — отвечаю то, что, с моей точки зрения, лежит на поверхности.

Гутя, братва и Жойс сейчас с интересом наблюдают за происходящим.

Местный администратор, он же главный связист, устало вздыхает и всем видом транслирует что-то в адрес моей непроходимой тупости.

Хаас, которая ещё недавно засыпала, опять вскидывается, как суслик от осы:

— НЕТ! Кланы сюда не мешай. Копы, — кивок в сторону Мали, — это продукт компромиссов. Между всеми. Если бы за вами с матерью изначально стоял какой-то клан, тогда да. А так, пока ты ничей, никто не станет рушить работающую систему. Ради никому не нужного отребья, — чуть тише и сконфужено заканчивает она.

Под весёлое ржание Гути и скрипение зубов Жойс.

— Как насчёт почтового отделения? Там же ты заняла совсем иную позицию? — поворачиваюсь к Анне и удивлённо свожу брови, припоминая кое-что из совсем недавнего прошлого. — Чем почта отличалась от того, что ты сейчас сказала?

— Там другое. — Она неожиданно и густо краснеет. — Я к тому времени уже согласовала с отцом наш с тобой протокол стратегических намерений.

Жойс вопросительно изгибает бровь и упирается в Анну взглядом, не предвещающим ничего доброго.

— Это не то, что ты подумала! — моментально реагирует Хаас, отодвигаясь назад на всякий случай. — Но давай не тут!

— Давай, давай… — не отводит взгляда моя подруга.

Которую мне приходится в этот момент ущипнуть сзади, чтоб привести в чувство. Под заливистое ржание уже Алекса по внутренней связи.

— Так, не тратим времени! Молодёжь, дома пообщаетесь! — неожиданно приходит на помощь Гутя со своей стороны.

Удивительно, но его слушается даже Жойс (мгновенно успокаиваясь).

— Нет. Не кланы. — Переждав волну вокруг, отвечает Мали. — Федералы же. Влезть со своим приоритетом в муниципальные разборки, на которых поставлен крест судебного кейса, могут только федералы.

— А их можно не бояться, поскольку они, с твоих слов, и так списали мою семью? — Подхватываю. — И, если вы им чуть-чуть пособите, они не будут отменять устраивающего всех результата?

— Точно, — почти весело соглашается бывший полицейский. — Если мы лишь чуть ускорим их курс, это ничьих возражений не вызовет.

— Не считая меня. — Надеюсь, я сейчас безэмоционален внешне.

— А мёртвые не кусаются, — отмахивается Мали. — Ты вообще не должен был из больницы выйти. Я ж говорю: не поручусь, что и Эдди, сынишка Бена, в твой адрес расшалился не просто так.

— Он что-то знает, — киваю Гуте на бывшего копа. — Но не говорит.

— Эй! Эй! Полегче! Я не знаю! Только догадываюсь… — мгновенно подпрыгивает темнокожий. — У Бена были какие-то свои связи среди федералов. — Многозначительно добавляет он, глядя почему-то на меня и делая паузу.

Видимо, растерянность на мгновение отражается у меня на лице, потому что в следующий момент ко мне обращается уже Гутя:

— Стучал этот Бен федералам, Спринтер. Вкладывал либо обстановку, либо ещё чего. В рамках своей зоны ответственности. А может, даже на дополнительном положняке у них состоял.

— Я этого не говорил. Сами сказали, — почему-то оскорбляется Мали. — Видимо, да. Но…

— … но тут надо самого Бена спрашивать. Он мно-о-ого интересного может порассказать. — Довольно завершает логическое построение Гутя. — Тем более, его скоро ждём тут, говоришь? Ладно, не сейчас! — обсекает он сам себя.

Дальше Гутя с сожалением вздыхает и касается двумя пальцами руки запястья левой.

— Ты что-то знаешь о претензиях федералов в мой адрес? — сейчас ловлю малейшие оттенки эмоций и мыслей в глазах и на лице Мали, буквально впиваясь в него взглядом.

— Не прямо, — ворчит он, глядя в сторону. — Так, слышал пару моментов. От товарища в архиве, да от Бена, когда ему кто-то из Столицы звонил. Потом сопоставил.

— Подробности? — если бы можно было, я бы сейчас влез тут в комм, чтобы вылезти рядом с бывшим полицейским в Квадрате.

— На подробности нет времени, — досадует Гутя. — Выводы! — командует он, глядя в упор на Мали.

— А тут без разницы. Подробности и есть выводы. Был такой проект, освоение Мвензи. — Начинает скороговоркой частить тот (видимо, Гутя сумел его как-то «заинтересовать» в этой беседе). — На самом деле, но тут лично моё мнение, под личиной департамента колоний работала совсем другая организация федералов.

— Суть проекта, кратко?! Декларируемая и реальная?! — Гутя сейчас подобрался и похож на охотничьего пса, уверенно идущего по следу случайно оказавшегося в ограде фазана.

— Декларируемая: редкоземельные металлы. Их там и так моют, — пожимает плечами экс-коп. — Обустройство инфраструктуры, разметка шахт, проектирование комплексов, ещё раз разметка, уже на местах, под конкретное оборудование… Реальная: расшифровка гена старения. Мвензи — это просто вынесенная к чёрту на рога лаборатория, чтоб работать можно было без помех.

— Мой отец был биологом. Причём, кажется, даже что-то связанное с генетикой, — припоминаю диплом родителя, по которому он на моей памяти никогда не работал. — Но я никогда не слышал, чтоб он по диплому хоть сутки отработал.

— Малец, да мне поровну, кем был твой батя, — индифферентно пожимает одним плечом темнокожий. — Я ж тебя не уговариваю. Ты спросил, что я знаю и о чём догадываюсь? Я добросовестно докладываю. Я уже понял, что ты долбаный ходячий детектор…

— ВРЕМЯ! — вежливо, но очень мягко напоминает Гутя.

— Минута? — перевожу взгляд на него.

Он молча кивает и утыкается взглядом в пол.

— Что тебе ещё известно о проекте на Мвензи? В двух словах?

— Всё сожжено. Редкоземельные тоже перестали мыть. Почему-то убивают всех, имевших отношение. — Мали ухитрился

тремя словами передать действительно всё, что ему было известно.

— Он всё сказал, — говорю Гуте. — Вопросов не имею.

— До связи! — роняет тот и, моментально поднявшись, делает знак братве.

Голограмма на столе исчезает одновременно с выходом Гути и братвы из фокуса камеры комма.

_____

— Значит, так. Я вас не видел. Вас тут не было. Что бы ни случилось, буду отрицать всё на свете. — Скороговоркой частит администратор салона, чуть не вручную выталкивая нас уже из зала.

Связную комнату он покидал быстрее, чем клетку с тиграми. Кажется, опасливо косясь на все блоки оборудования одновременно.

— Эй, коммы гони назад?! — тут же поднимает подбородок Жойс.

Связист с размаху врезает себе по лбу раскрытой ладонью, морщится, словно от зубной боли и припускает к сейфу в прямом смысле бегом.

Чтоб ровно через четверть минуты вернуться с пакетом в руках.

— Вот! — он требовательно протягивает нам пакет, тяжело дыша. — Чтоб вам пусто было…

— Да не сри ты уже кипятком, — морщится Жойс, принимая пакет и раздавая из него аппараты. — Бывай. Отважный ты наш…

— Дура! — выпаливает администратор последнее слово и с треском захлопывает за нами дверь.

Когда мы отходим буквально метров на десять, над салоном загорается табличка «ЗАКРЫТО».

— Блин, жалко мужика. — Смеюсь. — Тот случай, когда, если б можно было, отмотал бы назад, чтоб без него обойтись.

— ТЫ чего-то конкретного ожидаешь? — мгновенно цепляется к словам, как клещ, Анна. — Тебе ещё что-то известно?!

— Только то, что ты услышала сейчас. — Пожимаю плечами. — Мой батя действительно был биологом по диплому, но как-то не вяжется наш образ жизни с такими свершениями, — большим пальцем правой руки указываю себе за спину. — На жратву регулярно не хватало, не то что на что-то серьёзное…

— Не факт. — Серьёзно и задумчиво подаёт голос Жойс, зачем-то старательно перешагивая трещинки на асфальте. — Если предположить, что твой батя как-то спрыгнул с темы вовремя, то как раз всё в строку. Смотри, — она оживляется собственным мыслям. — Если он реально залёг на дно, к примеру,

переписавшись под другим именем и как-то ухитрившись сменить айди в системе, то он и не должен был никак выделяться из социальной среды. А сама среда должна была быть как можно более отталкивающей.

— Поясни?

— На чём сыплются едва начинающие зашибать деньгу хозяйственники? Как правило? — отвечает она вопросом на вопрос.

— Понятия не имею. Хозяйственником не был, деньгу не зашибал. В армии не служил.

— На несоответствии расходов и доходов, — фыркает Жойс. — Когда у тебя доход, со всеми боевыми, тридцать-тридцать пять тысяч в год, а ты дом за четверть миллиона купил. На берегу моря. Пф-ф…

— Кстати, а ты свой как оформила?! — задаю вертевшийся на языке и ранее вопрос.

— Не на себя. Я основала благотворительный фонд. Реально залила баблом один колониальный муниципалитет, и уже от этого фонда сама себе дом подарила, — белозубо улыбается моя половина. — Вышло в два раза дороже, но зато, как говорит твой Моше, неловленый мизер. Так что, с этой стороны, твой отец всё правильно делал… если у тебя лишних денег не водилось, — резюмирует она на Всеобщем.

— А с оводом тогда что за чепуха? Вначале этот наезд на мать. Параллельно, синхронно с этим, выстрел?

— А тут ещё проще. Кто-то федеральный получил команду. Сам понимаешь, какую… Видимо, подгадали под твой залёт в госпиталь. В голове держим, что надо расспросить Эдмонсов — а сам ли Эдди твой мозги кипятил? Или сподвиг кто?.. После того, как ты был сбрит, они занялись и твоей матерью. Стрелок — федерал. Он независимо от машины Первой Транспортной действовал.

— Зачем?

— Если вдруг в результате ДТП твоя мать выжила бы, овод был бы подстраховкой. От него не выживают.

— Тебе не кажется, что это какой-то всемирный заговор зла получается? — Я уже справился с эмоциями, нахлынувшими поначалу, и теперь способен мыслить критично. — Во-первых, Эдди и я несовершеннолетние…

— СТОП. — Жойс недовольно морщится, поднимая вверх руку. — Не хотела говорить, но не обойтись… В случае ЛЮБОЙ угрозы федеральным интересам, несовершеннолетие не является ни смягчающим моментом, ни индульгенцией от работы специалиста. Ты понимаешь, о чём я.

— Страшно, — передёргиваю плечами. — Это прямо противоречит конституции.

— Жопу себе в сортире подотри своей конституцией! — Горячится Жойс. — Я тебя что, обманывать буду?!

— Нет, я вижу, что ты не врёшь…

— Да три четверти внутренних команд и инструкций у любого колониального корпуса прямо противоречат этой сраной конституции! — продолжает кипеть моя подруга.

Видимо, это что-то неприятное из личного опыта.

— И мы — всего лишь армия! Сраная, долбаная во все дыры, тупая и недалёкая армия! А представь, как может противоречить конституции организация, где у рядового минимум два университетских диплома?! Оба — с отличием! — она переводит дух. — Да ни федерация, ни конституция, ни терпилы-гражданские даже не заметят, что их поимели и продолжают иметь! Этот коп тебе всё объяснил же. У них тоже бывают неловленые мизеры…

— А вообще, конечно, интересно, как оно дальше будет. — Напоминает о своём присутствии Хаас, демонстративно отстраняясь от нас, размахивающих руками. — Слушайте, а вы где ночевать собирались? В Корпусе? — Не дожидаясь ответа, она быстро просовывает руки нам с Жойс под локти. — А погнали ко мне? Я сейчас точно в Корпус не поеду, мне к бате надо… одна не хочу. — Признаётся она, беспомощно переводя взгляд с меня на Жойс.

— Кстати, а ведь Гутя так и не успел расспросить тебя о том, о чём хотел, — вспоминаю.

Словно по команде, звонит мой комм.

Не по ситуации бодрый Гутя, поприветствовав всех ещё раз, тут же упирается взглядом в Анну:

— Можешь мне устроить разговор с отцом? Пожалуйста.

Я никогда не слышал этого слова от Гути раньше, но не знаю, как об этом дать понять Хаас.

— Еду сейчас к нему, — мгновенно ориентируется та и без моих подсказок. — Он не будет с тобой разговаривать, если ты не обозначишь тему беседы. Как ему тебя представить?

Гутя на мгновение морщит лоб, затем как будто находится:

— А давай ему не я вопросы задам? С ним, вообще-то, Кол хотел говорить.

— Директор и единственный бенефициарный владелец управляющей Компании, которая рулит Квадратом, — перевожу Анне титул Кола на понятные ей категории. — Ещё — по мелочи: снабжение, аффилированные финансовые потоки…

— ТОЧНО! — весело и жизнерадостно кивает Гутя. — Он

точно сказал!

— Без вопросов. — Мгновенно принимает решение Анна. — Минут через сорок пять?..

_____

Попав домой, Анна первым делом вывалила на отца всё то, чему она стала свидетелем поневоле. Завершив экскурс словами:

— … а тот администратор из салона связи словно в штаны наложил! Перепугался, словно за ним прямо сейчас припустят!

Говорила она на родном языке, поскольку Алекс с Жойс тоже болтали на своём непонятном наречии.

— Может, и не зря испугался. — Дипломатично скруглил углы на Всеобщем Хаас-старший, поднимаясь из глубокого кресла в гостиной. — Молодые люди, всех прошу за мной!

Алекс и Жойс к этому времени уже успели уничтожить коробку чёрного шоколада, стоявшую на всякий случай на журнальном столике.

— Поедим, если что, чуть позже. — С сомнением в голосе добавил Грег. — Алекс, когда этот ваш бенефициар будет звонить?

— Мы не голодны! — ответила за парня сержант, демонстративно не замечая удивлённого взгляда второй девушки. — Ваша дочь предложила ему перезвонить через сорок пять минут, это было тридцать семь минут тому. Я засекла время.

— Как раз успеем провернуть одно дело, — чуть озадачено пробормотал себе под нос отец Анны, направляясь в кабинет.

— Хочешь сделать запрос по Эдмонсам? — Анна мгновенно догадалась о ближайших планах отца, стоило тому запустить одну специфическую программу на рабочем месте.

— Угу… Мы — законные представители, а их вон недавно на квартире Алекса взяли… Алекс, ткни, пожалу2йста, пальцем. Чтоб действие шло от имени доверителя…

Ещё через некоторое время все присутствующие, склонившись над столом и соприкасаясь плечами, дружно читали высветившееся в прямоугольнике сообщение:

«Автоматизированная информационная система. На ваш запрос сообщаем: Бенджамин Эдмонс, год рождения… образование… последнее место службы … Департамент полиции… перемещён из Муниципалитета … в соответствие с 21 поправкой к Конституции, во избежание конфликта интересов с Федеральной программой.

Эдвард Эдмонс, несовершеннолетний… год рождения… образование… является учащимся Академии МВД № 1… Согласие его законного представителя, Сары Эдмонс (степень родства: биологическая мать).

Криминальное делопроизводство прекращено по статье… в связи с интересами федерального делопроизводства…

Настоящим уведомляем вас о невозможности принятия … лицами участия в любых процессуальных действиях на территории Муниципалитета, в соответствие с федеральным Законом о конфликте интересов органов местного самоуправления…»

— Ничего себе! — присвистнул Алекс. — Вот это скорость! Ещё и Эдди оправдали!

— Я тебе говорила, — скептически подвигала задом Жойс, за спиной Грега стукнув Алекса сбоку бедром (как ей думалось, незаметно; но не для младшей Хаас).

— Мне надо всё обдумать. — Отец Анны решительно захлопнул крышку стационарного аппарата. — Алекс, твои знакомые будут на твой номер звонить?

— Ну да. А куда ещё.

— Тогда идёмте вниз. — Решил Хаас-старший. — На кухню.

— Мы не голодны! — напомнила Жойс.

— Я голоден, — вежливо ответил Грег. — Как бы ещё проверить, это на исполнении? Или эти Эдмонсы уже реально из дому отчалили? — в этом месте он зачем-то вопросительно посмотрел на Алекса.

———

По приезде к Хаасам, Анна в две минуты выливает на Грега подробности сегодняшнего вечера. Говорят они на своём языке, но общий тон их беседы понятен без перевода.

Чтоб не отставать от них, Жойс из вредности общается со мной по-португальски.

Когда минут через пять оказывается, что Эдди вместе со своим безногим и однoруким родителем нам уже недоступны, Анну отчего-то разбивает откровенное уныние.

Она что, реально рассчитывала на повторение того же номера, что и с Мали? Не замечал за ней подобной кровожадности, гхм. Откровенно говоря, во всём этом посещении салона я опасался именно её неподготовленной реакции.

Её отец же, напротив, выглядит шахматистом, столкнувшимся с интересным дебютом.

Повинуясь наитию, переспрашиваю его кое о чём и набираю известный мне номер Сары Эдмонс. Мамаша Эдди отвечает почти сразу:

— Да! — а на заднем плане слышится перезвон стеклянной посуды и аналогичная барная атмосфера.

— Здравствуйте, это Алекс Алекс. Вы действительно отправили Эдди в Академию МВД? Я могу с ним завтра

встретиться? Возможно мы могли бы миром уладить то, что…

— Не встретитесь! Отправила! Незачем было с этим уродом, его отцом, по бабам ходить! — пьяно и зло выдаёт она на одном дыхании. — С-суки…

Голограмму мать Эдди не включает, но диагноз ясен и так.

— Может, там ему мозгов-то вправят! — она как будто изливает что-то накопившееся. — И имей ввиду, сучок! Это я насчёт твоей мамаши распорядилась! Так и знай! Если б не тётя Сара…

Дальше слушать незачем. Аккуратно нажимаю кнопку разрыва соединения.

— Если она так пошла в разнос, сто процентов, Эдди не в этом городе, — сообщаю Грегу. — Ну-у, для проверки, можно попросить одного нашего знакомого проверить их дом. Если его отпустили из полиции, кроме дома, ему податься некуда.

— Не надо. У меня нет вопросов, — качает головой отец Анны.

А затем приходит вызов от Гути и Хаас-старший, забрав мой казённый комм, о чём-то общается с моим товарищем из Квадрата битых два часа, уединившись в одной из боковых комнат.

Странно. В серьёзных разговорах со мной Гутя всегда настаивал на посещении салона.

Глава 15 (пока начерно)

— Кто такие?! Оставаться на месте! — Абсолютно голая Жойс, стоя между кухонной плитой и проёмом балконной двери, бестрепетно целится из своего небольшого и смешного пистолетика в сторону четверых военных полицейских, правда, кхм, какого-то странного формата (форму и шевроны лично я раньше не встречал).

Судя по эмоциям, те её пистолетик смешным не считают. Лицами они, правда, владеют на пять и для Жойс их опасения очевидными не являются.

Сами красные шапочки из оружия имеют только резиновые палки, потому тут же дисциплинированно тормозят сразу перед дверью.

— У нас приказ. Лейтенант Мехле, приданная группа… А вы кто?! — почему-то старшей над мужиками-полицейскими поставлена дама.

Она же — единственная, кто имеет офицерский чин среди четверых человек, вошедших каким-то образом в мою дверь вообще без стука. Проигнорировав замок (вернее, каким-то образом отомкнув его с той стороны).

Ещё минуту назад, мы с Жойс вообще мирно пили кофе, сидя вдвоём на моём козырном хромированном стуле. Из коридора донёсся топот сразу нескольких человек (чего здесь, в гостинице для младших офицеров, на моей памяти вообще не случалось — до этого ходили максимум по трое).

— Собираются войти в мою дверь. — Сообщил я вслух чуть удивлённо, активируя все *собственные* сенсорные возможности плюс повинуясь активной коммуникации со стороны Алекса.

Который почему-то без разбега впал в панику, рассказывая, что местный навороченный замок сейчас вскрывают вообще с каким-то сверхъестественным приоритетом.

— Агрессии не испытывают, — добавил я больше для Жойс. — О, вот сейчас замок открывать будут. Интере-е-есно…

Многоопытная Жойс, не рассусоливая, мгновенно скатилась со стула и, вместо того, чтоб одеться, первым делом схватилась за пистолет.

Когда дверь с супернадёжным электронным замком действительно распахнулась через три секунды, она уже стояла чуть сзади и сбоку и держала под прицелом весь входной проём.

Вход из коридора в номер имеет вид узкой, по ширине двери, двухметровой кишки.

(Мне, кстати, всегда было интересно: а как они сюда мебель

втискивали? Через балкон и окно? По внешней лестнице?)

Сейчас в эту кишку набились четверо, одна из которых — баба-офицер.

— Сержант Кайшета, Первый Колониальный. Форма и документы слева от вас, на столике. — Как-то слишком спокойно для присутствующей на её лице эмоциональной гаммы озвучивает уже Жойс. — ВАМ что надо?!

— Да я и сама вижу, что вы не Анна Хаас, — ворчит лейтенантша. — А мы за ней. Ордер на выдворение.

— Ничего себе. А как вы её тут у меня разыскали?! — под давлением Алекса, задаю вопрос. Тут же добавляя от себя, как можно деликатнее. — Если это не секрет, конечно!

Что-то в голове у бабы щёлкает и она, косясь в мою сторону, отвечает:

— Она к сети подключалась отсюда. Плюс приложение Корпуса на её комме. ОНА ЖИВА?

Упс. Не так-то эта баба и умна. Интересно, что это всё вообще значит?

Как по команде, именно в этот момент, из санузла появляется сама Хаас, замотанная в полотенце, со вторым полотенцем вокруг головы и напевающая какой-то бредовый мотив с завываниями типа «Mein Vater ist ein Appenzeller».

_____

Примечание.

Выходя из помывочного помещения, Хаас старательно выводит именно это:

https://www.youtube.com/watch?v=uMbor9X-wS8

_____

— Вот она. — Уже вежливее отвечает офицерше Жойс, кивая на нашу будущую звезду юриспруденции.

— Анна Хаас? — абсолютно иным тоном спрашивает девочку лейтенант.

— Да, это я. — Глаза Анны можно демонстрировать вместо иллюстрации анекдота о какающей в поле мышке.

Которую застали за этим деликатным занятием не менее удивлённые крестьяне.

— Вы подлежите выдворению за пределы Корпуса. За нарушение дисциплинарных параграфов… — в этом месте дама извлекает служебный планшет и, оживляясь, зачитывает две или три статьи.

По которым Анна рассматривается мало не предателем родины и подлежит транспортировке за святые пределы Корпуса, огороженные забором.

— Это же бред, — моментально включается наша самая

светлая голова (и не только в плане цвета волос). — Ваш Ордер автоматически подразумевает Решение Комиссии! Дайте сюда… — Хаас в запале тянется к планшету лейтенантши, но та бодро отшагивает назад и одной рукой хлопает Анну по руке:

— Но-но! Полегче!

— Ой, извините, — смущается Хаас. — Увлеклась… но ваш ордер не является законным! Он будет оспорен и отменён в течение семидесяти двух часов!

— А это уже не моя головная боль, — резонно возражает дама, тоже, кстати, где-то смущаясь. — У меня приказ. Вопросы к командованию.

— *Интересно, как они двери открыли.* — Говорю в сторону Жойс. — *Во всех текстах висит, что этот замок стопроцентной надёжности.*

— *У коменды автоматический доступ ко всем помещениям, кроме особенных складов,* — комментирует в ответ моя половина. — *Не знаю инженерных деталей, но они дают запрос на свой сервер. Прикладывают электронно приказ или команду. Их сервер связывается с местным и твой замок открывается. Что-то в таком духе. Мне наши гении объясняли давно когда-то, но я не вникала. Не работает только на складах, охраняемых классифицируемым приоритетом.*

— Говорите нормально, — кажется, лейтенант почувствовала себя начальником, поскольку эту фразу роняет почти небрежно. — Так, чтоб я понимала.

— Ордер на меня есть? — интересуется Жойс, снова поднимая руку с пистолетом. — Или на него? — кивок в мою сторону. — Будьте добры, предъявите?

— На вас ордера нет… — уныло бормочет офицерша. — В смысле, на него. О вас вообще ни слова не сказано.

— Ну так идите нахер. — Предлагает Жойс. — Анна Хаас выйдет к вам, как оденется. Ждите снаружи.

Сама Анна, густо покраснев в ходе препирательств, собрала в охапку свои вещи и исчезла обратно в санузле, одеваться.

— Без Хаас не выйдем. — Подаёт голос чёрный верзила-капрал от самой двери. — И ты бы оделась, сестра… — Затем он добавляет что-то длинное и явно укоризненное по-французски.

— *Eu não entendi*, — вздыхает Жойс, но тут же послушно натягивает штаны и куртку. (*Прим.: «Не понимаю»*) — *Je ne parle pas francais*, — дублирует она, как я понимаю, по-французски.

— *Интересно, почему в военной полиции столько чёрных?* — на мне, в отличие от Жойс, есть трусы, потому я не дёргаюсь.

— *Не только там. Вообще в армии. По статистике, чёрных в армии в четыре раза больше, чем на гражданке. Но давай об этом*

не сейчас. — Пистолет в руках Жойс волшебным образом куда-то испарился, а сама она уже выглядит пристойно. — *Доступных социальных лифтов для нас не так много, если коротко.*

Вскоре Хаас появляется из душевой уже одетой.

— Я вот думаю. Если девочка говорит, что у вас нормального документа нет, а не надо ли мне кое с кем созвониться? Чтоб уточнить детали? — якобы задумчиво роняет Жойс. — А то незаконные приказы — вещь такая. Иногда их лучше не делать, чем делать. Разница в двенадцать лет набежать может. Это я тебе из практического опыта говорю.

Лейтенантшу передёргивает.

— Обращайтесь нормально! — цедит она. — Или мне и вас с собой прихватить?!

— Хваталка не выросла, — философски парирует моя половина. — Я ж не городская девочка, ствол со мной. Тут и ляжете. А я потом отпишусь. Уж в судах я побольше твоего бываю, поверь, — фыркает она своим мыслям.

— НЕ НАДО, СЕСТРА! — снова прорезается верзила-капрал.

Отчего-то имеющий на Жойс непонятное влияние. Поскольку та моментально сдувается и как-то беспомощно смотрит на Анну.

— Я всё решу. — Жёстко и уверенно чеканит Хаас нам. — Не парьтесь тут без меня, я скоро вернусь. Пойдёмте, — роняет она уже лейтенантше.

Поднятый по нашей просьбе миниатюрный вертолётик Фельзенштейна (мы с Жойс, естественно, тут же позвонили ему и изложили суть вопроса) показал буквально следующее: бравые красные шапки проводили Анну аккурат до ворот и вывели за пределы Корпуса. После чего она осталась снаружи одна.

Комм её, кстати, на наши звонки почему-то не отвечает.

_____

— Слушай, а чего это ты того здоровяка так слушалась? — спрашиваю Жойс, когда суматоха с непрошенными гостями отчасти развеивается. — Он же даже званием тебя младше? И полномочий офицера у него нет?

— Это наши чёрные заморочки. — Неохотно отвечает она. — Типа внутренней виртуальной иерархии. Там всё на уважении строится. Могла, в принципе, и его послать, даже ещё дальше! Но не захотела. Видно же по нему: парняга из глухой деревни, из многодетной семьи, ответственный и основательный. Старается жить по совести, порядочность блюдёт, всё такое… чёрт, ну не знаю, как тебе объяснить! В общем, он простой, как кирпич. Но искренний и откровенный. С ним ругаться — как ребёнка обижать. Понятно, нет?! — запутывается окончательно моя половина.

— Более-менее. Он, видимо, является внутренней психологической проекцией твоих представлений об идеальном старшем брате, — смеюсь, выдавая текст под диктовку Алекса. — Плюс, у вас свои тонкости внутри землячества, видимо. Типа как чморить такого — западло. Тоже не знаю, как понятно сформулировать…

— В этом духе. Только это не землячество, он с другого континента вообще. Это по расам заморочки. Вот как у вас, белых, вы начинаете выяснять, чей город по населению больше. — Хихикает в чашку с кофе Жойс. — И тот, кто из самого большого города, типа как потенциально круче. При прочих равных условиях. Какие у тебя планы на сегодня? — вздыхает она. — Мне на свои склады надо.

— Да было и у меня кое-что… Извини, это не секрет; но тебе правда лучше не знать.

Жойс серьёзно поднимает раскрытые ладони:

— Как скажешь!

— …но теперь даже не уверен: из-за Хаас нервничаю. Всё ли в порядке. А там лучше иметь свежие мозги.

В этот момент раздаётся вызов от Грега Хааса. Переглянувшись с Жойс, садимся рядом и отвечаем ему.

— Привет, — скороговоркой частит он. — Звоню по поручению Анны. Она в нашей машине, едет домой, её комм отрубили на время из-за пертурбаций с Корпусом. Она мне только что с водительского звонила и просила вас успокоить.

— А почему сразу нам не позвонить? — вырывается у меня. — Хотя спасибо!

— Говорит, её комм разряжен, напамять твой айди не помнит, — пожимает плечами отец Анны.

Жойс незаметно толкает меня вбок, указывая на хаасовское зарядное устройство, забытое ею на тумбочке возле кровати.

Невзначай поворачиваю свой комм так, чтоб в кадр камеры ни в коем случае не попали кое-какие оставление Анной впопыхах вещи (докажи потом, что она одна в этой комнате ночует. А мы вообще на балконе спим).

— Вы что-то можете сказать о её исключении? — отвлекает тем временем Грега Жойс. — Пришли коменды, всунули под нос какой-то ордер, который сама Анна назвала недействительным…

— Прямо нарушен договор между нами и Корпусом. — Утвердительно кивает Хаас-старший. — Видимо, какая-то накладка. Буду выяснять. О, вон уже машина сигналит! Рано, пробок нет, они быстро доехали… Ладно, всем привет. Анна дома!

———

Координатор одного федерального проекта задумчиво таращился на экран. Если верить сводке муниципальной полиции, один негласный сотрудник буквально только что стал жертвой очень странного несчастного случая.

Сам координатор очень внимательно относился ко всем такого рода совпадениям, но сейчас логических несоответствий не улавливал.

Ладно. Очень много работы по отчётности периода, к вопросу можно будет вернуться потом.

Выбрасывая из головы не очень приятные новости, усилием воли переключаясь в рабочий режим, он уверенно набил в соответствующей строке: «Выбытие по естественным причинам».

_____

За некоторое время до этого.

После бара Сара попала к подруге, где и просидела до позднего утра. К сожалению, никаких так ожидаемых приключений в баре не случилось. Малолетние самцы, нехотя скользя взглядами по присутствующим, абсолютно не задерживали внимания на трёх ещё приятных (с точки зрения Сары) женщинах лет сорока.

Твари.

Все твари. И муж тварь, чтоб ему… надо придумать, что. И сын — такая же тварь. Как он мог?!.. И эти козлы в баре — тоже твари! И охрана бара твари!

Матерясь вполголоса, мать недавно распавшегося семейства Эдмонс нетвёрдо переставляла ноги по парковой аллее. Внезапно в конце дорожки появилась бегущая галопом собака. Сара, с трудом сфокусировав взгляд на животном, удивилась и замедлила шаг. Откуда здесь животные? Кажется, запрещено же? Или это не в этой части парка?

Пропитанный алкоголем организм слушался плохо. Вместо того, чтоб остановиться, она на заплетающихся ногах потопталась на месте.

Через несколько секунд секунд собака, добежав до неё, абсолютно без звука бросила своё тело вперёд. Сбив женщину с ног, пёс вцепился ей в горло и дёрнул челюсти вбок одним коротким движением. Разрывая кровеносные сосуды и трахею.

Следующим движением собака метнулась к ногам и повторила то же самое уже на бедренных артериях.

Натёкшая из женского тела кровь, как и само тело, были обнаружены только через полтора часа муниципальным дворником.

_____

— Не боишься? — Моше только что на своём комме проиграл мне видео, в котором я с собакой гуляю по одному парку.

— Удаляй запись. — Вздыхаю. — При мне.

— На, сам удали. — Он подвигает свой аппарат ко мне. — Своими руками. Чтоб был уверен.

— Спасибо за помощь. — Киваю через пять секунд. — Один вопрос закрыли.

— Когда моего будем исполнять? — чуть напряжённо спрашивает он. — У меня и по моему всё готово.

— Когда скажешь. Мяч на твоей стороне поля. — Разговаривать почему-то не хочется.

— Нервы не мучают? Или совесть там какая? — он вопросительно поднимает бровь, принимаясь зачем-то курочить на части свой маленький вертолётик.

— Знаешь, справедливости не может быть много или мало. — Я действительно думал над этим вопросом, а сейчас хочется выговориться. — Она либо есть, либо её нет. Эта баба ведь в самом деле приложила руку. Если б не она, ещё не факт что Бен решился бы: я знал ту семью, и…

— МНЕ НЕ РАССКАЗЫВАЙ! — перебивает меня Фельзенштейн. — Сделал и сделал. Я, если что, тем же самым собираюсь развлекаться. К сожалению, в вашей развесёлой стране на справедливость в рамках законодательства у простого человека надежды исчезающе мало. Даже если он гражданин, как ты. Не говоря уже обо мне.

_____

В муниципальном пенитенциарном учреждении, в просторечии называемом Квадратом, с утра был небольшой переполох. Причиной стало совпадение сразу нескольких событий.

Во-первых, на время следствия сюда поместили свежеуволенного из Департамента полицейского. Это было возможно только благодаря очень короткому списку федеральных процедур, но армия — те же федералы. Именно им экс-коп и должен был сказать «спасибо» (ходили ещё невнятные слухи об участии семейства Хаас, но точных в пользу этой версии данных не было. Да и где федералы — а где Хаасы).

Во-вторых, это было равносильно смертному приговору тому самому копу, вопрос лишь во времени и в способе. Как показывает опыт и подсказывает фантазия, времени у обитателей Квадрата было предостаточно. Фантазией бог тоже никогда не обижал, особенно по этому поводу.

В-третьих, буквально ночью среди очень узкого круга посвящённых пронёсся слух о том, что копа отсюда скоро переведут. Есть-де информация на самом верху иерархии и будто бы сам Кол шепнул, кому надо, что уже утром крепкого темнокожего повезут совсем по иному адресу.

Пока непосвящённые обитатели пенитенциарного учреждения

гадали, чем всё окончится, за проштрафившимся копом действительно прибыл федеральный чиновник с собственным сопровождением (которое немногочисленные свидетели сочли конвоем, и ничуть не ошиблись).

Сейчас конвой переминался с ноги на ногу, поскольку в облюбованном ими коридоре мест для сидения не водилось.

Федеральный же чиновник, имеющий на руках документы представителя Департамента Колоний, уже десять минут метался по помещению, в котором обитал начальник охраны.

— Как так?! Как это могло произойти?! — федерал брызгал слюной, заходя на очередной круг между дверью и окном. — Решению о переводе нет и половины суток! Кто мог успеть его ухлопать?!

Вообще-то, говоря формально, данный вопрос лежал вне зоны ответственности начальника охраны. О чём тот не преминул сообщить:

— Не мельтеши. Сядь ровно и скажи спокойно: чего хочешь?

Бояться заслуженному человеку было нечего, а к числу могущих доставит неприятности по службе представитель колониального ведомства не принадлежал.

— У меня один из высших приоритетов! — гость послушался лишь частично.

Усевшись за стол, он продолжал пыхтеть подобно кофейнику на огне.

— Я согласен. У тебя высокий приоритет. — Неконфликтно согласился главный охранник. — С этим никто не спорит. Ты главное не шуми, хорошо?

— Я приехал забрать заключённого… — дальше полились идентификационные данные из обоих реестров, федерального и муниципального.

— Я согласен. Забирай. — Покладисто покивал начальник охраны в очередной раз. — Тело сейчас доставят.

— КАКОЕ ТЕЛО! Ты совсем уже… — федерал не нашёлся, что сказать, и в гневе снова забегал от двери к окну и обратно. — Нахера мне тело?! Мне он живой нужен!

— СТОП. А к чему твои хотения — с одной стороны — к тому, за чем ты приехал? — выдал неожиданный ребус хозяин кабинета. — Я бы предложил оставаться в рамках действующего законодательства.

— Ты что, выпил с утра? Вроде не похоже, — неожиданно озадачился гость. — Что ты несёшь?!

— А вот у тебя записано… айди такой-то… где написано, что живой должен быть? — начальник охраны откровенно развлекался, поскольку с управляющей Компанией у него были свои,

давние и тщательно скрываемые ото всех отношения.

— Ты дурак? — спокойно спросил федерал. — Это автоматически подразумевается!

— Кем? — вопросительно наклонил голову главный охранник. — Мне вот из твоей писульки это совсем неясно. Я тебе больше скажу: в моей зоне ответственности есть только один пункт: заключённые не должны покидать Квадрата. Всё. Прочее — не ко мне.

Федерал выматерился.

— Ты свои претензии, дорогой, по адресу предъявляй. — Продолжал краткий экскурс в детали местный. — За сохранность контингента внутри спроси у Федерального правительства. Не у меня. Это ваша идея была разделить полномочия и нам оставить только внешний периметр. Что там внутри — это вопросы к управляющей Компании. Это они рулят процессами на субподряде. Кстати, насколько я знаю, контингент у них учитывается на манер коров в стаде — по головам. За каждую выбывшую без уважительных причин голову они платят немалый штраф в федеральный бюджет.

Федерал, имея отношение не только к Департаменту Колоний, и сам эту кухню отлично знал. Всей душой признавая справедливость услышанного, возразить он ничего не мог. Ущербность новой системы была налицо, но и сорвать зло ведь на ком-то хотелось.

— Управляющая Компания, если что, выигрывает тендеры вне зависимости от федеральных хотений. — Главный охранник, поймав волну, с тщательно скрываемым удовольствием упражнялся в риторике. Когда ещё найдёшь свежие свободные уши? — Или сделайте так, чтоб Столица забрала исправительные учреждения обратно на баланс. Тогда я лично отвечу за жизнь каждого из контингента. А пока вы их считаете за скот, с ними и происходить будет всё ровно то же, что и со скотом. Кто платит — тот и музыку заказывает. Пока платит Муниципалитет… — в этом месте хозяин кабинета якобы беспомощно развёл руками. — Я вообще отвечаю только за внешний периметр. Что внутри — не моя зона ответственности. — Повторил он. — Тело сейчас доставят. Надо?..

— Да. — Внутренне кипя от злобы, коротко кивнул федерал. — Тело заберу с собой.

Мёртвое тело вряд ли чем-то могло помочь в негласно ведущемся дознании, но иногда команды стоит выполнить буквально. Лучше тело, чем вообще с пустыми руками.

———

Разговор двух неустановленных абонентов.

— Забрали. Часа полтора назад.

— Интересно, зачем… Они его что, специально хоронить повезут куда-то?

— Ой, оно тебе надо, Спринтер? Приехали за живым, как и сообщал. Им вынесли тело. Всё честь по чести. Тебе звоню сказать, что забрали тело. Заказ выполнен, тема закрыта.

— Я без претензий. Просто интересно, зачем им тело.

— Вот это не ко мне. Со своей стороны, открыто говорю: его б так и так никто отсюда не выпустил. Они нам там, на воле, здорово кишки помотали. Сейчас Первую Транспортную так и так двигать, вопрос в цене. С его информацией это будет проще, ты ж и сам обо всём догадался…

— Он не мучился?

— Боже упаси! Всё как договорились. Самая лучшая дурь, лично себе ввёл. Эй, Спринтер!

— Чего?

— Не куксись. Если б не ты, он бы ещё помучился. А так, помер счастливым.

— Да я не из-за него. У меня тут свои странные совпадения…

— Понял. Если что — звони. Удачи.

Глава 16

— Что-то какая-то чехарда нездоровая вокруг назревает. — Делюсь с Алексом накопившимися буквально за пару последних суток ощущениями. — Такое впечатление, что вокруг вовсю идёт игра на повышение ставок. А ты сидишь, смотришь на это всё и правил не понимаешь.

— Точно такие же чувства. — Кивает он. — Насколько я в нынешнем своём состоянии способен их испытывать.

— Судя по твоей фазенде на берегу океана, очень даже способен! Интересно, к чему бы это всё? Чисто теоретически? Не могу сделать итоговый вывод…

— Мы уже договорились, что твой мир мне чужой. — Напоминает он. — И я у вас, как оказалось, ориентируюсь зачастую менее тебя. Хотя, тут могу и предположить. Основной сыр-бор из-за той лаборатории на этой вашей Мвензи. Насколько понимаю недоразвитые социумы типа вашего, такой куш — вполне себе мотивация для вашей элиты. Чтоб похоронить не то что пару человек, а вообще пару поколений.

— Мне не до конца понятно, что в этом генном редактировании такого. — Я сижу на балконе, в аналоге кресла, и смотрю в горизонт. — Да, я видел, что почти все вокруг возбудились тогда. Но практическая ценность эксперимента и чехарда вокруг него мне не понятны. Если это неизбежный этап развития цивилизации, как колесо, зачем так нервничать?

— Ты ещё слишком молод и растёшь. У ещё растущего организма особенности восприятия таковы, что инстинкт самосохранения работает чуть по иным законам. Мог бы засыпать тебя биохимией и нейро-физиологией, но лень. — Отзывается Алекс, изображая качающееся в гамаке тело. — Могу дать только свою субъективную оценку, если интересно. — Голова из гамака в виртуальном пространстве свешивается на сторону и вопросительно смотрит на меня.

— Если несложно. Буду благодарен.

— Насколько я понял ваше развесёлое общество: для вашей политической элиты, в случае конфликта интересов, вопрос они или остальные даже не стоит.

— Пф-ф-ф, открыл Новый Свет. Я тебе больше скажу! Если будет стоять вопрос их комфорта — против нашего выживания — всё равно этот вопрос стоять не будет! Не начинай издалека, — прошу. — Это даже мне очевидно.

— Это оно только тебе и очевидно, — не соглашается Алекс. — А лично мне оно совсем не очевидно. Потому что у нас

чуть иные императивы. Процентов на семьсот. В общем, ваши толстопузики вполне могут устроить дерби на тему «кто первым придёт к финишу?». Если та лаборатория рапортовала, что хоть сколько-то приблизилась к результату, я никому из участников проекта не завидую. Как и всем косвенно с ними связанным. Не хотел нагнетать жути раньше времени.

— Мне почему-то тоже кажется, что Конституция и система сдержек и противовесов тут не сработает. — Признаюсь нехотя и я. — Будет какая-нибудь трёхходовка. Раз — резко засекретили и сам проект, и результаты. Что уже, кажется, случилось… Два — сбрили всех несогласных либо уже отработавших свою функцию. Три — пошли тиражировать эту редактуру гена в узком кругу непростых людей. Старательно сохраняя монополию, поскольку политическое значение такого инструмента нельзя недооценивать.

— Старательно размахивая мечом в положении «царя горы». — Подхватывает сосед. — Точно-точно. С ваших станется…

— Что есть царь горы?

— А-а-а, ты ж и снега-то не видел особо… Когда зимой наметает сугробы по пояс или выше, из снега очень часто делают горку. — Охотно поясняет Алекс. — Или сгребают его в одно место, или ещё как. Есть детская игра: добежать до вершины горки первым и не дать никому на неё подняться следом за тобой. Обычно играют дети лет до десяти-одиннадцати. Так сказать, два в одном: и с горы накатаются, и типа спортивной разминки. Удары обычно запрещены, только толчки и борьба.

— Ничего себе у вас тренинги. — Присвистываю после паузы. — Да у тебя там жизнь похлеще, чем тут. Это если вы такие схемы в подсознание детям забиваете с детства, то чем у вас там лучше?

Я давно подозревал, что с его миром не всё так просто. Но проговорился он впервые.

Проекция Алекса с ругательствами вываливается из гамака и мгновенно вырастает передо мной в полный рост и вплотную:

— Это просто игра! На ловкость и координацию! Никаких скрытых смыслов в ней нет!

— Угу, угу. — Киваю в ответ, не собираясь долго спорить. — Ты поэтому из гамака вывалился и сюда прибежал.

Лично мне диагноз ясен и так. Ещё до Квадрата я бы мог пропустить такой маркер мимо, даже не оценив в полной мере его глубину. Но не сейчас.

Сейчас я очень хорошо понимаю, какие качества воспитывают в ребёнке, если его с детства учат получать удовольствие от вида кувыркающихся на диком морозе вниз с вершины других детей.

Так, чтоб стоять на этой вершине одному.

— Да ты мне не веришь! — ошарашенно изрекает Алекс. — Ты правда думаешь, что…

— Уже молчу на ту тему, это с какой территории надо снег собирать. — Добавляю ещё один очевидный для меня аргумент. — Чтоб такую гору сваять, как ты говоришь. Его ж утрамбовывать надо, нет? Я видел снег, у нас он иногда бывает. Он мягкий и рыхлый, его как ни складывай, провалишься. Представляю, сколько его надо свезти в одно место для такого тренинга. И всё это — исключительно чтоб развлечь крошек, ага.

— Вот ты дебил. — Продолжает достаточно убедительно изображать рассеянного сосед. — Ты правда считаешь, что у нас за этим есть какой-то второй, скрытый, смысл?! Да у нас снега просто больше зимой, чем у вас! И спрессовывать его не надо! После пары солнечных дней он сам настом берётся! Либо холмик какой укрывает! Можно ещё водой залить, тогда ледяная горка будет!

— Угу. Да-да. Конечно. — Демонстративно передёргиваю плечами, не вступая в спор. — Такой классный мир, что вы из морозного климата никуда в тропики перебраться не имеете возможности. Может, не дают???

И так всё ясно.

— Да иди ты! — отчего-то обижается на ровном месте сосед.

— Слушай, не кипятись. — Успокаиваю его, как могу. — Один хрен, я в твоём мире не был, не буду и даже никогда не увижу его, ни в каком приближении. У меня мой мир есть вон. Тебе не всё ли равно, кто и что о том мире подумает?

Его проекция молча возвращается в свой гамак и ничего мне не отвечает.

— О-о-о, а ведь этот разговор означает, что мы с тобой перестали быть чужими друг другу! — Доходит до меня с опозданием. — Давай мыслить позитивно?! — предлагаю. — От ремарки постороннего ты б так не завёлся! — моё настроение резко улучшается из-за осознания собственной проницательности. — Давай сменим тему? Ну не дуйся!

К сожалению, физика тут не работает и подойти вытряхнуть его из гамака я не могу.

— Интересно, какое отношение мой отец имел к этому проекту Мвензи и до чего та лаборатория докопалась. — Озвучиваю самый интересный для меня вопрос вопрос. — Чтоб понять, чего дальше ждать! — поясняю в ответ на вопросительный взгляд Алекса, снова свесившегося из гамака. — Есть мнение, это Жойс говорит, что у крестьян тем больше проблем от набегов, чем ближе сбор урожая. Понять бы, сколько там до урожая оставалось.

И где те, кто это всё растили…

— Никакой разницы нет. — Отзывается сосед уже относительно спокойно, хотя на меня ещё не смотрит. — Боюсь, что ты думаешь не в ту сторону. Смешиваешь несравнимое.

— Почему? Поясни?

— А у вас сама социальная среда не позволит оценить полученный той лабораторией результат в полной мере, — легкомысленно отмахивается он. — У вас никто никому не верит и каждый подозревает друг друга. У вас, вне зависимости от точки остановки проекта, будет рубка «все против всех». Потому что каждый будет думать, что другой его обманывает; в лучшем случае — недоговаривает. Судя по вашему государственному устройству, в том проекте сто процентов участвует не одно и не два ваших федеральных ведомства. Каждое — со своим перечнем интересов, в который другие ведомства не включены. В паучатнике хорошо научные анализы делать?

— Блин. А представь, если мой отец до чего-то докопался? — начинаю мечтать вслух, глядя на горизонт. — И что-то такое во мне изменил. Ну, так, чтоб я был вечным. Не состарился. И мать меня потому от всего мира скрывала, чтоб…

Прекращаю монолог из-за крайне неуважительного гогота, доносящегося из гамака соседа.

— Вот ты скотина, — тщетно пытаюсь укорить его напоследок, поскольку тупой смех не стихает.

— Поговорка есть, — сообщает он, отсмеявшись. — Дурачок богатеет исключительно количеством несбывшихся мечтаний!

— Да ну тебя, — отворачиваюсь от него и усилием воли смахиваю виртуальное пространство в сторону, продолжая глядеть вдаль. — Вечно ты всё испохабишь…

Несмотря на отсутствие визуализации, его конское ржание сотрясает мой преддверно-улитковый нерв, отвечающий за слух, ещё какое-то время.

— Не волнуйся, — опять раздаётся в моём ухе его голос. — Ты нормальный. Никто тебя не калечил. Нет у тебя даже малейшего намёка на эту редактуру.

— Ты что-то знаешь?! — меня вдруг пронзает странная догадка. — Тебе что-то известно о редактировании гена старения?!

— Да что там такого, — ворчит он. — Там и редактируется то всего лишь один очень небольшой участок…

— Ты знаешь, какой?

— Ну да. — Недоумевает он.

— Можешь показать? — кажется, моё сердце сейчас выпрыгнет из груди

Перед глазами мелькают лишь каскады эмоциональных маркеров, мышление спутано. Неужели…?

— Верни виртуалку. — Простенько отвечает сосед и демонстрирует схему через секунду. — Вот. Вот эти цепочки, — он подсвечивает цветом нужный участок, — банально изымаются. Получается вот так. — Новая картинка загорается рядом со старой. — Либо можно их чуть переписать, тогда будет вот так. Эй, да не загружай ты эту срань в свой чип! — буквально подпрыгивает он. — Оно всё равно бесполезно! Мы же это проходили у себя…

— Почему бесполезно? — сумма чувств, одолевающих меня сейчас, такова, что слова кажутся гирями весом под центнер.

— А ген старения неразрывно связан вот с таким процессом… — он кое-что дорисовывает. — В общем, в итоге, теряются способности к размножению, некоторым видам мышления и по мелочи… — он пару минут перечисляет побочки. — К сожалению, человек сконструирован так, что именно это изменение даже на нашем уровне является невозможным. Ну или будешь жить деревом.

— Зашита защита от изменений? — доходит до меня. — На аппаратном уровне?

— Угу. Причём конструктор поработал так, что доступным нам инструментарием оно не проходится. — Веско завершает свои построения Алекс. — Но ты не парься. Многие цивилизации этот этап проходят, я тебе точно говорю. Соблазн жить вечно — он такой. Всех манит.

— И ничего нельзя сделать?

— С накапливающимися ошибками обмена веществ? Нет. — Чётко отрезает он. — Коэффициент полезного действия в вашем мире бывает равен единице? Или может превышать её, пусть теоретически? Ста процентам равен бывает?! — поправляется Алекс на ходу, поскольку я его не сразу понимаю.

— Нет. Невозможно даже на уровне теории. Хотя первое, что мне пришло в голову, это искра. — Рассуждаю вслух, поскольку так неохота выпускать из рук столь заманчивую возможность. — У вас её нет, у нас она есть. Может, и это редактирование из той же природы?

— Не-а. — Весело качает головой сосед. — Насколько я разобрался на твоём примере, механизмы передачи наследственной информации у нас идентичны. Правда, я ещё никого из одарённых не колупал! — вдруг озадаченно спохватывается он. — Да нет… Ну не может же быть!..

Его проекция садится в гамаке, свешивает ноги вниз и начинает активно болтать ими в воздухе.

— Что тебе нужно, чтоб проанализировать и одарённого на этот же предмет? — аккуратно подбрасываю самый интересный для меня вопрос.

— Ничего. Капля крови есть в памяти, когда мы костью в глаз Энзи ткнули. — Озадаченно и отстранённо отмахивается от меня Алекс.

А я понимаю, что он вовсю занят какими-то непонятными на моём уровне вычислениями.

_____

Командированный в этот муниципалитет федеральный сотрудник преспокойно лежал на крыше и наблюдал за объектом.

Такой техники, которой пользовался он, в обозримых радиусах не водилось (точнее, не должно было водиться). Этих модулей была выпущена весьма небольшая (скорее, вообще опытная) серия. И к дальнейшему тиражированию она не планировалась.

Задача осложнялась тем, что объект находился на территории другого федерального объекта (такая вот тавтология) и, по косвенным признакам, тоже являлся федералом. Так-то, в жизни бывает всякое. Но армия — вещь в себе, и её лучше лишний раз не трогать.

Если бы не чёткая команда.

Пока предстояло лишь составить карту регулярных маршрутов объекта. На первый взгляд, безобидная задача.

Лежавший на крыше был не особо молод и понимал: регулярные маршруты скрупулёзно учитываются только в одном случае. Когда движущегося по ним надо перехватывать. В удобном месте, гарантирующем результат.

Если учесть, что пацан слонялся по местному Корпусу не без дела, а вовсе даже числился соискателем, то выглядело задание тухло. По личной статистике, установленные регулярные маршруты семь раз из десяти завершаются весьма однообразно.

Не то чтоб он был пацифистом или чрезмерно страдал от избытка совести, нет. Просто предчувствие — не та вещь, которую надо игнорировать при его работе. С армией ранее схлёстываться попросту не приходилось.

Он не идеализировал и не демонизировал армейцев. С другой стороны, он не имел и практического опыта работы по ним. А когда тебе выставляют в роли цели достаточно бывалого бойца, не остающегося надолго даже на фоне стены, являющейся контрастным фоном для его одежды, поневоле думается о плохом.

Слава богу, пацан на многоопытного бойца не походил.

Вообще, если б не кое-какие мелочи, лежавший на крыше

даже не чесался бы из-за нет-нет, да и мелькавших сомнений.

Во-первых, даже его доступа не хватало, чтоб за армейскими классификаторами подробно ознакомиться, чем же пацан здесь занимается. Было ясно, что он ведёт какие-то темы на одной из кафедр в роли соискателя, но на этом всё. Детали тем из армии пока никуда не выходили. А обращаться напрямую с вопросами о том, кого вскоре могут исполнить, это всё равно что добровольно оформить собственное признание.

Кстати, какой-то интересный у парня куратор: соблюдает всё от и до, ни грамма информации не отпуская. Или у них там вся кафедра такая? В принципе, бывают повёрнутые на правилах коллективы.

Во-вторых, вокруг пацана вот прямо с утра мелькнула какая-то странная девица. Сама выше него ростом, явно старше возрастом, ещё и колониальный сержант. Она в перечне работ не значилась, но доставить неприятностей при определённом стечении обстоятельств наверняка была способна. Достаточно посмотреть, как она топает по самому обычному парку на территории Корпуса. Не говоря о том, что эта самая сержант была чёрной. Значит, это явно какое-то своё землячество или аналогичное образование на территории местного гарнизона (эх, почему-то белые аналогичным образом друг друга не поддерживают).

Третьей крайне неприятной мелочью было то, что задачу лежащему на крыше ставили впопыхах, явно скрывая большую половину массива информации. По общему контексту было ясно: какая-то из трёх весьма определённых служб потерпела тут фиаско. Судя по угадываемым деталям, служба могла быть не одна. И прокол тоже мог быть не единичным.

В таких условиях, сама задача выглядела походом с ножом в курятник — прогнать хорька. Тогда как точное наименование резвящегося среди кур зверя тебе неизвестно; а что, если там кто-то побольше?

С другой стороны, буксовать есть смысл начинать тогда, когда будет приказ на исполнение. Говоря цинично, текущее задание — это лишь регулярные маршруты. Вдруг да и пронесёт нечистая, тьфу три раза от греха подальше…

Лежавший на крыше сотрудник упорно гнал от себя ту мысль, что ужасно смердит всё дело. Именно отсутствием любой конкретной информации по объекту и по его окружению, на лично его уровне.

Успокаивать себя периодически удавалось лишь тем, что пока речь лишь о регулярных маршрутах, будь они неладны. Хотя, некоторые последние вводные ему всё больше не нравились.

На худой конец, и против чрезмерно оборотистых «коллег» по Федерации есть свои нехитрые инструменты. Вон, часть из них уже даже успешно задействовали.

———

— Привет! — Перед моим носом неожиданно вырастает голограмма Жойс.

Мы настроили наши с ней коммы так, что любой вызов с её ВАРВАРА автоматически активирует мой аппарат, что бы я ни делал. К сожалению, в обратную сторону схема не работает, так как мой казённый комм на такое обилие вспомогательных функций не рассчитан.

— Имею ровно две свободные минуты, решила с тобой созвониться. Меня сегодня ночевать не жди. — Скороговоркой выдаёт она. — А ты что, занимаешься? К чему готовишься?

Вид моя половина имеет донельзя замотанный. Одета в какую-то сменную одежду, явно предназначенную для тяжёлых либо грязных работ.

— Физика, математика. Особо не опасаюсь, но смотрю варианты разрешённого на тесте математического аппарата… А что у тебя там происходит? Помочь чем-то могу? — кажется, несмотря на относительно небольшой возраст, я уже хорошо усвоил, что надо говорить в таких ситуациях (на самом деле, в своё время подсказала Камила. Приём работает безупречно).

— Можешь помочь, — через силу улыбается Жойс. — Завтра надо пробежаться ногами.

— Сколько точек? — Её мысль ухватываю с полпинка, поскольку этот проект у нас совместный.

— Сколько успеешь. Хорошо бы хотя б десятка три. Надо понять, как эта стандартизация влияет на отток с полки. — Она набирает побольше воздуха, но тут её зовут откуда-то сбоку и она скомкано целует воздух перед собой, косясь назад. — Ладно! Отпишусь, как смогу! Нам тут ещё суток двое грести… На ровном месте, б##дь…

Суть её вопроса, переходящего в задание, мне понятна. Во-первых, она всерьёз подумывает об уходе из армии. Вроде как в отношении её личности, по её же словам, армия все свои воспитательные и полезные функции более чем выполнила. Пора и жить начинать.

Во-вторых, с подачи Алекса, мы адаптируем одну старую идею под новый товар — те самые наши премиальные колониальные сигары. Гипотеза Алекса была: стандартизация всех пунктов продаж по одному шаблону повышает наши продажи на десятки процентов. А всего-то и надо, что четыре момента сделать одинаковыми (Жойс говорит — как в армии): единая цена

во всех точках, единое торговое оборудование с подсветкой, строгие неснижаемые остатки товара на полке и унитарное расположение всех категорий товара.

Алекс брякнул, что в его мире это как азбука. Когда я пересказал суть Жойс, она вообще выпала из коммуникации на какое-то время (из-за раскрытого до пола рта), а потом потребовала всё немедленно нарисовать.

Ну мы с Алексом и нарисовали: он — в виртуальном пространстве, а я — перенеся через комм это всё в голографический редактор.

Увидев проект в цифрах и глазами, Жойс воспылала энтузиазмом и заявила, что это надо пробовать срочно.

Судя по тому, что её пригрузили на армейских складах чем-то основательно, измерять первые результаты завтра мне придётся в одиночку (и не дронами Моше, а лично).

_____

Примечание.

В мире ГГ, идея стандартизированной торговой сети в рознице ни по одной товарной категории не была оформлена в том виде, как она известна нам. Издержки специфики мышления. Соответственно, четвёртый элемент такой сети — стандарты мерчендайзинга — тоже отсутствует, как явление в природе.

_____

Я уже заканчиваю повторение всего активного на тесте математического аппарата (благо, он достаточно несложен — по нашим с Алексом меркам), когда ко мне без стука вваливается Фельзенштейн.

Ну, то есть он пару часов тому предупредил сообщением, чтоб я двери держал открытыми. А теперь вот возник воочию.

— Погнали смотреть, что-то интересное покажу. — Заявляет он с порога. — Там, кажется, в тебя кто-то целится.

_____

Моше уже много лет имел отработанную до автоматизма привычку: контролировать все потенциально узловые места лично, с двойной подстраховкой. Он не понаслышке знал: сухих и дотошных педантов гибнет на порядок меньше, чем восторженных и увлечённых романтиков.

Поначалу стопроцентный контроль всех высот и подступов к ним был залогом выживания. Затем, уже в городской обстановке, к этому добавились совершенствуемые лично им алгоритмы определения направлений потенциальных угроз.

Летая в регулярном режиме, он сегодня обнаружил кое-что, что ему очень не понравилось.

Заварив себе большую кружку крепкого кофе, он поудобнее

устроился на своём козырном командирском месте в ангаре и пару часов только и делал, что проверял свою догадку.

А потом банально встал и потопал за товарищем: отчего-то захотелось пройтись. Да и местным сетям он не особо доверял, если честно.

Глава 17 (неточно. Через три часа перечитаю)

— Навскидку, словно похож на какого-то вуайериста. Извини, если вдруг обидел оценкой. — Фыркаю, тщетно пытаясь сдержаться.

В ангаре Моше, на здоровенном экране, какой-то мутный дядька при помощи сложных и непонятных мне инструментов занят отслеживанием происходящего в моей комнате. Картинка дана в записи, сделанной, судя по часам на экране, совсем недавно.

— У тебя что, правда вообще никаких вопросов не возникает? — с едва уловимым оттенком иронии поднимает в ответ бровь израильтянин. — Или это ты мне сейчас чего-то вслух лишний раз говорить не хочешь?

— И того, и другого понемногу. — Уважительно киваю в адрес его проницательности. — Во-первых, не хочу тебя впутывать. Потому что, во-вторых, предполагаю, кто это может быть. Вернее, откуда. И, в-третьих, криминала в его действиях пока ноль. Если только не считать криминалом вторжение в мой личный приват, но оно максимум на штраф тянет. К тому же, пока мы на территории военной части, тут работают свои правила. Понятием психологического дискомфорта из-за вторжения в личную жизнь, боюсь, наши юристы не оперируют. — От последней мыслим мне уже на самом деле становится смешно, достаточно вспомнить кое-кого из армейского юридического племени.

— Этот аппарат в его руках — местами вчерашний день. — Без разбега, Фельзенштейн включает свой экран в режим лектория и, визуально поделив его на сегменты, начинает размещать в каждом квадратике свой объект. — Но с четверть миллиона в лучшие годы он стоил. Вот гляди…

— СТОП. Как ты сказал? Вот эта белиберда — и стоит четверть миллиона?! Тебе удалось произвести впечатление, — мой сон как рукой снимает и я ожесточённо растираю себе щёки. — Оно что, из золота?

— Нет. Просто кое-что из начинки делается штучно, частью в космосе из-за невесомости; и программное обеспечение пишет только наше государство. — Буднично сообщает он. — Собственник производства трети аппаратной части, особенно по космической тематике, тоже мы. А монополист диктует цену. А покупатели у нас и так в очереди стоят.

— Как насчёт конкуренции? — В голову приходят азы экономической теории (частично почерпнутой в Корпусе, а частично — с Жойс в торговой сети). — Если оно так прибыльно, почему другие не делают?

— Ай, погоди. — Теперь спохватывается Моше. — Это оно нашими четверть миллиона стоило! Пардон! На ваши, стало быть, чуть больше восьмидесяти.

— Да тоже прилично, за один-то чемодан, — прикидываю по второму кругу. — Но это оборудование что, никто другой не может делать кроме вас? За такие-то деньжищи? И что в этом чемодане такого особенного?

— Почему не может? Может. — Слишком легко соглашается Фельзенштейн. — Любой, кто имеет свою космическую программу и делает минимум два орбитальных пуска в квартал, легко повторит. Вырастит то же самое на орбите, как мы. Предварительно создав орбитальную инфраструктуру. И сразу повторит! Лет через несколько…

— Слушай, а вот тут я не понял. — Сознаюсь в своём полном неведении. — Я как-то космосом не особо увлекался до сего момента… В чём подвох?

— С прошлой пятилетки все основные стартовые столы планеты — наши. Кроме нас оно оказалось никому не нужно, мы всё скупили и переоборудовали.

— Ничего себе пассаж! — попутно поражаюсь неожиданным перипетиям бытия. — А в новостях как-то даже не слыхал!

— Деньги любят тишину, раз. Всему миру стрёмно признать, что космос теперь наш, и только наш, два. Ибо они его банально вложили нам за бабки, три. Вот тема и не муссируется. Ну а нам лишняя реклама ни к чему: те, кто имеет экономический интерес в космосе, мимо нас не пройдут. Но мы отклоняемся от темы, — улыбается он каким-то своим мыслям. — Вот эту загогулину видишь?

— Да.

— Это прибор, который преобразует сумму сигналов от живого биологического объекта в электромагнитный импульс. Вот это — уже перекодировщик, говоря твоим языком. Он конвертирует первичный импульс в изображение… — представитель инженерной мысли Израиля ещё минут пять объясняет мне, как работает в руках престарелого вуайериста, сидящего на первой дальней крыше вспомогательных зданий полигона, один дивный чемодан.

Который в разобранном виде, оказывается, является комплектом из добрых полутора десятков аппаратов различного назначения.

— Получается, он за мной даже через стены мог наблюдать?! — пропустив через себя услышанное, делаю вывод. — Ну или за кем он там наблюдал, пялясь на наше здание?

— *Оригинально! Могу многое сказать, но если коротко — очень оригинальное решение!* — Алекс бросил на время и море, и шезлонг; и его проекция тщательно внимала всем словам Моше.

— За тобой, за тобой он наблюдал, — «успокаивает» меня Фельзенштейн. — Я с противоположной стороны, со спины, зашёл разок. Картинку с его монитора качнул. На, погляди.

В ускоренной перемотке становится видно, что этот тип несколько часов только и делал, что настраивался и следил исключительно за моим помещением.

— Бл… — В сердцах, хлопаю себя по коленям. — До последнего надеялся, что это какое-то совпадение или накладка. И правда, по мою душу. Вот же… как невовремя-то…

— Теперь слушай. — Как-то необыкновенно серьёзно продолжает он. — Я сказал, что именно эта версия комплекса вчерашний день только потому, что у нас есть новая. Но для вас и это — лучшее из доступного. Этот тип явно размечает график твоих перемещений, видно же. Теперь ты мне скажи: зачем он это делает?

— Да не хочу я тебя впутывать! — делаю ещё одну попытку для его же пользы соблюсти дистанцию между ним и своими догадками.

— А ты не мне, ты себе это скажи. И давай с другой стороны зайдём. Ты понимаешь, какой, с наибольшей вероятностью, будет следующий шаг той стороны? — проникновенно смотрит на меня Моше. — Вслед за этим? Кем бы эта сторона ни была? Не то чтоб я прямо лез в твои дела, но и у нас с тобой есть некоторые общие планы. И если ты откровенно плюёшь на то, что тебя не менее откровенно выводят, как мишень, то я хотел бы об этом знать заранее. Исключительно для того, чтоб иметь возможность внести коррективы в свою жизнь. И понимать, как буду работать без тебя по своим вопросам.

— Ну да, кое-кто пугал, что мне типа не жить. — Приоткрываю ему часть своих предположений. — Была пара разговоров при аресте кое-кого. Но что-то как-то не верится, что вот оно прямо сейчас наступило…

— Не верится из-за заниженной самооценки. А это, — он тычет пальцем себе за спину, — какая-то очень крутая государственная контора. — Потому что частным лицам мы такое не продаём. И график твоих перемещений он рисует никак не за тем, чтоб с букетом тебя подстеречь и неожиданно обрадовать. Ты

мне должен помочь, помнишь?..

Уныло киваю в ответ.

— Отсюда вопрос: что мы вместе с этим будем делать? — Фельзенштейн пронзительно и назидательно смотрит на меня. — Позиция страуса сейчас может быть крайне неконструктивной.

— По-хорошему, надо сообщить куратору. — Образ Бака всплывает сам собой. — Он, кстати, предупреждал, что такие вот нездоровые интересы возможны… Есть, впрочем, и ещё варианты. — Далее перечисляю возможности купирования излишнего внимания неустановленной стороны в мой адрес.

Пока я болтаю языком, разрозненные фрагменты в голове сами собой складываются в мозаику. К сожалению, в положении страуса тут и правда не отсидишься.

Как и куратору не делегируешь решение. В первую очередь оттого, что у него есть семья и дети. А как работает государственный аппарат, я не понаслышке знаю на примере родного муниципалитета.

— Ладно. — Хлопаю себя по коленям, завершая бесплодный перебор виртуальных возможностей. — Ты ж не просто так это всё мне рассказал? Поможешь?

— А ты уверен, что сам справишься? — Моше внимательно таращится на меня, как будто пытается что-то разглядеть внутри моего черепа.

— Мужик явно за сорок лет. Мышечный тонус так себе, явно не спортсмен и даже не бывший бей-беги. Искры никакой нет, а даже если бы и была… Воевать с ним не собираюсь: мне б только подобраться поближе. — Хлопаю себя по чехлу унтарного инъектора. — Мне ему вообще только вопросы и надо задать. Наедине, так, чтоб никто не помешал. Ничего не упустил? А-а, ещё у него чертовски хорошая техника, как ты говоришь. Обязательно расспрошу после того, как решу прочие вопросы.

— Давай сброшу тебя тут? — Фельзенштейн уже принял какое-то решение и упирает палец в террасу уровнем ниже, чем крыша с мужиком. — Ты ж акробат? Заберёшься на раз-два. Зато подлёт в мёртвой зоне, и я своё участие не демаскирую. Мало ли, кто ещё за этими вашими крышами может наблюдать…

— Если б наблюдали, он бы по ним не гулял, как дома. — Возражаю. — Идея хорошая. Знать бы, как там плиты крепятся. — Тру подбородок. — Если болтаются, или люфт, или крепёж расшатался — как бы ни шумнуть раньше времени.

— А я всё проверил. — Уверенно говорит Моше, полностью меняя содержимое окошек импровизированного лектория. — Давай ещё раз пройдёмся по каждой плите. Вот запись. — Он увеличивает изображение так, что становится виден каждый

элемент крепежа. — Вот параметры креплений. — На экране рядом с изображениями покрытия внезапно загорается простыня текста не непонятном языке. — Это по-нашему. Если в общем, анализ износа. На этом отрезке крыши всё новое. — Израильтянин отчёркивает на экране сегмент площади, в реальности занимающий участок два на два метра.

— Что за техника? Как это возможно? — не в последнюю очередь под влиянием Алекса, опять удивляюсь увиденному.

Сосед по внутренней связи пищит, что в руках Моше чуть не технический артефакт непонятной ценности. Для нашей страны — так точно.

— Наши анализаторы отличаются от ваших, — с ноткой удовлетворения в голосе, после некоторой паузы, поясняет он. — У нас аппаратная часть вся на космосе, а не на суррогате. Но давай об этом не сейчас?

_____

Лежавший на крыше корпуса федеральный сотрудник с неудовольствием констатировал неурочное убытие объекта куда-то по территории. Сопровождал объект какой-то здоровяк, ещё и неместный.

К сожалению, «ходить в полный рост» именно ему сейчас было строго запрещено: никто на территории этой части не должен был знать о его присутствии.

Какие-то допуски к фрагментам местной сети у него, конечно, были; но совсем не в том объёме, который требовался для комфортной работы. Вояки, как на зло, старательно защищали свои сети и массивы информации. А он был крайне ограничен в допуске к их делам, ввиду особенностей полученного приказа.

Ему ничего не было известно ни о новых исследующихся темах с использованием беспилотной авиации на территории этого учреждения, ни о находящемся в одном из ангаров парке.

Когда малошумный макси-дрон, старательно маскируясь в естественных массивах растительности, сбросил на соседней крыше-террасе своего нетяжёлого пассажира, федерал этого даже не услышал. Увы, любовь к комфорту сыграла с ним плохую шутку: в его наушниках сейчас достаточно громко играла музыка, скрашивая рутинное ожидание. Да, это было нарушением; но откуда, скажите, здесь взяться кому-то ещё?

Все наземные подходы просматриваются полностью, а по небу люди пока не летают. Жужжит, правда, вдалеке периодически какая-то техника; но её, наверное, можно не считать: в штатном расписании Корпуса, как и в имеющейся на складах государственной технике, ничего серьёзного не значится.

Сотрудник знал по опыту: ориентироваться надо прежде всего

на наличие задокументированной техники на складах, да на штатное расписание. Большинства сюрпризов всегда можно избежать, если работать с унылыми категориями учёта и бухгалтерии.

Наличие на территории Корпуса действующего соискателя из израильской армии в складских документах, по понятным причинам, не отражалось. Как и эксплуатировавшаяся тем техника, стоящая на балансе совсем другого государства.

_____

Прикинув объём совместных задач, Моше с неделю тому собрал из какого-то хлама и палок ещё пару аппаратов, нахально пользуясь отсутствием допуска кого угодно в свой ангар.

Получившаяся у него техника вполне несла на внешней подвеске до сотни килограмм (а больше и не надо), плюс шумела на порядок ниже.

Он тогда ещё пояснил, что у него с собой три контейнера унитарных элементов. Из которых, как в детском конструкторе, собираются весьма примечательные конфигурации. А вся необходимая для сборки снаряга, включая подъёмники и тельферы с манипуляторами, в ангаре Корпуса есть.

Спрыгнув на мини-террасу, я какое-то время прислушиваюсь. С учётом возможностей чипа, дыхание мужика надо мной слышится даже сюда. Он, кстати, врубил в наушниках какую-то громкую мелодию. Подозреваю, если крыша под ним не завибрирует, он и не почувствует меня, даже если я подойду к нему вплотную.

Аккуратно перебросив своё тело уже с террасы на крышу, выбрасываю из головы посторонние мысли и очень медленно подхожу к нему. В принципе, простой неожиданный порыв воздуха может многое сказать бывалому человеку (это Жойс как-то поясняла), потому лучше перестраховаться.

Исходя из уже случившегося, я не питаю иллюзий, зачем он тут. Хотя перечень вариантов и широк, но теория учит, что готовиться надо в приоритете к самому худшему сценарию. Да и тому же Баку, приди я к нему с полным раскладом, будет легче быстро и точно нажать на нужные клавиши, ограждая возможностями министерства обороны одного из своих соискателей.

Без затей, всаживаю типу в спину ампулу из инъектора: дёшево и сердито, а в себя он придёт достаточно быстро (я озаботился антидотом, надо только его уколоть).

А дальше события несутся вскачь. Спасибо чипу и Алексу, интерпретировать изменения в обстановке у меня получается чуть ли не быстрее, чем они наступают.

И я остаюсь в живых.

Вначале система дивного чемодана как-то болезненно реагирует на изменения пульса и давления этого мужика. Сам он заваливается носом на виртуальную клавиатуру после моей инъекции и отрубается.

Его техника следом начинает на Всеобщем срочно требовать какое-то подтверждение и включает обратный отсчёт.

На таймере загорается запас в две минуты, потому мы с Алексом даже не дёргаемся поначалу:

— Давай хоть попробуем разобраться, как его отрубить! — С азартом предлагает сосед. — За две минуты можно кабана в поле на одной ноге загонять!

Я с ним где-то согласен, потому пробуем для начала успокоить спятившую технику.

К сожалению, она оказывается завязанной на биометрию последнего пользователя и без какого-то навороченного пароля подчиняться мне отказывается.

— Десять в энной степени вариантов. — Огорошено констатирует Алекс. — Перебрать не успеем. Бли-ин, должна быть какая-то простая отключалка! В армии всегда так!

Его нездоровый азарт заражает и меня, потому следующие тридцать секунд мы, задействовав все возможные ресурсы адепта ханьской искры, перебираем варианты.

Именно активированная ханьская искра нас и спасает.

Потому что две минуты оказываются обманкой. На этапе пятидесяти семи секунд первой минуты, Алекс вдруг истошно вопит!

— С КРЫШИ!!!

В нашем внутреннем пространстве, при диалоге, три секунды равны паре минут обычного общения.

А почти трёх оставшихся секунд мне почти хватает на то, чтоб скатиться с этой долбаной крыши обратно на террасу и переждать там вспышку достаточно мощного взрыва, который, кроме прочего, чем-то что-то повреждает в дроне Моше. Который тот подвесил невдалеке после того, как я использовал инъектор (видимо, чтобы лично понаблюдать за происходящим).

Почти трёх секунд мне почти хватает. Не хватает лишь считанного метра до края крыши.

На землю с высоты третьего этажа летим вместе — я и летательный аппарат, из-под которого начинаю выбираться почти сразу. Ещё раз спасибо ханьской искре, закалке организма, а также мастеру Донгу, подвигшему на занудные и монотонные упражнения.

Армейский комм, в отличие от израильского летательного

аппарата, оказывается более прочным на излом, либо его миновали осколки разлетавшейся техники. Он звонит буквально в тот же момент, чтоб явить голограмму взъерошенного Моше:

— Жив?! Двигаться можешь?!

— Да…

— Бери мою технику в охапку и мотай оттуда срочно! Я второй аппарат минуты три поднимать буду! Чёрт бы его побрал…

— Он же неудобный! — отмечаю вслух на ходу, уже исполняя сказанное и не разрывая связи. — А чего он рухнул-то?!

— Это ж лёгкая модель. Рама от чемодана в морду прилетела. Нарочно не придумаешь. — Злобно ворчит Моше. — Кому рассказать…

Глава 18

— С#ка. И как его теперь обыскивать? — Сокрушённо опускает уголки губ Фельзенштейн, который в данный момент занимается кое-чем иным.

Несмотря на более чем внушительные габариты, сюда он прибежал чуть ли не быстрее, чем на его месте смогла бы Жойс. На мой вопрос, откуда у такого тела такие ресурсы в беге, он только молча отмахнулся.

Вместе с ним по воздуху прибыли и три летающих аппарата, один большой и пара поменьше.

В большой, на внешнюю подвеску, мы прямо под террасой забросали в предусмотрительно подготовленную сетку останки предыдущего дрона, доставившего сюда меня и героически погибшего в момент взрыва.

Я честно пытался самостоятельно эвакуировать следы участия Моше в сегодняшней авантюре, чтоб никого не подставлять, но не сильно в этом преуспел: несколько неудобных в транспортировке фрагментов мало того, что весили в сумме больше меня, так ещё и конфигурации имели никак не для переноски вручную предназначенные. Это если опустить мои личные повреждения, здорово снижающие ми способности прямо сейчас.

Моих сил хватило лишь на то, чтоб убрать их с видного места.

— Здесь не понял. Ты кого обыскивать собрался? — смотрю, как он на четвереньках собирает остатки своей почившей техники, которые можно смести веником в ведро. — Основной груз же уже улетел, нет?

— Труп твой ещё надо осмотреть, — Фельзенштейн наконец поднимается с четверенек. — М-да, искать тут, конечно, будут тщательно, к бабке не ходи. — Он рассеяно вертит головой по сторонам. — Но именно меня уже не выведут. Всё ключевое мы за собой убрали. — Он тактично опускает тот момент, что убирал в основном не я.

— Вроде ж осколки и пластика, и стекла вон валяются? — указываю взглядом на множество мелких крошек, образовавшихся в результате столкновения куска чемодана с его хрупким, как оказалось, вертолётиком.

У меня болит спина из-за ушиба позвонков, плюс есть определённые проблемы с внутренними органами из-за падения с высоты. Оно всё со временем заживёт, конечно, но именно сейчас я даже наклониться пока не могу: перемещаюсь тоже только

небыстрым шагом, спину при ходьбе держу прямо, словно лом проглотил.

Это была вторая причина, по которой Моше принёсся сюда. В горячке, на адреналине, мы оба переоценили мои способности к перетаскиванию тяжестей и к сокрытию следов происшествия в одиночку.

— По осколкам корпуса пусть устанавливают, кого хотят и сколько хотят, — пренебрежительно выплёвывает он, присматриваясь к террасе. — Это вообще не след. А уникальности мы все прибрали, да… — Он наклоняется за ещё одним обломком то ли жёсткой пластмассы, то ли мягкой керамики, после чего уверенно указывает взглядом вверх. — Что, теперь полезли труп твой изучать?

— А что ты рассчитываешь на нём найти? — искренне удивляюсь. — Зачем оно надо? Я, откровенно говоря, его разглядывать не собирался. Кстати, дай и мне заценить вид сверху…

Он протягивает свой навороченный планшет, на котором я уже сам увеличиваю картинку от двух дронов-наблюдателей, поднятых им на всякий случай с разносом в сто метров. Эти юркие, малошумные и малозаметные аппаратики, зависнув в грамотно выбранной тени от зданий, контролируют практически все пути, ведущие сюда. Исключением является только задний выход с полигона, но сильно сомневаюсь, что кто-то будет карабкаться через несколько заборов, когда рядом есть открытые проходы.

— Ты чего? — на мгновение зависает над моим вопросом израильтянин. — Ну и зря не собирался! Да мало ли, что там может быть! Полезли! Вот ты тормоз!

— Оно всё такое неаппетитное, — скептически разглядываю на экране его планшета смятые до неузнаваемости останки. — Ещё и перепачкаемся, — я действительно сомневаюсь, а стоит ли туда карабкаться по второму кругу.

Ну что там можно найти? Ещё и после взрыва.

— По правилам, полагается всё осмотреть, — не соглашается и настаивает Фельзенштейн. — Хотя, твоё дело. Отчаянный ты мой… Брезгливый? — заходит он с неожиданной стороны.

— Нет. По крайней мере, не в вопросах физиологии человека.

— Ну тогда погнали! Живым не взяли, хоть в фарше поковыряемся! — бесшабашно взмахивает рукой мой совсем немаленький товарищ и достаточно легко вскидывает своё тело вначале на первую террасу, затем на вторую, и уже оттуда задумчиво смотрит на меня. — А ты сильно поломался? — наконец доходит до него, видимо, в результате наблюдения за

тем, как неестественно я переставляю ноги.

Поднять наверх меня у него получается со второго раза, сцепив наши ремни вместе. Хорошо, что Моше очень большой. Грубой физической силой его бог не обидел.

_____

Сотрудник службы безопасности сейчас великолепно чувствовал, что значит расхожее выражение «сидеть на шпагате между двумя стульями».

Неизвестно откуда взявшийся на крыше одного из зданий труп уже начал ощутимо пахнуть. Судя по увиденному, имел место подрыв неустановленного лица при работе с какой-то техникой.

Обнаружилось сие происшествие, считай, случайно. На территории в этом квартале находился представитель одной из почти что союзных армий, который был специалистом по разной летающей технике. Во время сегодняшних плановых занятий с соответствующей кафедрой, они сверху и зафиксировали непонятные останки на крыше одного из вспомогательных технических зданий, о чём, никуда не торопясь, сообщили своему собственному руководителю занятий.

Тот чесал разные места ещё как бы не два часа. В итоге, когда новость дошла до самой безопасности, труп уже вовсю обклевали птицы, а фрагменты взорвавшейся техники были местами укрыты птичьими же экскрементами. Какие-то так и вовсе отсутствовали, спасибо кучам пернатых, обосновавшихся в посадках вокруг полигона.

Офицер, прикинув кое-какие сохранившиеся и отчасти опознаваемые нюансы оборудования, покрылся холодным потом и моментально отбил депешу в столицу, минуя непосредственное начальство.

То есть, начальство он тоже поставил в копию, но о чрезвычайном происшествии доложил по оговорённому специально для таких случаев каналу связи в первую очередь. Уже догадываясь, чем чревато следующее действие, он добросовестно приложил весьма неплохо сохранившуюся кисть правой руки трупа к своему сканеру, для идентификации. Когда умная машина, пожужжав секунд пять для приличия, проинформировала его о совпадении параметров, он уже подумал, что пронесло.

Но увы. Через следующие пять секунд сканнер, имеющий прямой выход в сеть, дослал пакеты: в доступе отказано. Труп был засекреченным в том плане, что этот человек идентификации в рамках законных процедур Федерации не подлежал.

И это уже была жопа.

Любой военный или пребывающий в аналогичном статусе знает: лучше хреновый, но собственный контроль над самой

ужасной и угрожающей обстановкой. Чем спокойная, на первый взгляд, безмятежность, но в ситуации, которой ты ни на йоту не владеешь. И когда инструкции и команды правомерны только сверху.

Привет от прямого (но не непосредственного) начальства в виде обратной связи пришёл в течение минуты. Высокий моложавый столичный чин, прооравшись весьма некрасивыми выражениями на без пяти минут пенсионера, минуты две склонял пожилого и заслуженного офицера на все лады. Ни за что. Как будто это сам безопасник лично исполнил лежащее на крыше тело, предварительно раскурочив его комплект оборудования.

Отдельным пунктом не в меру темпераментного руководителя шли тирады насчёт контроля обстановки на территории Корпуса (вернее, его отсутствия), плюс пассажи о засидевшихся в кресле старых пердунах (которые не ловят мышей, ибо уже не способны на то в силу маразма либо склероза). Были и иные, столь милые сердцу подчинённого, рулады.

Вздохнув, безопасник вежливо и робко напомнил большому боссу, что у воняющего уже трупа, судя по информации сканера, были свои, собственные допуски к части систем охраны Корпуса. С территории Корпуса же, трупу никакие информационные пакеты не то что не выдавались и не загружались. а даже и подозрений об их существовании не было.

Соответственно, в лице незаслуженной взбучки сейчас имеет место исключительно самодурство дальнего начальства, которое срывает злость на беззащитном завтрашнем пенсионере.

Дальнее начальство ещё раз проехалось матом по матери, отцу и бабушке безопасника и будущего пенсионера (теперь уж наверняка, твою мать!), коротко рявкнуло, что разберётся. И отключилось.

— А как же ты, с-сука #баная, разбираться-то собрался? — задумчиво проговорил пожилой мужчина только что погасшему экрану. — Я ж тебе даже данные сканнера послать не могу — заблокированы программой контроля сразу после попытки идентификации…

Он ещё раз тяжело вздохнул и мечтательно поглядел на небо: вот бы сейчас бац — и чудо. Провалиться б куда-нибудь на ту сторону земли…

Звонок начальству, в сочетании с холостым жужжанием сканнера, вскоре выдали ещё один несколько неожиданный эффект. Через пять минут задумчивого разглядывания облаков и наблюдения за кружащими птицами, комм безопасника снова выдал соединение, теперь уже инициированное с другой стороны.

Представитель одной из смежных служб сходу предъявил

полномочия, вежливо дождался их верификации техникой офицера и, в отличие от собственного прямого начальства, вместо мата выдал весьма чёткие и толковые инструкции.

Первым пунктом шло всегда милое любому служивому сердцу право посылать (куда хочется, на выбор) и дальнего начальника, и более близкого, буде те начнут что-то об этом трупе выяснять.

— Так а я только что доложился же… — робко зашкнулся безопасник, в душе считая мгновения до пенсии.

Такие пертурбации никогда не несли ничего хорошего.

— Я решу эту проблему, — вежливо проинформировал смежник. — Вы связывались с…? — далее он безошибочно перечислил и абонента, и порядок связи, и ещё кое-какие деликатные подробности (которые, по идее, не должны ему быть известны).

Суть инструкций сводилась к следующему: «черно с белым не носить, да и нет не говорить». Труп и обломки утилизировать, как технические; шума не поднимать; обо всех видах прямого и непосредственного начальства забыть и доблестно готовиться к пенсии. Которая воспоследует буквально вот-вот.

В качестве подтверждения предлагался односторонний меморандум о временной мобилизации завтрашнего пенсионера по одному очень интересному проекту, для исключительно вспомогательных функций на местности.

Изобразив на лице полагающееся по случаю облегчение и дождавшись разрыва соединения, пожилой безопасник снова уселся на крышу прямо рядом с неаппетитными пятнами на той и бесцельно уставился в горизонт.

Хрен оказался не слаще редьки. В отличие от начальства, залётные не упустили из виду ещё один немаловажный момент.

Новые полномочия вкупе с продублированными письменно инструкциями грустно тренькнули на казённом комме входящим пакетом. Теперь, если их чётко соблюсти, следует ожидать проблем со стороны местных кланов.

В рамках Хартии между муниципалитетом и Федерацией, о трупе и происшествии однозначно полагалось сообщить и местным органам власти. Это регламентировалось сразу несколькими статьями одного достаточно серьёзного закона.

Можно потянуть пару часов или даже дней. Можно выдать не всю инфу и не предъявить труп. Но сообщить надо обязательно. Иное, согласно всё тем же статьям, является самоуправством исключительно самого безопасника и его прямым нарушением легальной части законодательства.

Если оно когда-то всплывёт (а шила в мешке не утаишь, только идиот надеется на противное), его уже даже на пенсии

порвут местные. Или аналогично несчастный случай устроят: клановых детей-де в Корпусе не бережёт. Пёс, не ловящий мышей, никому не нужен. Или там кот был?

Попытка утаить данную информацию от муниципалитета прямо приравнивается к нарушению уже муниципального законодательства. Конкретно в этом вопросе, по ряду моментов, федеральная подотчётность индульгенцией не является. Были прецеденты…

С одной стороны, со смежниками, звонившими последними, лучше не ссориться. Но то в краткосрочной (до месяца) перспективе.

С другой стороны, с муниципалами категорически нельзя ссориться, выходя на пенсию. Ибо доживать всё равно тут, ехать-то некуда.

Господи, ну почему это всё именно ему разгребать, перед пенсией?! Почему это всё свалилось именно на него?! А не на его преемника, который и так должен бы прибыть в этом квартале?!

Глава 19

Первая половина дня походит тихо, как будто вообще ничего не случилось. Я всё это время, с семи тридцати, сижу на тестировании по так называемым точным наукам. После общения с Алексом, я почему-то всё больше про себя тоже называю их «местными».

Алгебра идёт в тандеме с физикой. Благодаря чипу и регулярному разбору разных процессов с соседом, вопросов задания не вызывают.

Предсказуемо закончив работу раньше всех, нажимаю клавишу загрузки материала в уже известный мне центр тестирования какого-то там института сухопутных войск, после чего начинаю листать новостной чат Корпуса.

По идее, можно было бы и пойти проветриться. Но Моше настоятельно советовал сегодня не оставаться одному, и даже лишний раз не бродить просто так по территории.

Поел я плотно с утра, на весь день, к тому же следующим этапом меня ждёт химия. Она будет проводиться в этой же аудитории.

После сдачи работы, под удивлённым взглядом преподавателя, я пересел на заднюю парту. Экзаменатор потаращился на меня пяток мгновений и прислал в текстовой строке штук десять вопросительных знаков, идущих подряд.

В ответ я отправил ему свой код допуска сюда же, на следующий экзамен; он понимающе махнул рукой.

Пространство за окном неожиданно взрывается шумом сирены, отрывистыми окриками и миганием всех подряд лампочек средь бела дня.

На какое-то время экраны всех коммов в помещении гаснут, а по большой интерактивной доске ползёт полоска сообщения «Заблокировано службой безопасности!»

— Это какой-то сбой! — перекрывая голосом поднявшуюся волну ропота, поясняет экзаменатор. — Всем оставаться на местах! Соблюдать тишину!

Ну да, щ-щас… половина присутствующих бросается к окнам, поскольку личные коммы тоже в момент становятся заблокированными.

Исключением оказывается только мой казённый аппарат, который почему-то сохраняет работоспособность, как часы. Увидев, что я один не отрезан от внешнего мира, преподаватель гаркает на всех, а сам почти бегом направляется ко мне.

Минут пятнадцать он через моё плечо наблюдает ровно то же,

что и я: утомлённый Фельзенштейн, через слово матерясь по-арабски, поясняет на внутреннем новостном канале группе каких-то чинов что-то, то и дело указывая пальцем в сторону одного из дронов.

Вдруг трансляция прерывается. Соткавшаяся из иконки личного вызова голограмма Бака, мельком окинув взглядом помещение, через секунду выдаёт:

— Алекс, чем вы заняты?

— Окончил тест по точным наукам! Ожидаю химию! — бодро рапортую в ответ под ощутимое разочарование экзаменатора. — Она будет в этой же аудитории, через полчаса после математики. Решил никуда не ходить.

— Немедленно ко мне. — Отрезает куратор и отключается.

Преподаватель со вздохом выпрямляется и отходит, покрикивая при этом:

— Связь будет восстановлена в ближайшее время! Потерянное время будет зачтено!

———

— Почему вы ничего не сообщили мне?

Бак перехватил меня по дороге на кафедру, завёл в ближайшую комнату отдыха с зарослями из мандариновых деревьев и активировал какое-то дрожащее вокруг нас с ним марево.

— Простите? — широко раскрываю глаза и наклоняю голову к плечу.

— В Корпусе, на территории, стоит трёхзначное количество камер. Некоторые из них давно не работают, некоторым не сделали профилактику, где-то подгнили коммуникации, но большая часть Корпуса ими накрывается. — С абсолютно спокойным лицом Бак активирует голограмму со своего аппарата, поскольку связь на территории, кажется, уже восстановлена. — Это последние новости. — Он прокручивает запись с матерящимся Фельзенштейном в главной роли.

— Я видел, сразу после физики. — Говорю, чтоб сказать хоть что-то.

— А это то, что обнаружил лично я, перебирая записи полигонных камер.

— Вот бл#дь… — вырывается у меня.

На комме Бака, демонстрирующем небольшой участок до боли знакомой местности, вначале рушится с неба дрон. Затем в кадре появляюсь из-за угла хромающий на обе ноги я, правда, в виде нечитаемого и размытого силуэта. Ещё через какое-то время Фельзенштейна выдают его гренадёрские размеры. Последним кадром он втягивает меня на ремнях вверх.

— Ничего не хотите пояснить? — взгляд Бака холодно упирается мне в переносицу. — Абсолютно случайно, именно в том месте имело место… — он не договаривает.

— А откуда эта запись? И кто ещё имеет к ней доступ? — терять мне всё равно нечего, потому отвечаю вопросом на вопрос.

— Сектор, где ваш большой иностранный товарищ нашёл труп, из камер выпадает. — Неожиданно покладисто принимает игру куратор. — В принципе, тот человек, скорее всего, так и выбирал позицию. Но есть сервисные камеры нашего кафедрального полигона. Они недоступны из корпусной сети, поскольку вспомогательны и предназначены исключительно для контроля упражнений. Поглядеть запись могут все старшие преподаватели нашей кафедры. — Добивает меня он. — Если не обнулить сейчас массив в локальной сетке кафедры, что тоже возможно.

Первичная нервозность уже схлынула.

— Читается на видео только Моше. Да и то, в основном, из-за габаритов. — Бодро успокаивает меня по внутренней связи Алекс. — Твоё лицо разглядеть не хватает разрешающей способности. Тебя по этому видео не идентифицировать.

— Не хотел бы вас во всё втягивать. — Отвечаю хмуро.

— Так уже втянули. Если я промолчу, бог знает, каким грузом на мне может повиснуть паровоз из ваших героических свершений, — неприязненно отвечает подполковник. — О которых я даже не подозреваю. А если я пойду с этим к безопасности, то вам удастся то, чего не удавалось никому до вас.

— Это что конкретно? — я его не понимаю в этом месте.

— Неважно… жду объяснений.

Алекс по внутренней связи разрывается в жестикуляции, оставив своё море. Он настаивает, чтоб я шёл в лоб, то есть вываливал всю правду.

— … — таким образом, оно само рвануло. Я не знаю, почему. — Завершаю рассказ через пять долгих минут. — Клянусь, я по нему только один раз из инъектора отработал.

— Сознание он потерял, — хмуро ворчит Бак. — А его техника, видимо, из разряда умной. С искусственным интеллектом, — поясняет он, видя моё непонимание. — Расценила, как угрозу пленения. Что у них там в программном приоритете стояло, бог весть. Сработала закладка, оно следы и подчистило. Ну, я что-то такое и предполагал…

— Даже стесняюсь сейчас спросить. Каковы наши дальнейшие планы? — его пауза слишком затянулась, потому решаю напомнить о себе.

К тому же, это мерцающее вокруг нас облако фонит каким-то

физиологическим дискомфортом.

— Вы сейчас идёте на свою химию и забываете обо всём происшедшем. — Холодно роняет он.

— А вы?

— А я буду пытаться понять, где находился напарник того тела, и чего ждать далее.

— Могу спросить, почему вы мне помогаете?

— Я не помогаю вам. Я одинаково с вами оцениваю недопустимость работы на территории федерального учреждения любой другой конторы. — Он отстранённо окидывает меня взглядом, словно предмет мебели, и добавляет, явно думая о своём. — В Федерации масса структур, конкурирующих друг с другом. Официального уведомления на ваш счёт не было ни на каком из этапов, несмотря на ваше квадратное прошлое, к-хм. Получается, кто-то, имеющий весьма нехилый приоритет, за нашей спиной пытается провернуть что-то такое, что нам бы не понравилось. Ладно, скажу иначе, раз вы не понимаете… Я, как и ваш друг Моше, полностью согласен: работа такого комплекса с ИИ по подростку вроде вас — это как штурмовик против ящерицы, греющейся на камне. Тут уже неважно, что стоит за мотивацией штурмовика. Главное — законных претензий предъявлено не было. А теперь скажите: как бы выглядел Корпус, и все мы, если на нашей территории с вами что-то случилось бы? Причём это что-то откровенно подпадало бы под ёмкое слово «уголовщина»?

— У меня есть основания полагать, что это тело — тоже федерал…

— Не сомневаюсь, — чеканно качает подбородком куратор. — Но это не играет никакой роли. Потому что армия очень хорошо знает, что делать, когда кто-то пытается работать в её зоне ответственности, прикидываясь невидимкой. Алекс, не разочаровывайте меня, идите уже на вашу химию…

— Благодарю за поддержку. — Коротко киваю в ответ, поднимаясь из низкого кресла.

У меня ещё болит и спина, и по мелочи, потому, когда он резко дёргает меня за руку, я падаю в кресло обратно.

— Никакой поддержки нет. — Цедит он. — Ничего не было. Вы сейчас же всё забудете, поскольку вас *нигде не было*!.. — он почти кричит шёпотом. — И своему иностранному другу передайте: он ни о чём не в курсе, ничего не видел и ни в чём не участвовал.

———

— … извини, что сдал тебя. Чувствую себя виноватым и не знаю, как извиниться. — Завершаю свой рассказ товарищу сразу

после того, как нахожу его на территории.

Я действительно очень виноват перед Моше, поскольку отношения с Баком — это мои отношения с Баком. Раскрытие инкогнито израильтянина можно расценивать по-разному.

Несмотря на новости, выглядит он бестрепетно.

— Твой куратор? — легкомысленно уточняет Фельзенштейн. — Да и хрен с ним. Вообще не жарко с того ничуть.

— Ты не имеешь претензий?

— Да видел я те камеры! — морщится он, экспрессивно размахивая руками. — Я даже засёк по сигналу, что они пашут в спящем режиме! Но я и предположить не мог, что они оттуда добивают так, что прямо силуэт видно!

— У нас на кафедре очень хорошая техника, — подтверждаю. — Дотошный народ, дотошные преподаватели. Техника, оборудование, снаряга — всё всегда по высшему разряду. У нас и прозвище есть, даже два. Теоретики и тошнотики.

— Понятно. — Фыркает Моше. — Ну сразу тебя успокою. Я — единственный тут, кто по линии закона ничего не опасается. ТЫ просто забыл…

— Я не забыл. Я помню. Но не могу за тебя решать, что опасно из-за огласки, а что нет.

— У нас тоже бывают дрязги между армией и конторами, выполняющими ваши так называемые негласные федеральные функции. — Помолчав, легкомысленно машет рукой он. — Так что я очень понимаю твоего куратора. Когда на территории армии работает такая техника, и неучтённый спец, армия его всегда будет сбривать всеми доступными средствами…

— Мне это и непонятно. — Сознаюсь. — Ведь по идее, все федеральные службы делают одно общее дело. А по факту, получается…

— Мог бы многое сказать тебе, друг мой Алекс, но извини, — смущённо изрекает израильтянин. — Я, кстати, тебе тоже должен кое в чём признаться.

Мы уже почти подошли к нашему корпусу. На аллее никого.

— В чём? — останавливаюсь, как вкопанный, потому что сенсоры чипа намекают на присутствие кое-кого знакомого.

— Вон, она тоже расспрашивала, что было ночью. — Моше смущённо кивает на свой балкон, на котором над перилами появляется лицо Чоу. — Я не смог ей не рассказать.

— Один-один. — Говорю отстранённо.

А Чоу, оглянувшись по сторонам с третьего этажа, перемахивает через перила и приземляется на газон в нескольких

метрах от нас.

— Привет. Спасибо, что привёл его. — Она целует краснеющего Моше, который не знает, куда сейчас спрятать взгляд. — *Единичка, привет. Не в моих правилах навязываться, но нам с тобой надо очень серьёзно поговорить.*

— *Да шла б ты нахер!* — выдаю на автомате, старательно обходя её по широкой дуге и направляясь к дверям. — *Не о чем нам с тобой разговаривать!*

— *А ты уверен, что твоя девушка не пострадает? Если она так и будет жить с тобой, а ты даже понятия не имеешь, что происходит?* — Якобы нейтрально и беззаботно выдаёт хань.

— *Можно подумать, ты так офигенно ориентируешься в федеральных раскладах!* — вынужденно останавливаюсь.

Она не зря имеет свой девятый ранг. Рычаг давления на меня она-таки нащупала, с-сука…

— *А вот мы с тобой сейчас вместе это и обсудим.*

Эта стерва, абсолютно не стесняясь присутствующего рядом Моше, подхватывает меня под руку, прижимая к моему бицепсу свою сиську, и тащит наверх.

Блин, о чём я сейчас только думаю.

— *Всё нормально! У тебя возраст такой, и гормоны,* — ехидно хихикает Алекс по внутренней связи. — *И ты ничего не теряешь. Кстати! Управляющая Компания, по идее, имеет свои, не пересекающиеся с армией, подвязки в Федерации. Если я хоть чуть разобрался в ваших хитросплетениях.*

Глава 20 (не уверен. Через 2 часа перечитаю)

Поднявшись до второго этажа со мной под руку, Чоу увлекает меня ко мне же в номер. Фельзенштейну она только коротко машет рукой и говорит, что зайдёт попозже.

— Тебе самой ситуация не кажется двусмысленной? — спрашиваю ей в спину.

Потому что, оказавшись внутри, она мгновенно выскакивает из обуви и начинает заглядывать в каждый угол, словно обнюхивая всё вокруг.

— Погоди! — наглейшим образом отвечает хань, выскальзывая по полу на четвереньках ещё дальше, на балкон.

Видимо, стараясь, чтоб её не было видно снаружи.

— Могу поинтересоваться, что ты рассчитываешь найти?! Что это всё вообще значит? — занимаю барный стул и начинаю готовить себе кофе, поскольку униматься она не собирается.

А с другой стороны, угрозы её действия вроде как тоже не несут.

— Хотела кое-что проверить. — Неопределённо отвечает она, в коленно-локтевой позиции возвращаясь с балкона.

Её саму, что интересно, ситуация ни капли не смущает.

— Слушай, а ничего, что ты тут, в таком виде?

— Ты о чём? — хань деловито поднимается на ноги и отряхивает руки от пыли, которую собрала на ладони на балконе. — Кстати, ты б убирался, что ли. Такая грязь…

— Я о том, что ты со мной закрылась в номере и ползаешь в двусмысленном положении по полу, отставив зад вверх. В твой зад при этом засосало стринги. Это видно сверху, поскольку юбка коротка сверх приличий. А когда ты на четвереньках переползаешь на балкон, то видно и то место, в котором твои ноги соединяются.

— Да ладно, никто ж не видит! — она удивлённо отрывается от своих ладоней и поднимает взгляд на меня.

— Я вижу. Девушка моя может прийти в любой момент, она тоже может увидеть. Моше на третьем этаже: он не видит, но знает, что ты со мной.

— Он меня не любит. — Волшебным образом, Чоу игнорирует первые два пункта, начиная с третьего. Неподдельно и тяжело вздыхая и усаживаясь на мою кровать. — Я говорила с ним о серьёзных отношениях. Он не видит нас семьёй. Честно сказал: я — второго сорта, ему нужно только тело. Отношения временные,

пока он тут: я ему очень удобна чистоплотностью, фигурой и доступностью…

— *Прико-о-о-ольно.* — Прорезается во внутреннем пространстве Алекс. — *Как у вас ловко интересные темы всплывают.*

— *Такое впечатление, что голая манипуляция.* — Ворчу ему в ответ. — *Слабенькая попытка эмоциональных связей на целом каскаде ассоциаций…*

— *НЕТ.* — Обрывает меня сосед. — *Подожди секунду. Так… так… вот!*

Чоу, договорив пассаж до конца, вроде как случайно отворачивается. Мне был виден лишь её затылок. А сама в этот момент вытирает слёзы, думая, что этого невидно.

— Мы так не договаривались… — замечаю вслух. — Давай ты поплачешь в другом месте?

— Извиняюсь. Секунду. — Поворачивается она, правда, через пять секунд, а не одну, но уже с абсолютно спокойным лицом. — Быть целителем неплохо. — Вздыхает китаянка. — Но не всё можно вылечить даже в себе…

— Ты об этом шла поговорить? И вломилась ко мне, чтоб пофилософствовать?

— Нет. Поговорить я шла о твоих зарубах с федералами. — Она деловито включает мой же чайник, открывая по очереди жестяные банки, в одной из которых хранится чай. — Ну и говно! — непосредственно сообщает китаянка, принюхавшись к содержимому. — А другого чая у тебя что, нет?! Белого там, или зелёного? Красного, на худой конец?

— Ты, кажется, путаешь роли. Я тебя вообще не приглашал.

— Да я знаю. — Она снова вздыхает, но в этот раз исключительно картинно и играя эмоции (спасибо чипу). — В общем, давай меняться информацией? Я тебе расскажу, что мне известно о том, кого вы с Моше ухлопали. А ты мне расскажешь подоплёку с твоей точки зрения?

— С чего это?

— Только начнём не по правилам. — Она как-будто не слышит меня. — Ты первый.

— *Делай, как она говорит!* — повторно прорезается Алекс. — *Тебе всё равно терять нечего! И так знают все, кому не лень! А Бак сказал, что к взорвавшемуся чемодану ещё второй спец прилагался по регламенту!*

— *С ума сошёл?* — окатываю соседа волной недоумения. — *Ты не в курсе, как я к ней отношусь?*

— *Мне кажется, ваши отношения можно трансформировать.* — Обтекаемо формулирует Алекс. — *За*

результат не поручусь, но она тебе, как по мне, зла не желает. А местами даже так и вовсе…

Блин. Вот не люблю, когда на меня давят, ещё и с двух сторон. Вместе с тем, какой-то отголосок подобия предчувствия на заднем плане говорит, что, рассказав кое-что Чоу, я ровным счётом ничего не теряю. А приобрести очень даже могу.

Удивляясь самому себе, выполняю назидания этой пары и вкратце пересказываю известное мне.

Хань подробно, в деталях, выспрашивает о полицейских, о возврате квартиры с помощью Хаас, об информации из Квадрата.

— Обещаю тебе, что ничего из сказанного тобой не уйдёт дальше меня, ни при каких обстоятельствах. — Буднично подводит итог она, отпивая моего некачественного с её точки зрения чая, который сама себе и заварила.

— Ты обещала поделиться своей инфой.

— Да. Думаю, с чего начать… Единичка, есть одна хорошая старая поговорка. Где надо прятать лист?

— Ты про лес, что ли?

— Угу. Насчёт этого проекта на Мвензи, не всё так однозначно. Начать с того, что коррекция гена старения в итоге на втором-третьем цикле омоложения ведёт к деградации нейро… — а дальше она, организовав виртуальную доску со своего навороченного комма, на голограмме воспроизводит добрую половину аргументов Алекса, плюс-минус.

Называя, правда, чуть иные термины; но физика и химия процессов всё равно узнаваема.

Алекс внутри уважительно присвистывает и назидательно поднимает палец: а я говорил!

Я предусмотрительно молчу о том, что мне знакома концепция: умеешь считать до семи, остановись на пяти. Вместо этого, спрашиваю в конце:

— А откуда у тебя такой уровень владения федеральной темой, которая, сказать мягко, широко не тиражируется? Ты же даже не наша гражданка?

— Пекинский университет ханьской традиционной медицины. У нас даже не в этом веке начались исследования по теме. Сейчас, при помощи современной техники и на стыке с западной наукой, получилось окончательно оформить выводы. Коэффициента полезного действия величиной в сто процентов не бывает.

Я давлюсь своим кофе, а Алекс по внутренней связи задумчиво пишет в воздухе:

— Ты смотри. Кто бы мог подумать. Оказывается, умные люди везде думают одинаково.

— И у вас об этой коррекции буквально все знают? — мне сложно поверить в совпадения, несмотря на лучащегося оптимизмом Алекса внутри.

— Я на девятом уровне. — Напоминает она обиженно. — Это типа вашего доктора науки. Да, я пока молода и не имею обширной практики за спиной, но с теорией и рекомендациями учителей у меня всё в порядке. На ежегодные закрытые демонстрации меня зовут каждый год!

— Такое впечатление, что я тебя задел, — не считаю нужным скрывать того, что вижу. — Непонятно только, почему такой дорогой специалист работает простым секретарём. Пусть и не в самом простом месте.

— Пха-ха-ха-ха-ха! — она искренне и неподдельно смеётся, но ничего не объясняет.

Заставляя меня тщательно проанализировать всё, что мне известно. Может, она не простой секретарь? Может, у них с этим связаны ещё какие-то функции?

Кстати, если бы она сейчас полезла доказывать свою крутость, я б … не знаю, как бы воспринял. А так, она просто похихикала.

А следом за ней сейчас хихикает и Алекс. Сговорились, что ли.

— В общем, насчёт листа в лесу. — Продолжает она, как ни в чём не бывало, почти не картинно отсмеявшись (или это я просто доколупываюсь?) — Что тебе известно о рутении?

— Платиноид? Навскидку, ничего особенного. — Тщательно припоминаю курс химии, в том числе от Алекса. — Ну, вроде бы, у него есть своя инженерная ниша, типа повышения коррозийной сопротивляемости и износостойкости того же титана. Но у него и добыча не сказать, что простая, нет?

— Ты не врач. — Констатирует Чоу. — Рутений является единственным платиновым металлом, который обнаруживается в составе живых организмов. Концентрируется в основном в мышечной ткани. Иных платиноидов в органике в естественной среде нет.

— И-и-и?

— А вот так выглядит наша внутренняя университетская статья о перспективах трансформации ваших одарённых, при условии регулярного депонирования рутения в их мышечных тканях. — Она натыкивает какой-то код на виртуальной клавиатуре и в воздухе, в виде ещё одной голограммы, зажигается научная статья на её родном языке.

— Хренасе. — Констатирую, вчитавшись. — Я не всё понимаю, но оно, похоже, может быть как катализатором, так и

вообще гасить способности одарённых? Уже во втором поколении? Если это жрать регулярно?

— Любое лекарство, в зависимости от дозы, может и на тот свет легко отправить. — Снисходительно подтверждает Чоу. — Диета с содержанием добавок рутения для одарённых — не исключение. Другое дело, что для коррекции метаболизма, да с гарантией на два поколения, надо разрабатывать и вводить целую культуру как производства, так и потребления. Только вот результаты от внедрения такой культуры будут видны далеко не сразу.

— Стоп! Смотри! — отчёркиваю ногтем в воздухе главное. — Тут терапевтическая доза от критической, провоцирующей деградацию, отличается всего на треть!

— Ты умный. — Изображает озадаченность она.

На самом деле, это Алекс умный. Но не говорить же об этом вслух.

— Это получается, если вместо грамма на тонну добавить грамм и три десятых, результат будет прямо противоположный?

— Ага. — Простенько соглашается Чоу. — Но и это не всё. Что ни говори, но производство такой еды — это целая новая индустрия. И никто из нормальных производителей, не озаботившись достаточными количествами сырья, затевать потребительские революции не будет.

— Ты меня как будто подводишь к чему-то…

— Мвензи — единственные естественные запасы рутения на планете, которые относительно несложно добыть. — Не делает театральных пауз она. — Вот *наша* геологическая карта, смотри…

_____

— Слушай, а почему ты мне это всё так спокойно рассказываешь? — спрашиваю уже совсем иным тоном через четверть часа, вникнув в детали.

— У нас есть журнал. Онлайн. Научный вестник медицинского университета, — глядя на меня, как на убогого, поясняет она. — Всё то, что я тебе сейчас рассказала, там печатается с позапрошлого года открыто, в виде выдержек из монографий доброго десятка действующих профессоров. Просто журнал на нашем языке, кто б его читал… А так-то, мы его и во все универы мира шлём, согласно Конвенции об обмене научными достижениями. Просто вы читать не хотите.

— А у нас, кажется, что-то ещё и секретят…

Глава 21

— Остаётся всё тот же актуальный вопрос. Что тебе на самом деле от меня надо? Я не верю в бескорыстную доброту со стороны. Особенно с твоей.

— Возьми меня за руку и проверяй, правду ли я говорю. — Предлагает она.

Я игнорирую её предложение, а сама Чоу продолжает:

— У женщины детородного возраста, без семьи, могут быть определённые гуманистические интересы, раз. На уровне инстинктов. Второе: вот когда поживёшь в абсолютно чужом мире и цивилизации, то поймёшь: родной речью будешь слушать не то что людей… Песни дурацкие эстрадные, времён бабушек и дедушек, будешь по семьсот раз проигрывать! Третье. Изначально у меня были планы в твой адрес, чтоб ты занял моё место в компании.

— А сейчас твои планы изменились?

— Не то чтоб радикально. Скорее, скорректировались. Мне кажется, из этого федерального замеса «все против всех» можно выжать максимум для всех участников. Кроме федералов. — Она испытывающе смотрит на меня и делает паузу.

— Не пялься. Я к федеральному правительству без пиетета. Как и к муниципальному, впрочем.

— Могу спросить, за что не любишь федералов? — Тут же цепляется к слову она. — По муниципалам я более-менее понимаю ситуацию, особенно после твоего тюремного срока. Но федералы-то тебе что сделали? На первый взгляд, так ты их благодарить должен.

— За что я не люблю федералов… А за что мне их любить? — возвращаю ей вопросительный взгляд. — Вот, допустим, есть такие распрекрасные федералы, которых своими глазами я в жизни не видел до попадания в Корпус, только по визору. Пока его не отрубили за неуплату… Но любить я их парадоксальным образом должен, да? А за что?

— Блин, я всегда считала, что для любви неважны причины. — Искренне озадачивается китаянка. Отвлекаясь на какие-то свои мысли. — Чёрт. Это, конечно, разные слова в языке — любить кого-то или любить что-то, но у вас же это схожие понятия? Нет?

— И да, и нет. Дело не в языковых понятиях; просто я вижу ситуацию иначе. Я не знаю, как там у тебя в Поднебесной; а у нас каждый раз, когда от нас что-то надо Федеральному Правительству, оно начинает громко называть себя Родиной. И

орёт об этом столь навязчиво, да по всем каналам, что у нормального человека зародится максимум подозрений: а какой же в точности медийный продукт мне хотят продать?! Вернее, впарить. Потому что его уже продали, за визор-то уплачено вперёд — или тебе отключат все каналы.

— Я не думала, что ты это понимаешь. — Она как-то по-новому и оценивающе смотрит на меня.

— Я тебе больше скажу. — Чувствую, что меня начинает нести, но сдерживаться особых причин не вижу. — Вот такая вот безадресная «любовь к родине», которая, заметь, в первую очередь призывает тебя не быть счастливым лично!.. а призывает в первую очередь быть готовым пожертвовать своими интересами ради неё!.. это чёткий признак сразу двух маркеров в мозгах. — Победоносно гляжу на неё, поскольку она искренне удивлена (и сам вижу, и чип сигнализирует о том же через внутренний интерфейс). — Выученная беспомощность плюс внешний локус контроля, — спасибо Алексу за то, что я знаю соответствующие термины на её языке. — С чего это я должен радовать федералов своим инфантилизмом?

Чоу выглядит ошарашено, потому развиваю наступление:

— Понимаешь, когда ты начинаешь любить кого-то без обязательств, в эмоциональном плане ты становишься похожим на раба. Согласна?

— Справедливо для эмоционально незрелой личности.

— А много ты у нас зрелых личностей видела? — вкладываю в интонацию максимум иронии, на которую способен. — Ну или не у нас? Вообще в мире? У вас, например, много зрелых?

— Согласна. Развивайся дальше.

— Когда начинаешь кого-то или что-то любить, в первую очередь прикидываешь, что можешь для этого субъекта или явления сделать. Инстинктивно.

— Угу. — Вздыхает она. — Например, Фельзенштейна…

— А мне один умный человек подсказал хорошую формулу. Если у тебя, в результате вращения в социуме, да даже визор и комм годятся, любовь к родине ассоциируется в первую очередь с личным успехом и личным счастьем — это нормальная родина и нормальная передача по визору. Потому что сильный и богатый гражданин — это сильная и богатая в целом страна. И совсем иной уровень социальных рефлексов, плюс общественного сознания, — вставляю столь любимые Алексом иллюстрации.

— Заня-я-ятно, — тянет Чоу, накручивая локон на палец и разглядывая меня, словно диковину.

— А если у тебя самая первая ассоциация от слова «родина» — вынужденная и неизбежная необходимость

самопожертвования…

— То что-то явно не так. — Спокойно завершает за меня мысль она. — У тебя чертовски неглупые друзья. Цени их.

— Я им передам. Так что ты в итоге от меня хотела?

— Возьми меня за руку и проверяй, правду ли я говорю. — Предлагает она повторно. — Ты же уже твёрдая двойка в семи лучах из девяти, должен справиться.

— Чтоб понять, правду ли ты говоришь, мне не нужно к тебе прикасаться, — ворчу, опуская взгляд. — Если смотрю глазами, достоверность внутреннего фильтра сто процентов. Если без зрения, если только слушать тебя буду, то именно с тобой будет девяносто процентов достоверности. А если у меня возникнут сомнения — просто переспрошу тебя.

— А почему именно со мной девять десятых? — без разбега начинает тревожиться она, даже резко потеет. — Ты меня каким образом чувствуешь?! Я в тебя не влюблена, ты в меня тоже! Почему такой высокий индекс?!

— А на каком языке мы с тобой общаемся? — ухмыляюсь покровительственно. — Тональный строй — очень чёткий индикатор. Для слуха ханьской искры — порой лучше, чем зрение.

— Дура. Точно. Не сообразила. — Она хлопает раскрытой ладонью по своему лбу. — Ладно чего я хочу-то… Ты всё же возьми меня за руку, — якобы просящим тоном предлагает она. — Мне важно, чтоб ты мне поверил!

— Да иди ты нахер! — отодвигаюсь на всякий случай на стуле, плюс отъезжаю на его колёсиках, оттолкнувшись от кровати ногой. — Не буду я тебя за руки держать! После того, как ты мне переспать перед дуэлью предлагала! А то у тебя сейчас стукнет бзик на тему женской самооценки, а твой девятый ранг, мало ли, на что способен! Может, ты через кожу способна что-то выделить такое, что моей печени не понравится…

— Ревнивая девушка? — пытается развести меня на слабо Чоу. — Ладно, — вздыхает она ровно в тот же момент. — Пошутила я… Ну, видишь так видишь. В общем, я сейчас с тобой говорю не как сотрудница господина Ли. Считай, что сейчас я с тобой говорю в роли патриота своей страны. Которой не безразличны никакие культурные вопросы, с ней связанные. Мы можем идти на очень большие расходы и жертвы, не ожидая на первых порах никаких материальных выгод для себя лично.

Она пронизывающе и твёрдо сверлит взглядом мою переносицу. Кажется, она специально эмоционально открывается сейчас, чтоб мне был лучше виден её реальный настрой. Абсолютно напрасно, между прочим, ибо аппаратные

возможности чипа всё же покруче ханьских биологических инструментов целителя. Нарабатываемых годами, естественным образом.

— Единичка, как ты думаешь, ты ж далеко не дурак… Какая самая главная ценность Жонг Гуо, сегодня, в наше с тобой время, во внешней политике моей страны?

— Да хер его знает, — безразлично пожимаю плечами. — Ты обо мне слишком хорошо думаешь. Я не созрел для столь глобальных обобщений, на основании бесед исключительно с тобой.

— Странно. Я думала, ты много общался с кем-то из Шаньси, и язык учил там же… судя по диалекту… Ладно.

— Так а какая ценность-то? — возвращаю её к теме разговора, поскольку она, упомянув о Шаньси, ушла в себя и о чём-то задумалась.

— Мы хотим, чтоб в течение ещё максимум трёх поколений все в мире искренне считали, что в нас нет угрозы их физическому существованию. Военной угрозы, — моментально поправляется она. — Мы считаем, что эпоха военных противостояний канула в лету. Ну или должна кануть в лету, поскольку нашему миру совсем немного и до оружия, убивающего целые города и территории. Мы хотим, чтоб весь мир разделил наше понимание: отняв чужую жизнь в войне, ты не сделаешь свою счастливее.

— Автоматически — нет, — пожимаю плечами. — А применительно к конкретному раскладу, я б с тобой очень поспорил. И даже не столько я, сколько сержант Кайшета.

— Не цепляйся к словам, — с досадой морщится она. — Ты думаешь, я не убивала? Пф-ф-ф… Вот этими руками! — она зачем-то вытягивает в мою сторону длиннющие наманикюренные ногти.

Странно. У Жойс и Камилы таких когтей нет, у Хаас тоже.

— Дело не в обстоятельствах. Дело в ценностях. Человек не должен рассматривать убийство себе подобного в качестве инструмента для достижения любых своих целей. — Чётко и безальтернативно завершает посыл она. — Это и есть наша главная ценность, она же — цель нашей социальной пропаганды на ближайшее неопределённое время.

— Угу. Выгодная позиция, — оживляюсь после этого пассажа, поскольку мне действительно весело. — Когда все вокруг превратились в пацифистов и разоружились, то демографическое преимущество в войне каменными топорами будет решающим. Здорово придумали! — смех даже изображать нет необходимости.

— А нам это ненужно, — чуть свысока и отстранённо

улыбается Чоу. — Эволюция. В глобальной конкуренции систем, победит тот социум, который лучше интегрируется с другими, раз. Чья производительность труда выше, два. И чьи действия с их системой ценностей не вызывают автоматического отторжения как снаружи, так и внутри. Кстати, а где ты так насобачился по ЖонгГуо, если ты у нас даже не был?

— Самообразование, — рассеянно двигаю плечом.

Она застала меня чуть врасплох, оттого спросить Алекса о легенде не успеваю. Впрочем, самообразование в данном случае чистейшая правда, хоть и не вся. А там, шут его знает: может, и у её девятого ранга есть способность отличать ложь. А так, она видит, что я искренне говорю, что думаю.

— Я просеяла твою биографию до мельчайших песчинок, Единичка. — Заговорщицки сообщает она. — Купила доступ ко всем подряд полицейским базам, включая негласный аппарат. Ты действительно самый обычный уличный мальчишка. Ещё и из не совсем успешной семьи, прости. И такого же района. А твоё понимание нас, кстати, на факультете для иностранцев тянет на бакалавриат, — буднично сообщает она.

— Где? — не сразу понимаю, о чём это она сейчас.

— Пекинский университет. Факультет, где я училась. На нём есть два потока, — добросовестно поясняет она. — Говоришь ты вообще без вопросов, я тебе ещё на экзамене сказала: выбирай язык или литературу… В общем, по паре специальностей бакалавра для иностранцев ты бы мог получить.

— Это ты сейчас решила?

— *Хренасе. Оказывается, слишком много «хорошо» тоже плохо,* — выдаёт ребус задумчивое лицо Алекса по внутренней связи.

— Нет. На экзамене, когда арбитром выступала. Местные сапоги твою работу не то что не оценили, они её даже не поняли, — она презрительно фыркает. — А я всё-таки почти доктор, и не только медицинский. Отсюда и мой текущий интерес к тебе. Единичка, как бы ты относился к лягушке, которая б в дикой варварской стране неожиданно заговорила на твоём родном языке, без акцента? Ещё и понимая более половины твоих внутренних ценностей, почти как человек?

— Возможно, посчитал бы, что мы с ней не такие уж и чужие люди. — Теперь мне становится весело от приведённого ею примера.

А по опыту Алекса, я уже очень хорошо могу экстраполировать, как чувствует себя человек, вырванный из естественного круга общения (не важно, в силу каких причин). И местами оттого страдающий от одиночества совсем не по-детски.

_____

— ЮньВэнь, я почти тронут твоим участием в своей судьбе. Но мне сложно согласиться с твоим ключевым посылом. — Смотрю на неё чуть насмешливо. — Забота столь серьёзной дамы, как ты, о столь ничтожной лягушке навроде меня — это не то, что я могу понять либо принять.

— А что тебя смущает? — напрягается она. — Лягушка, которая выучила язык; которая соображает в культуре, пусть и неидеально; уже на две головы выше многих *людей*, которые считают себя выше этой лягушки. Тем более, что лягушкой-то я тебе не считаю же. Это была аналогия. Может, всё же возьмёшь меня за руку?

В её голосе слышится столько заботы и участия, что меня мало не передёргивает от елея. Хотя, как ни парадоксально, она ни грамма не врёт. Ну или искренне считает, что говорит правду.

— Слушай, а ты в меня сама не того…? — с опаской бросаю пробный шар. Мало ли. — А меня ты часом не любишь местами?

— Нет. Как мужчину — однозначно нет. — Твёрдо отвечает она. — Как мужчина, мне нравится Моше. Во всех смыслах. Но у тебя есть масса других плюсов, ему недоступных.

— Загадочно. И пугающе. Когда я чего-то не понимаю, я этого боюсь, — поясняю в её раскрывшиеся немым вопросом глаза. — А когда я чего-то боюсь, я бываю крайне неконструктивен. В механике принятия решений, в том числе.

— А давай поиграем в эту игру с другой стороны. — Она неожиданно что-то решает для себя и, заглянув в свою пустую кружку из-под чая, без комплексов берёт со стола мой недопитый кофе. — Что для меня важнее, личная жизнь или работа? Ответь ты.

— Блин. Работа. — Внимательно слежу за ней, в том числе глазами. Потому в своём ответе уверен.

— Правильно. — С удовлетворением прикрывает веки хань. — А ты для меня ценен в работе? Или в чём-то ещё?

— Если б не преамбула, подумал бы, что ты меня гипнотизируешь. В работе…

— А для своей работы я готова на всё? Или есть рамки и границы?

— На всё, — вынужденно констатирую уже предсказуемое. — Ладно. Теперь мой вопрос. Какова твоя конечная цель? Чего ты, подобным образом обхаживая меня, на самом деле от меня хочешь в самом конце пути нашего плодотворного сотрудничества? На которое ты намекаешь со всех сторон?

Вообще-то, вся предыдущая беседа, помимо информационной части, несла ещё одну функцию: подготовка к серьёзным

обсуждениям. За предыдущие несколько минут я откалибровал на внутреннем интерфейсе её физиологию и виды реакций, и теперь могу даже с закрытыми глазами по одному лишь голосу определить, правду ли она говорит.

— Это сразу несколько вопросов, Единичка. Не один. — Уверенно говорит Чоу. — Отвечаю максимально откровенно. Если бы на твоём месте была я, и только по виду собеседника отличала правду, я бы разбила твой вопрос на три части. Сейчас, в среднесрочной перспективе и в стратегической. Она же долгосрочная.

— Хм. Логично… согласен. Задавать вопрос по новой, с учётом твоей поправки?

— Не надо, я и так отвечу на все три составляющие. Пункт первый, чего я хочу сейчас… Сейчас, Единичка, я считаю, что над тобой сгустились слишком жирные тучи. Ты ничего из себя не представляешь в этой вашей федеральной иерархии. А согласованности между вашими службами внутри Федерации нет, как нет и дисциплины в отношениях. Есть конфликт интересов, и кому-то ты можешь очень помешать живым. Судя по вашим с Моше результатам сегодня, — она неопределённо кивает в сторону окна, — кому-то из федералов ты уже помешал. Задача по тебе не решена. И сколько там игроков, лично мне пока не ясно. Исходя из сказанного, прямо сейчас я хочу, чтоб прямых угроз в твой адрес не существовало.

— Пугает, — ёжусь. — Ибо не врёшь.

— Не вру, — подтверждает она. — Что тогда пугает?

— Пугает отсутствие понимания, зачем я тебе настолько нужен. Поднебесная — чертовски самодостаточное государство. Лягушка-варвар чувствует себя крайне неуютно, когда ему достаётся столько внимания от таких больших людей.

— Тут уместно вспомнить о третьей, стратегической цели, — безмятежно прикрывает веки Чоу. — Как патриот своей страны, я бы очень хотела, чтоб наши ценности в плане гуманизма разделяло как можно большее число народу в этом несовершенном мире. И адекватный в этом плане товарищ на жизненном пути — уже ценность сам по себе. Особенно способный тебя понять, я сейчас о государственном курсе.

— Могу спросить, какую из структур своего государства ты представляешь?

— Тс-с-с-с-с! Разговор между двумя умными людьми имеет и тот плюс, что нет нужды называть все вещи своими именами! Даже если мы говорим на нашем языке… Название тебе всё равно ничего не скажет. Достаточно того факта — и это вторая, среднесрочная цель — что направление твоего личностного

развития небезразлично скромной девушке-патриоту. Которая, вне зависимости от вывески на конкретных дверях организации в Поднебесной, хочет помочь тебе добраться из пункта один нашей беседы в пункт три.

— Зачем?

— А этот мир в целом никогда не придёт в пункт три, если туда не направляется никто из конкретных людей. Ты, в силу индивидуальных особенностей, предпочтительнее многих. Хотя бы, скоростью движения. Упреждая твой вопрос: тем, что пробиваешься, словно подорожник сквозь асфальт. Кажется, твоя фраза? — несмотря на её улыбку, глаза Чоу не выглядят располагающими.

С другой стороны, она искренне верит в то, что говорит, и ничего не скрывает. Что уже немало. Хотя эту свою фразу я никогда не произносил при ней. Хм, она толко что призналась, что имеет ещё какие-то варианты наблюдения за мной лично или вообще в Корпусе.

— Как более старшая девочка, я бы предложила тебе оптимизировать твои аналитические потуги в этот момент. — Вежливо продолжает она.

— Как?

— Ответь на вопрос: ты считаешь мой первый пункт заслуживающим внимания? СТОЙ! — хань предупреждающе вытягивает свободную от чашки с кофе руку. — Не мне ответь! Себе! Если да, то давай разговаривать дальше. Если нет, то давай считать, что этого разговора не было.

— Умеешь ты озадачить. — Почти не изображая растерянности, констатирую через долгих две минуты.

Потраченные на усиленные размышления и внутренний диалог с Алексом.

— Я тебе не вру ни на волос, — она зачем-то прикладывает ладонь к сердцу. — И искренне говорю, что думаю. Хочешь, возьми меня за руку?!

— Вот как тут не заматериться… От такой настойчивости, заслуживающей лучшего применения!

— Я так понимаю, на первый пункт ты себе уже ответил? — удовлетворённо полуспрашивает-полуутверждает она. — Тогда давай вместе разберём, каких угроз, по логике, тебе следует опасаться. И какие инструменты, включая джокера-Моше с его авиацией, есть в твоём распоряжении. Чтоб наше с тобой видение ситуации совпадало полностью.

— Как у нас быстро и незаметно сменились роли. — Вздыхаю. — Заметила, что ты уже командуешь? За какие-то пять минут беседы ты уже доминируешь. В том плане, что начала

руководить.

— Хочешь, давай переспим? — мгновенно и деловито уточняет курс она. — Это установит твою доминанту в отношениях. Отпадут вопросы, кто главнее; поскольку главнее всегда мужчина. Только Моше не говори? Пожалуйста…

— СТОП! Не надо таких жертв! Давай обсудим риски…

— Что тебя смущает? — продолжает изображать небуквальный бульдозер относительно хрупкая на вид азиатка. — Я же тоже вижу, что ты не до конца расслаблен. Заодно бы расслабился…

— Мне сложно быть до конца откровенным в этой ситуации. Я вижу, что ты не врёшь. Но я также вижу, что ты не всё решаешь сама — как истинная патриотка, ты очень склонна прислушиваться к голосу Родины. — Обозначаю улыбку углом рта. — А если я тебе раскрою свои опасения, встанет вопрос источников. Твоя родина некоторым из них совсем не друг. Возникает закономерный вопрос: а не повредит ли моим друзьям мой разговор с тобой? Учитывая, что ты мне и не друг, и не родственник.

— Я не до конца понимаю, но, кажется, догадываюсь, о чём ты. Давай построим беседу иначе. Угрозы перечислю я. Затем перечислю инструменты купирования, хотя это и будет долго. А затем ты, не вдаваясь в детали, скажешь: есть ли, с твоей точки зрения, дырки в твоей потенциальной обороне?

_____

Когда через два часа ей звонит Фельзенштейн, она коротко сбривает его, ссылаясь на дела. А мы продолжаем обсуждать варианты клановой поддержки Хаас, применительно к судебным тяжбам; это ровно третий пункт из девяти намеченных.

Глава 22

Федеральное двухэтажное огороженное здание без вывески либо иных идентификационных знаков.

— Здравствуйте. Мне нужны вот такие предписания в соответствующих сетях и, видимо, комплект документов к ним. — Вошедший явно имел определённые полномочия, поскольку умное здание пустило его исключительно по одной биометрии.

Такие вот командировочные из столицы (и не только) были одним из основных направлений работы учреждения, в закрытых федеральных реестрах числившегося как специальная типография.

Раньше, в доинформационную эпоху, спецтипография была целым предприятием. Начать с того, что тут печатали бумажные деньги сразу для нескольких муниципалитетов, чтоб не возить столь деликатную полиграфическую продукцию через половину страну.

Это была видимая многим часть айсберга, хотя и не вся. Помимо банкнот, тут могли изготовить абсолютно любые документы, вне зависимости от их уровня сложности и степеней их защищённости. Как правило, это требовалось для не всегда гласного исполнения целого ряда деликатных федеральных функций. Мало ли, какая надобность возникнет: не ждать же курьеров, и не ехать же в Столицу, особенно если это что-то неафишируемое.

Сейчас старые функции типографии сохранились в очень урезанном виде. Также, сократился до минимума персонал: ровно один круглосуточно дежурящий сотрудник, куча аппаратуры, плюс автоматизированные системы охраны и наблюдения по огороженному периметру.

А вот новых задач внутри здания прибавилось: если раньше рулила бумага, то сейчас в обеспечении федералов на местах работают преимущественно электронный документооборот плюс доступы к базам.

Вообще-то, много где в колониях, в силу тамошней отсталости, бумага своего значения почти не утратила. Но здесь, чтоб подкрепить конкретные точки зрения различных людей из столицы, нужно ещё иметь и доступы онлайн. Очень много доступов, в разных направлениях: редактирование баз и протоколов — часть поддержки документами сегодня. Иначе первая же муниципальная проверка вскроет то, о чём она и знать не должна.

Назарис любил свою работу. Ему очень нравились мерное

жужжание машин, постоянные влажность и температура в помещении в течение всего года, отсутствие людей.

Стараясь соответствовать должности, он регулярно работал над собственной квалификацией. На определённом этапе это привело его если не к дружбе, то, как минимум, к определённому взаимопониманию с рядом местных кланов. Это соответствовало как его личным интересам, так и пониманию компромисса между федеральными и муниципальными интересами.

Наскоро пробежавшись по запрашиваемым документам, Назарис даже взгляд на вошедшего поднимать не стал: обычное дело. Мужик явно наскоро латал дыры в каком-то федеральном проекте, для чего требовал оформления разовых полномочий для чего-то деликатного.

Разумеется, обратившийся к Назарису оперативник (ну а кто ещё?) никаких подробностей не сообщил. Но сам Назарис был старше него чуть не вдвое и повидал всякого, в том числе и на этапе формирования шатких компромиссов между центром и провинцией. Сейчас кое-кто из федералов явно нарушал небольшую стопку законов.

Назарис не был ни наивным, ни молодым, ни идеалистом. Он чудесно понимал: закон, особенно федеральный, это не Библия. Это всего лишь правила дорожного движения, обозначающие общую тенденцию. Эти правила движения стоит соблюдать ровно затем, чтоб снизить собственные риски.

Если же ты везёшь умирающего в больницу, то на эти правила внимания вообще не обращаешь: они как раз и нужны для того, чтоб зажечь красный свет перед другими, уступающими дорогу тебе. А ты просто едешь, куда тебе надо.

Зашедший обитатель столицы (слышно по акценту) собирался именно что воспользоваться чужим соблюдением общих правил, чтоб проскользнуть на красный сигнал.

К несчастью для командированного, у Назариса были собственные понятия о правильном. Боже упаси, ему и в голову бы не пришло идти в туалет против ветра, особенно когда ветров несколько.

Он всего лишь воспользовался расширенными личными настройками и дал знать о внеурочном посетителе, куда надо.

_____

ЮньВэнь, покидая здание общежития для младших офицеров, чувствовала себя чуть ли не пропущенной через мясорубку.

Она, конечно, предполагала, что Единичка прост далеко не настолько, насколько пытается казаться. Но и считать себя гением перевоплощений он поводов не давал.

Абсолютно напрасно. Для силовика, профиль которого он

старательно развивал, у него оказался неприлично высокий уклон искры в нейрофизиологию.

— Спасибо всем богам, что есть наставления. — Тихо проговорила Чоу сама себе, шагая по аллее.

«Принципы — это закреплённый поколениями путь наименьшего сопротивления». Сегодня она в полной мере убедилась в действенности этой формулы.

Она не собиралась обманывать парня изначально, но и выкладывать ему всю подноготную в её планах не числилось.

Реальность, как водится, внесла свои коррективы. Поначалу она, посмеявшись мысленно, решила, что Единичка набивает себе цену.

На своём девятом уровне она тоже отлично видела, правду ли говорит собеседник, причём более чем по двум десятков параметров физиологии одновременно. Которые отслеживала, гордясь ювелирностью собственного контроля.

Когда Алекс заявил, что может то же самое, хань вежливо не стала спорить. Вместо дискуссии, она тут же добросовестно напрягаясь и принялась тщательно наблюдать за ним на всех уровнях. Ровно через две смены темы в беседе (как будто случайных), ЮньВэнь с удивлением убедилась, что он ей сказал чистую правду.

Видимо, неведомые местные боги простёрли над пацаном свою ладонь более чем щедро. Если у человека имеется обычная искра хань в теле — это одно. Если же управление собственным обменом веществ распространяется и на мозг, это уже совсем другое качество физиологических процессов.

Природный талант и склонность к чему-либо, что бы ни говорили учителя, есть природный талант. Иногда его не получается скомпенсировать никаким опытом либо подготовкой, просто потому, что собеседнику от природы дано несоизмеримо больше.

А ведь от неё он этого особо никогда и не скрывал. Кстати, это отчасти объясняло и не совсем обычные успехи в учёбе, как и результаты в развитии тела: разум сильнее меча.

Тот, кто владеет своим разумом, сразу же владеет и своим телом. А вот наоборот эта связка работает совсем не так быстро.

План беседы на ходу пришлось перестраивать на ходу. То, что она с лёгкостью утаила бы от обычного собеседника, сейчас даже пытаться провернуть не стоило: мелкие недоговорки и неточности на старте вызовут только раздражение и заставят усомниться в её искренности на всё оставшееся время.

Долгого, как она надеялась, сотрудничества. Ведь самая главная ценность в мире — это те люди, которых ты можешь

отнести к близким либо друзьям. Если они достойные личности, если отношения с ними выстроены правильно, то в старости тебе нечего бояться. Вместе с таким кругом общения ты гарантированно будешь успешным человеком.

Хорошо, что ход этого типового разговора был продуман заранее, не тут и другими людьми: он включал несколько запасных сценариев.

Попутно, кстати, ей пришлось изо всех сил скрывать тот момент, что она пребывает в весьма ощутимом стрессе. Интересно, удалось ли это в полной мере? Это было неясно.

Разговор с Единичкой занял гораздо больше, чем планировалось, поэтому общение с Моше сегодня отменялось. Ответив на второй по счёту звонок израильтянина за это время, вслух она изобразила сожаление, а в душе почувствовала нотки мстительного удовлетворения: при помощи нетривиальной и интересной (чего уж) беседы с Единичкой, ей удалось приглушить собственное болезненное влечение до уровня, вполне приемлемого.

Детали достаточно непростой биографии Единички требовали немедленной проработки с нормального рабочего места. В принципе, как сотрудник Управляющей Компании, она могла его себе организовать прямо тут, в Корпусе. Как раз будет время подумать, куда сейчас идти, пока она огибает административные корпуса.

_____

Слава богу, нуждающихся в помощи сегодня не было. Камиле предстояло сделать над собой волевое усилие и завершить кое-какие отчёты за период. Расходников даже в таком недо-госпитале без заполнения форм не восполняют, потому хоть раз в месяц этим заниматься надо.

Излишне говорить, что из двух уполномоченных делает работу тот, кто младше. Старший контролирует и наставляет.

Матеуш, появившись с утра буквально на час, поручил сообщать всем, если будут спрашимвать, что он на территории.

И бы таков. Самой Камиле он невнятно пробормотал что-то насчёт далёкой родни и семейных проблем.

В его версию можно было бы поверить, если бы не сальный и мечтательный взгляд, который он то и дело бросал на экран комма, принимая одно сообщение за другим. В общем, всё как обычно.

Откровенно говоря, нырять в бумаги было лень. Когда к ней без предупреждения заявилась коллега-Чоу, Карвальо только обрадовалась: её прокрастинация получила законную причину отвернуть от себя монитор и заняться приёмом хорошей

знакомой.

К удивлению капитана, ЮньВэнь пришла поработать. Вежливо пояснив, что не хочет покидать территорию Корпуса, китаянка последовательно отказалась вначале от кофе с шоколадом, затем от бренди с сигарой.

Испросив у Камилы разрешения, Чоу заняла самый дальний рабочий терминал, стоявший в подсобке, в конце сквозного коридора.

— А если чаю захочешь? Ну или… — Камила, не только ради вежливости, ещё раз вопросительно кивнула на открытый ящик стола, из которого виднелись и сигары, и алкоголь.

— Давай закончу свою работу, потом? — приняла решение, считай подруга (после стольких совместных процедур, это не будет натяжкой). — Но я буду с базами работать, мне б рабочий терминал заизолировать.

На человеческом языке это означало ограничение доступа снаружи.

— Да без проблем, — прикинула расклад Карвальо. — Давай я центральный комп медблока сейчас перенастрою, и твою подсобку сделаем реанимацией?

— Зачем? — не сразу поспела мыслью за капитаном китаянка. Поскольку была сконцентрирована на обдумывании иных вопросов.

— Если центральный комп считает, что там реанимация, он блокирует двери и никого не пускает внутрь. Кроме уполномоченного персонала. А тебе, чтоб выйти, надо будет два кода набирать, — посмеялась врач. — Подумаешь, идти ли. Туалет там есть. Я сама так делаю, когда себя работать надо заставить, — призналась она. — Считай, тебе своё место уступаю.

— А давай, — махнула рукой ЮньВэнь. — Там со звукоизоляцией как? А то я кое с кем созваниваться буду. Вдруг у тебя посетители?

— Госпиталь оборудован по высшей категории, — напомнила Камила то, что хань знала и так. — Все помещения, в зависимости от назначения на центральном компе, могут изолироваться вплоть до протокола био-защиты.

— Годится. — Окончательно оставила сомнения Чоу. — Часа на полтора меня там замкни? Я, как окончу, тебе постучу.

— Не постучишь. — Красноречиво склонила голову к плечу Карвальо. — Не слышно будет. Девять единиц набирай на пульте у двери, оно тебя само выпустит.

———

— Какая прелесть! — заявила китаянка, набрав Камилу уже из запечатавшегося помещения. — Тут можно вообще ото всех

закрыться! И без моего разрешения никто внутрь не войдёт! И вентиляция, воздух чистый, ты смотри… Тут перепад давлений, что ли, настраивается?

— Госпиталь первой категории, — снисходительно кивнула капитан. — На все случаи. Мало ли. Закончишь — девять единиц. Я тогда отсюда пока поработаю…

— Замётано. — Взмахнула волосами в воздухе Чоу и разорвала соединение.

_____

Беседа с Чоу подбросила как неожиданно положительных моментов, так и геморроя.

С одной стороны, чертовски приятно, когда у тебя в непростой ситуации оказывается на одну точку опоры больше.

И тот, кого ты считал непримиримым врагом, неожиданно перемещается в разряд почти приятелей.

Судя по упомянутым деталям, Чоу достаточно серьёзно раскрылась и какого-либо кидалова с её стороны можно не опасаться. Именно это я и заявляю Алексу, когда он спрашивает, что я обо всём этом думаю.

— Только тебе могут прийти в голову идеи не замечать очевидного. — Вздыхает он. — Она что, мало тебе уже помогла? Да ты просто капризничаешь! — заключает он в ответ на моё молчание. — Впрочем, всё хорошо, что хорошо заканчивается. Хоть в одном месте приобретаем если не друга, то, как минимум, надёжного партнёра.

— Я бы не переоценивал её надёжность, — возражаю ему по инерции.

— Их государство словами не бросается. — Отрезает Алекс, думая о чём-то своём. — Она сделала тебе в итоге шикарнейшее предложение из возможных. Ты просто не понимаешь глубины беседы. Но это ничего, зато я её понимаю…

Помимо прочего, хань системно обозначила целый ряд угроз, от которых мы с Алексом просто отгораживались. Предпочитая не думать о неприятном и занимая неконструктивную позицию страуса (в переносном смысле).

Сосед погружается в какие-то свои изыскания, предлагая его тревожить только по необходимости.

А меня вырывает из размышлений трель входящего звонка.

Принимаю сигнал, чтоб получить обезличенную голограмму вызова в медпункт. Странно.

Недолго думая, набираю личный номер Камилы, чтоб увидеть её слегка напряжённые глаза. Что интересно, это заметно даже по голограмме:

— Привет! Вызывала?! — на заднем плане маячит какой-то

незнакомый мне тип в медицинском комбинезоне явно не своего размера, потому рефлекторно вопрос задаю по-португальски.

— Это новый соискатель. Он плохо говорит на Всеобщем, — отрешённо говорит Камила через плечо этому типу.

Мобилизуя меня без разбега.

— Не я. — Коротко говорит она мне и смотрит в глаза, не отрываясь. — Федеральная программа сверки показателей имплантатов. У вас же стоит А-четвёртый? Вы бы не могли прибыть в медпункт? Профильный специалист утверждает, что это ненадолго.

— Да без проблем! — мне не приходится изображать удивление, оно и так из меня лезет вполне непринуждённо и естественно.

Хотя и по иному поводу. Но мужик за её спиной, даже понимай он нас, всё равно ничего не заподозрит: надо быть в контексте отношений, о чём речь скорее всего не идёт. А уж оттенки моей мимики, да с чипом, ему явно не по зубам. Ещё и через казённый коммуникатор.

— Госпожа капитан, я, конечно, прибуду по вашему вызову! — продолжаю ломать комедию на публику. — Но у меня нет ни одного не то что федерального импланта, а и вообще рабочего!

Говоря с ней, я специально тяну слова, изображая тормоза и в параллель общаясь с Алексом. Сосед, повинуясь моему вызову, срочно бросил своё море и ускорил наш с ним внутренний информационный оборот до максимума.

К моменту окончания фразы, у меня уже готов анализ ситуации.

— У вас стоит А-седьмой если верит медкарте. Я бы всё же просила вас прибыть. — Ровно предлагает Камила, не сводя с меня глаз.

— Жди. Сейчас буду. Он нас не понимает, можешь расслабиться. — Сообщаю ей, направляясь к двери.

— Хорошо. Жду. — С явным облегчением опускает веки Карвальо. — Он сейчас прибудет, — добавляет она уже типу на Всеобщем.

Тот явно и видимо расслабляется.

Что не укрывается и от Камилы — мне это видно.

Португальского он однозначно не понимает.

———

Разорвав соединение с медсектором в лице лучшей подруги Жойс (и моей тоже), я, что есть духу, лихорадочно припускаю вниз по внешней лестнице.

Понимание пониманием, но мне не улыбается оставлять

Камилу наедине с этим мутным человеком. За недолгое время опосредованного визуального контакта Алекс выдал о нём гораздо больше подробностей, чем тому самому бы хотелось.

В самом низу лестницы комм снова звонит. Отвечать не собираюсь, тем более что это звонит Чоу.

У неё оказывается свой допуск, аналогичный Баковскому. Потому что в следующий момент её голограмма вспыхивает передо мной в принудительном режиме.

Хорошо, что скорость процессов Алексом разогнана. Только поэтому я не сбиваюсь с шага и не шарахаюсь в сторону.

Она мажет по мне каким-то странным взглядом и без предисловий выдаёт:

— Ты уже врубился?

— Второй сценарий? — уточняю, переходя на бег.

За её спиной явно антураж подсобки медсектора, значит, она рядом с Камилой.

Это хорошо. По целому ряду причин.

— Ага. — Кивает она. — Можешь не бежать. Я в госпитале. Подстрахую. Двери уже разблокировала, только толкнуть и выйти.

— Вижу. А как ты сообразила?

— У меня бэ-плюс сейчас в сети, — называет она индекс приоритета. — Работала отсюда, смотрела краем глаза движение по камерам. Когда он заявился, включила звук. Берём живым.

— Надо ли? Камила там… — начинаю активно сомневаться.

— Её в помещении не будет. Обещаю. И мы с тобой только что проговаривали порядок. — Чоу требовательно смотрит на меня. — Мы договорились!

— Помню… не думал, что так быстро. — Вздыхаю на ходу.

— Я тоже не думала. — Абсолютно так же вздыхает она. — Но это не проблема. Я уже вывела примерно, откуда он. Не бойся. Справимся.

— Я не за себя боюсь! — напоминаю, как по мне, очевидное.

— Лови… — ворчит Чоу, отправляя мне в параллель сигнал с внутренних камер медкорпуса.

Одновременно с этим, она активирует робота-уборщика.

Маленький кургузый пыле-водосос, предназначенный для уборки всего подряд в операционной, начинает без предупреждения гудеть и биться в закрытые двери.

Камила, явно сообразив, первым делом выводит картинку из операционной на большой экран.

— Что это?! — тип предсказуемо удивляется метаморфозам уборщика на экране.

— Сбой, — изображает досаду Карвальо. — Операционная,

робот. Видимо, что-то слетело в программе.

— И что с ним делать? — искренне недоумевает мутный гость, под удары пылесоса в дальние двери.

— Пойти вручную отключить, — пожимает плечами Камила.

И, поднявшись, исчезает из помещения.

Оставляя типа в одиночестве, глазеть на монитор.

— Я его сейчас напугаю. — Как-то буднично и хмуро извещает меня Чоу. — Наверняка ломанётся наружу через дверь номер два. Примешь на улице?

— Дай двадцать секунд. Почти добежал!..

— Девятнадцать. Восемнадцать. Семнадцать… — покладисто начинает считать Чоу, вылезая из туфель и деловито стаскивая с себя пиджак. — Четырнадцать. Тринадцать…

Камила в это время, находясь уже в другом окошке на экране и совсем в другом помещении, успокаивающе машет рукой в ближайшую камеру и захлопывает за собой двери операционной.

Глава 23 (с утра перечитаю)

Чоу произносит «пять» и озадаченно замолкает, прекращая отсчёт.

Потому что передо мной вспыхивает ещё одна голограмма, на сей раз — тревожного вызова от Хаас. На ней, что характерно, тоже отсчитываются цифры, но только от десяти до ноля. После этого, если верит уведомлению, установится принудительное соединение.

— Что за проходной двор. — Резко торможу, словно в стену впечатавшись. — Сейчас, подожди, отвечу ей. Будет неправильно, если оно там соединит, когда…

— Это понятно, — перебивает меня хань, затем осторожно интересуется. — Но как это возможно?! У неё же нет допусков на такой звонок! Что ей надо?

— У неё ВАРВАР последней модели, он, видимо, позволяет. Если вызываемый абонент подтвердил занесение себя в список ближайших друзей или родственников. — Делюсь предположением, пытаясь ответить на звонок.

Самое интересное, что принять этот вызов у меня не получается: зелёная виртуальная клавиша словно залипла. Приходится ждать того самого принудительного сетевого соединения все десять секунд.

— Привет! Алекс, у меня для тебя срочное сообщение! — на одной ноте выдыхает Анна, тут же замечая голограмму Чоу слева от меня. — О, и эта тут? Блин, у меня к тебе секретное дело… И очень срочное!

— Мы сейчас несколько заняты, — презрительно фыркает китаянка. — Твоё дело не подождёт?

Видимо, Хаас узнаёт дорожку, ведущую в медпункт, поскольку следующими её словами становятся дословно:

— Алекс, не ходи сейчас в медсектор! Там тебя ждут…

— Неустановленный мужчина с имитацией вместо реального айди? — снова ехидничает ЮньВэнь.

— Вы уже общаетесь?! Вы в курсе?!.. — мгновенно соображает Хаас.

———

В медпункт я не попадаю ещё долгие десять минут.

Вначале наша юная представитель семьи юристов деловито и очень быстро выдает подробности о мужике в медсекторе. Причём так, что мы с Чоу только молча переглядываемся: Анна называет и номер настоящего предписания, и содержание изменённого документа, и даже суть его временной редакции в одном местном

учреждении.

Редакция предписания, что интересно, незаконна: она допускается лишь внутренними инструкциями и приказами конкретной организации. Но категорически противоречит и одному федеральному закону, и нашим муниципальным уложениям.

— Я вижу, что вы уже и без меня в курсе, — чуть напряжённо и требовательно нараспев произносит Хаас. — Судя по тому, что вы сказали. Каковы ваши планы?

— *Я не знаю, что делать.* — Без перехода, нарочито спокойно, говорит Чоу мне. — *Она вообще не должна быть в курсе. У меня нет никакого объяснения, и я сейчас в полной растерянности. Действовать, как задумали, теперь нельзя.*

— *Она — мой самый близкий друг из кланов. Доверься.* — После чего поворачиваюсь уже к нашей будущей звезде юриспруденции. — У меня был *мой* план, что делать. Но сейчас вмешалась ты. У тебя есть какие-то свои задачи в этом эпизоде?

— Говорю от имени клана. — Быстро сориентировавшись, частит скороговоркой Анна. — Нарушение параграфов… как федерального, так и муниципального уложения не должно пройти безнаказанным. Его надо судить, гласно. И осудить. После чего — открывать кейс на всю его контору. По факту подстрекательства к исполнению незаконного приказа, если он работает не по своей инициативе.

— Зачем? — не поспеваю за ней мыслью, несмотря на чип.

Уж больно быстро она мыслит готовыми шаблонами своей профессии.

— Прецедент. Пресечь. — Односложно роняет она и почему-то вопросительно впивается взглядом в Чоу.

— Я только за. — Мгновенно соглашается хань. — Чем больше у вас своего шума, тем легче моей управляющей компании. Я согласна.

— А ты вообще не клановый, — нагло решает за меня Хаас. — Отец сейчас шлёт своих людей. Они всё могут сделать сами, даже если тот мужик одарённый. Вы сможете как-то придержать его на месте с час?

— Можем вырубить и связать. — Отвечает Чоу. — Подождёт ваших людей, примотанный к стулу. Жизнь и относительное здоровье гарантирую лично.

— А другие варианты есть? — Анна с сомнением в голосе размышляет вслух. — Он же собирался как-то предъявлять Алексу свои намерения. Вы его до или после раскрытия планировали в оборот брать? Что было что предъявить?..

— Его финальные намерения могут меня не обрадовать, —

ворчу. — А рисковать на ровном месте не хотелось бы.

_____

В следующие три минуты рождается авантюрный на первый взгляд план. Но мы его принимаем единогласно, поскольку и у меня, и у Чоу есть свои козыри в рукавах.

А угрозу, тут Хаас права, надо давить в зародыше. Моё личное счастье, что моя собственная проблема совпадает с тем, что считает правильным один из топовых кланов.

Ещё через минуту, взбежав по ступенькам, с порога медсектора кричу на весь коридор:

— Госпожа капитан, я прибыл! Куда идти? Если вопросы ко мне не у вас, давайте я сам поработаю с тем специалистом?

_____

За некоторое время до этого.

— Анна, бегом сюда! — Грег Хаас только-только принял сообщение одного из информаторов по срочному каналу связи.

Вообще-то, все подобные сообщения замыкались на специальный аппарат внутри клана. Но агент являлся важным, относился к первому списку; и конкретный сотрудник счёл невозможным ожидать регулярного доклада. Что самим отцом Анны было тут же признано абсолютно правильным.

Выслушав доклад, Грег даже секунды не раздумывал. Ситуация лично для него была беспроигрышной в любом из сценариев.

В двух словах обрисовав принёсшейся на его зов дочери картину, он всучил ей в руки свой комм и окончил:

— Твой товарищ — тебе и радеть. Как ты сделаешь, так и будет.

Дочь тут же спросила его позицию по вопросу.

— А мне всё равно, — ровно пожал плечами он. — Такие дела проворачивались и раньше, во всех муниципалитетах. Федералы давят ровно по тем направлениям, где не видят нашего организованного сопротивления. Лично по мне оно напрямую не бьёт; а само дело не первое, и не последнее. По моим детям я тоже не позволю, чтоб ударило.

— Если бы на месте Алекса была я, ты бы вмешался? — мгновенно вставила Анна, чуть краснея.

— Разнёс бы нахер всю двухэтажку. — Кивнул отец. — Вообще не думая о последствиях. А мудака-редактора спалил бы к ебеням, прилюдно и на камеру. Потом бы штраф уплатил, тариф неважен. Да там и по закону можно было бы…

— Ты сегодня уже пил?! — тут же принюхалась, перебивая отца, дочь, впечатлённая степенью родительской любви.

— Неважно… В общем, если ты захочешь вмешаться, то свои ресурсы ты представляешь. Пора учиться жить

самостоятельно, — веско завершил короткую нотацию отец маленькой блондинки.

— Задержание. Открытый процесс. — Рубанула в лоб короткий план Анна и принялась мгновенно вызванивать Алекса со специального аппарата, повернувшись спиной к родителю.

Вытолкав дочь из кабинета лёгким подталкиванием в спину, Хаас-старший захлопнул за ней дверь и усилием воли выбросил всё из головы.

Он уже оценил ситуацию со всех сторон. Дважды.

Имел место классический цуг-цванг, со всех сторон. И ход клана Хаас, даже в случае действий Анны, при любом раскладе будет вторым.

Говоря реалистично, убивать пацана на месте, прилюдно, станут вряд ли. А на безопасном макете ситуации приобрести первый масштабный самостоятельный опыт для дочери было бы более чем кстати.

Федералов действительно пора ставить на место. Мало того, что устроили логистических хаб из серьёзного промышленного региона. Так ещё и…

Дальше додумывать мысль Грег не стал, направившись к мини-бару.

— Нечасто получается натаскать детей на реальном и справедливом примере. — Сказал он сам себе, салютуя бокалом в зеркало.

_____

Камила почти сразу поняла, что необычный командированный специалист не врач. Представленные документы, однако, сомнений в полномочиях не вызывали.

Откровенно извинившись за дотошность, она прямо при нём сделала официальный запрос о подтверждении его полномочий — и тут же получила эти самые подтверждения.

А вот тут её паранойя свистнула первый раз. Никогда медицинские терминалы не связывались с информационными структурами верхних штабов так быстро.

Второй звонок прозвучал, когда посетитель, под видом знакомства с документацией, отобрал для виду несколько дел, сфокусировавшись при этом на Коротышке.

Карвальо отлично помнила, от чего погибла мать пацана. Также, она понимала, что дыма без огня не бывает и что продолжение вполне может следовать.

Специально двигаясь медленнее, она перебирала варианты.

Первой мыслью было тупо набрать Жойс и сориентировать подругу по ситуации на родном языке. Та что-то в мгновение ока придумает: например, буквально пара темнокожих ветеранов из их

объединения наверняка принесутся в Корпус по первому её слову (подкреплённому соответствующей финансовой благодарностью, ибо деньги у Жойс водились).

От столичного хлыща не останется ни тела, ни ремешка, ни упоминания: на территории своего госпиталя Карвальо была хозяйкой не только по документам.

Действующие медицинские подразделения министерства обороны, содержащие в своём составе хирургические блоки, очень легко превращались в… в мини-форты или в то, что нужно старшему дежурному врачу. Возможность изоляции от внешнего мира, включая режим блокировки всех видов сигнала, прилагается. Не в последнюю очередь, для резекции сбоящих имплантов у всяких съехавших с катушек спецназов и им подобных.

Когда над головой ожили и задвигались камеры, замигав при этом индикаторами включившихся микрофонов, капитан поняла, что это Чоу со своего места контролирует обстановку.

На душе сразу стала спокойнее. На примере Коротышки, Камила очень трезво представляла прикладные возможности ханьской искры. А у подруги ещё и не второй, а вообще девятый ранг.

По-хорошему, этому засланцу надо дать раскрыться, после чего будет ясно, что с ним делать.

К сожалению, параллельно с напряжённой работой мысли, приходилось изображать набитую дуру-врача из провинции, добившуюся текущей должности исключительно благодаря сиськам. Когда гость попросил вызвать Коротышку, Карвальо технично предупредила пацана, раздумывая, как бы согласовать действия с ним и с Чоу.

К сожалению, она также представляла и варианты подготовки людей, которым в руки попадает овод.

Забившийся в судорогах под управлением китаянки робот-уборщик в операционной был как нельзя кстати. Сама доктор не рисковала запускать что-то подобное, так как была на виду.

Скрывшись в одной из операционных и заблокировав за собой дверь, она перенастроила часть управления госпиталем на себя и пару минут наблюдала за задумчиво слоняющимся по приёмному покою визитёром.

А затем дверь подсобки отворилась и оттуда появилась странная мумия: полуголая Чоу, во взятом со стеллажа армейском белье (пф-ф-ф… впрочем, ящик там и стоял на всякий случай).

Китаянка была наспех замотана первыми попавшимися под руку бинтами, имитировавшими толи гипсовые повязки на руке и ноге, толи иммобилизованные локтевые и коленные суставы.

Карвальо зафыркала в кулак, давясь смехом.

Вишенкой на торте были совсем небольшие сиськи подруги, явно выставленные на частичное обозрение не просто так.

— Доктор! — заголосила Чоу, бестрепетно шагая по коридору и весьма умело имитируя хромоту на одну ногу.

Правая рука китаянки при этом была отставлена в сторону, словно и с плечевым суставом что-то было не в порядке.

— Доктор, мои процедуры почти окончились! — продолжала надрываться в голос и ломать комедию ЮньВэй, отчего-то направляясь не в манипуляционную, а в приёмный покой. — Я подожду вас в первом помещении? У меня что-т опять заклинило, я не стала капаться до конца! Пожалуйста, посмотрите!

— Сейчас! — приглушённо отозвалась капитан из своего помещения, устраиваясь на стуле поудобнее.

Как хорошо, что операционные компьютер и экран транслируют что угодно в обе стороны.

— Не торопитесь! — не прекращала разоряться хань, бестрепетно входя, куда направлялась и опуская задницу на ближайшую кушетку приёмного покоя.

И блокируя таким образом визитёру выход.

Что было абсолютно понятно Камиле, но, видимо, никак не очевидно федералу.

Который, в свою очередь, схавал весь спектакль за чистую монету и теперь таращился втихаря на сиську ЮньВэй, задорно мелькающую в разрезе майки, выбранной на пять размеров больше.

— М-да уж. Не врач ты, родимый. Не врач. — Вздохнула Карвальо сама себе.

В принципе, у неё сомнений на это счёт и так не было. Но она не привыкла глядеть такие представления в роли статиста.

А сейчас начинал разворачиваться какой-то спектакль, явно согласованный между Чоу и Коротышкой. Поскольку Алекс почти в тот же момент появился в приёмном покое со стороны улицы и громко заорал с порога:

— Госпожа капитан, я прибыл! Куда идти? Если вопросы ко мне не у вас, давайте я сам поработаю с тем специалистом?

Чоу, картинно отставляя руку и ногу на манер сказочной Бабы Яги, раскорячилась на своей кушетки и что-то неразборчиво спросила у пацана.

Так естественно, что Камила даже пропустила это в первый момент мимо себя.

Алекс что-то ответил, и Карвальо сообразила: видимо, так и выглядит ханьская искра в реальном исполнении. Даже ей, смотрящей спектакль с экрана, разговор пацана с китаянкой на китайском языке показался в первый момент естественным и

уместным.

А гость вообще и ухом не повёл, игнорируя явную странность.

— Прико-о-о-ольно. — Присвистнула сама себе капитан. — Затем громко и с усилием добавила на Всеобщем. — Алекс! Нужный вам специалист в приёмном покое! Подойдите к нему!

_____

Несмотря на цейтнот, мы за какие-то несколько минут успеваем выработать план, прогнать его на два раза устно и начать действовать.

Тянуть резину я тоже не хочу, поскольку оставлять женщин с тем типом — не самая лучшая идея. Да, Камила — военная, а Чоу — вообще мастер не пойми в чём, но бабы есть бабы…

Через оговоренное появляюсь в приёмном покое, начиная изображать деревенского дурачка прямо с порога.

После предписанных этикетом манипуляций, одетый не в комбинезон не своего размера тип усаживает меня напротив себя за стол и принимается изображать какую-то процедуру.

Он делает вид, что интересуется моим нерабочим чипом, в рамках какой-то федеральной программы сверки установленных имплантов с предписанными, но на самом деле ни грамма не верит ни в одно собственное слово.

Чоу, кстати, сидит тут же, внешним видом изображая пострадавшую то ли от пожара, то ли от психического заболевания. Как можно поверить в естественность ситуации я не знаю, но единственный зритель импровизированного спектакля на неё ведётся. Более того: её просвечивающая сквозь имитацию одежды фигура интересует его чуть не так же сильно, как и я.

— Невербальное воздействие. Работа мастера! — восхищённо орёт Алекс во внутреннем пространстве. *— Смотри! У него критичность восприятия снижена на семь десятых! Снимаю шляпу!*

Сосед ещё какое-то время восхищается высшим пилотажем в исполнении китаянки. Сейчас, конечно, не совсем подходящее время для расспросов, но я всё же не удерживаюсь:

— А как она это делает? Это что, тот самый гипноз?!

— Комплекс. Очень сложный комплекс. Смотри. — Моментально оживляется Алекс. *— Во-первых, язык тела. Её положения, жесты, внешняя атрибутика — короче говоря, на него очень действует. Во-вторых, она как-то принудительно воздействует на частоты его мозга. Это не гипноз в полном смысле, если я правильно понимаю это слово у вас, но альфа и гамма ритмы…* — дальше он углубляется в детали, которые я пропускаю мимо ушей.

Потом погляжу в записи. Или даже попрошу научить, раз мы

с ней теперь общаемся.

Тем временем, считающий себя самым хитрым федерал переходит к финальной части какой-то своей задумки:

— … таким образом, я вам прямо сейчас установлю рабочий аналог этого чипа. Процедура займёт не более двух часов, по истечении которых вас можно будет внести в федеральный реестр.

Глава 24

После тупой и непонятной смерти напарника из-за самоподрыва, по всем правилам, ему надлежало бросить всё и вернуться в столицу.

Когда операция не достигает намеченных целей, а группа исполнителей несёт потери, в системе выполнятся так называемая «ревизия».

Причины потерь, кстати, методически неважны: толи мишень попалась слишком прыткая, толи торнадо налетел непредвиденно — это всё уже не имеет значения. Важно то, что разбираются с затыками совсем другие люди.

Находившийся сейчас в медблоке Корпуса мужчина небезосновательно предполагал, что эти «другие» от них, по большому счёту, ничем не отличаются. Лишь стоят ближе к источнику приказов (читай — к кормушке) и имеют личные связи там, где от него самого требуются лишь безукоризненные профессионализм и лояльность.

После потери недешёвого комплекса и выбытия напарника, по всей логике, на место событий следовало ожидать группу «ревизоров», для независимой оценки действий членов спецгруппы, которая не выполнила поставленных задач.

В обычном смысле, это не расследование (расследованием, если оно случается, занимается официальная группа). Это лишь внутриведомственный анализ событийной цепочки во времени и пространстве.

Если бы дело было в колониях, следом за ревизорами логично было бы ожидать и группу контролеров, которые отслеживают воздействие «ревизоров» на окружающую обстановку, чтобы при необходимости затереть следы, оставленные случайно или намеренно.

По сути дела, ревизоры выявляют ошибки, а контролеры эти ошибки удаляют. Иногда действуют несколько независимых друг от друга групп или людей.

Нынешняя же ситуация уже больше года отличалась от стандартной количеством кормушек. Как следствие, отдавать приказы лично ему имела право более чем одна «голова».

Находившийся сейчас в медпункте исполнитель ещё пару лет назад, на этапе идиотских новшеств и реформ, про себя думал: ничего хорошего в двойном подчинении не будет.

Тогда затеянные изменения, во-первых, именно в их подслужбе происходили негласно. Во-вторых, подсознательно всегда надеешься на то, что именно с тобой ничего плохого не случится и что

нововведения как-нибудь рассосутся сами, обходя тебя стороной.

Увы. Корректирующий приказ уже не из департамента колоний, а из второго комитета, свободы выбора не оставлял.

Ревизоры и контролёры сейчас были бы манной небесной.

Увы.

Вообще-то, если подумать, риск был минимальным. Лично он ничего пацану делать не собирался. Его задача — загрузить в хирургического робота медсектора нужную программу, нужный чип (взятый, кстати, в спецтипографии из опломбированных запасов) и установить этот чип под видом шунта конкретному фигуранту.

Что будет дальше — уже не его забота.

Может, федеральной правительство желает всего лишь лично контролировать сердечный ритм несовершеннолетнего сиротки? Чтоб с ним, не дай бог, ничего не случилось?

К сожалению, долбаный пацан откуда-то был осведомлён о порядке оформления документов на подобные действия. И сейчас номер второй двойки-неудачницы проявлял чудеса изворотливости, подставляя нужные документы в сеть корпуса из спецтипографии. Хорошо, соответствующей канал связи с двухэтажкой активирован…

— Да, конечно. — Со стороны, заподозрить в нём злобу и волнение было невозможно, поскольку мимикой он владел. — Вот сертификат качества на ваш имплант… сертификат на процедуру установки… выписка из ЕГРИП, сведения о производителе шунта…

— Я вольнонаёмный! — напомнил пацан о моменте, который двойка из виду упустила.

К сожалению, Корпус — тоже федеральное учреждение, причём армейское. Тут своя свадьба; и допусков департамента колоний хватает далеко не во всех местных директориях.

Им, как стоящим на задаче, было понятно, что пацан здесь на особом положении. Но выяснить подробности до этого момента не представлялось возможным. А сроки, как и команды из столицы сразу из двух дверей, давили похлеще бульдозера.

— Со всем уважением, — буднично кивнул мужчина, продолжая выбивать дроби из рабочего планшета. — Вы вольнонаёмный. Статуса вашего никоим образом не оспариваю.

— Мне нужна ещё памятка о возможных побочных действиях вашего шунта, — пожал плечами пацан. — И документы о страховом покрытии при последствиях. Ну и, сами понимаете: деньги счёт любят.

— Последнее к чему? — позволил себе поднять бровь второй номер.

— Жду также банковскую гарантию суммы стоимости страхового покрытия. Я вольнонаёмный! — напомнил фигурант

ещё раз.

Второй поморщился, а пацан извиняющимся тоном добавил:

— Простите. Этот язык у меня не родной. Я понятно сказал?

— Вполне. — Внешне бесстрастно кивнул мужчина.

А про себя выматерился. Вообще-то, именно финансовую часть операции ему должна была обеспечить местная врачиха. По процедуре, страховка федерального служащего ведётся исключительно медсектором его постоянной дислокации. Но врачиха сразу обозначила границы того, чего она ни в коем случае делать не будет, предложив жаловаться на неё, куда угодно. Хоть и непосредственному начальству.

Видимо, что-то заподозрила, стерва.

К счастью, у мужчины имелась копия почти полного личного дела пацана. В нём, в части психологического портрета, заполняемого куратором в обязательном порядке, значилось помимо прочего: «… Не уверен в себе. Легко попадает под чужое влияние, из-под которого боится выйти в дальнейшем — компенсаторное от заниженной самооценки. Склонен подчиняться без размышлений, поскольку легко признаёт чужое старшинство в иерархии. Крайне неагрессивен. Исполнителен, аккуратен до подобострастия…»

Честно сказать, именно личное дело фигуранта и сподвигло второго номера окончательно на вояж в медсектор. Он здраво рассудил: если будет накладка, на хлипкого сироту можно тупо наехать авторитетом. Всего-то и надо, что шунт установить.

А уж какая команда и откуда по тому шунту впоследствии прилетит — это не его дело. Особенно если случится это, скажем, через несколько дней. Когда он сам будет далеко отсюда.

Мужчина даже не подозревал, что куратор фигуранта имел массу скверных привычек, приобретённых до попадания в Корпус в роли преподавателя. У подполковника Бака (именно это имя значилось в деле пацана), помимо вздорного характера, была ещё одна черта. О ней знали близкие товарищи и непосредственный начальник, но не подозревали все остальные, к научной работе подполковника не допущенные.

Бак уже много лет, с самого прибытия в Корпус, во все личные дела соискателей заполнял один и тот же психологический портрет. Путём его копирования из внешнего источника.

Разумеется, вставляемый им во все файлы, из года в год, без изменений, один и тот же абзац не имел никакого отношения к реальным личностям работавших с ним.

Просто ему было удобнее использовать однажды подготовленный текст — это экономило время.

Во-вторых, подполковник получал реальные и солидные роялти

с результатов многих научных работ, выполненных совместно с соискателями. В-третьих вытекало из пункта два: чтоб избежать того же переманивания перспективного человека в организацию или заведение повыше, реальной информации о нём следовало давать как можно меньше.

Что Бак и делал вот уже более пятнадцати лет, периодически нарываясь на беззлобную ругань заведующего кафедрой.

Полковник же во главу угла ставил результативность. К Баку в этой части претензий не было. Финты последнего в части заполнения личных дел соискателей, с точки зрения непосредственного начальника, тянули максимум на поржать вместе за пятничным вечерним кофе с арманьяком.

———

Сидящая возле выхода Чоу, кажется, не испытывает ни малейшего неудобства из-за своего частичного неглиже. Вытянув вперёд якобы повреждённую ногу, она старательно загораживает единственный выход.

По договорённости с Анной, нам нужно всего лишь продержать этого типа до прибытия людей её отца. Остальное уже их дело.

Хаас сказала, в случае поимки с поличным этого типа, их клан как-то там нехило приподнимется в местной табели о рангах. А вопросы неведомых федералов из непонятных ведомств в мой адрес автоматически отойдут на второй план. Просто потому, что всем резко станет не до меня.

Она принялась было что-то занудно пояснять о Федеративном Совете, состоящем из совокупности таких вот муниципалитетов плюс колоний, но я не стал вникать. Достаточно и того, что совместный план по внутренней связи утвердил Алекс.

На наше с Чоу счастье, силу даже не приходится применять.

Камила тихо сидит в своей подсобке, а федерал лихорадочно рожает документы, которые я у него прошу по одному. Перечень бумажек, кстати, получен от Хаас.

На этапе медицинской страховки тип отчего-то запинается; и я вижу благодаря чипу, что этого момента он вообще не контролирует.

Хм. Я был лучшего мнения о федералах. Отправить мужика нарушать сразу несколько параграфов достаточно серьёзных законов, и не снабдить соответствующими документами — это тянет на отдельный приз за дебилизм.

От Анны мы с Чоу знаем: чем больше документов этот мужик сейчас нам родит, отвечая на все мои законные требования, тем больше какая-то там доказательная база у Хаасов.

Анна не сказала вслух, но Чоу пояснила мне на своём языке:

у Хаасов есть какой-то двойной агент, который сидит на, я не понял каком, протоколе документооборота. С перебежчиком же, как говорит китаянка, и доказывать особо ничего не надо. Достаточно лишь его должным образом оформленных показаний, под медицинский датчик, подтверждающий правду.

А сейчас этот тип явно путается и потеет в вопросах медицинской страховки.

Чоу, что характерно, делает вид, что напевает на своём языке песенку, нимало никого не стесняясь. Только в стихи она чудным образом рифмует свои инструкции мне:

— *Если этот вдруг соберётся на прорыв, не мешайся под ногами. Я справлюсь сама. Вижу по твоей морде, что у тебя опять своё мнение. Пожалуйста, соблюдай, о чём мы договорились.*

— *Вообще-то, этот мужик сейчас, по ряду показателей, как под хорошей наркотой.* — С сомнением констатирует Алекс с другой стороны. — *Если б не видел своими глазами, не поверил бы, что это вообще возможно.*

— *Его надо опросить сразу по горячим следам.* — Не унимается китаянка. — *Если ты ему чрезмерно задвинешь, можно потерять время. Пока будем его приводить в чувство. А так я его просто усыплю на ходу. А потом разбужу собственноручно.*

На удивление, нефиксируемое и никак не регистрируемое вмешательство Чоу в наше с мужиком общение делает процесс ожидания подкрепления совсем несложным. Тип начинает тревожиться только тогда, когда в медблоке появляется пятёрка Хаасовских головорезов, без предисловий разряжающие в него сразу два инъектора.

_____

— Алекс. Я понимаю, что мои личные просьбы, как и распоряжения, доходят до вас в очень усечённом формате.

Бак, засунув руки за спину, ходит по кафедре от окна к двери.

Заведующий кафедрой тоже в наличии, но он отмалчивается.

— Я понимаю, что у вас, видимо, стоит какой-то фильтр. — продолжает куратор. — КОТОРЫЙ, ЧЁРТ ПОБЕРИ, РОВНО В ТРИ РАЗА КАСТРИРУЕТ ВСЁ ТО, ЧТО Я ВАМ ПЫТАЮСЬ ТАЛДЫЧИТЬ! — орёт он, уже не стесняясь. — КАКОГО… ВЫ НЕ ИЗВЕСТИЛИ МЕНЯ О ВЫЗОВЕ В МЕДПУНКТ, ЕСЛИ ПРЕДПОЛАГАЛИ ПОДОПЛЁКУ?!

— Это был сплошной экспромт. Во-первых, представитель управляющей компании Чоу ЮньВэнь, упрятавшая меня в ваш Корпус, настаивала именно на таком порядке. Во-вторых, мой законный представитель в федеральном суде, семья Хаас, предложила раз и навсегда отсечь все вопросы ко мне из столицы. — Вздыхаю.

Вид орущего Бака — это не то, что мне сейчас хотелось бы созерцать. Но и Камила, и Чоу, и Анна единодушно вытолкали меня к нему объясняться, когда он потребовал своего соискателя к себе в ультимативной форме четверть часа тому.

— КАКОЙ В СРАКЕ ЭКСПРОМТ?! — продолжает разоряться Бак. — Слушай, ну я не знаю, что с ним делать! — уже более спокойно он поворачивается к своему начальнику и разводит руками. — Ну нет у меня рычагов давления!

— Давайте попробуем разобраться все вместе, что происходит. — Полковник дипломатично ёрзает в кресле, сверля взглядом Бака. — Оценим, так сказать, обстановку со всех сторон. А уже потом будем решать, кто сейчас прав.

* * *

— Вообще-то, досадно, что вы не считаете нас с собой на одной стороне. — На контрасте с куратором, заведующий кафедрой смотрится выигрышнее. Поскольку не орёт. — Вам доводили, что мы кровно заинтересованы в вашем функционировании и не заинтересованы в деятельности других учреждений в нашей зоне ответственности?

— Подполковник Бак пояснял.

— Могу спросить, почему вы тогда нарушили его прямое распоряжение? — полковник говорит вежливо-вежливо, но мне почему-то становится неловко.

— Цейтнот. Слишком много интересов в одной точке. Я, Хаасы, управляющая Компания. Мы и так еле договорились, на троих, — поясняю. — Это с учётом того, что Хаасов в плане представляла полностью лояльная ко мне Анна, которая мои интересы от своих не отрывает. Если бы в план вводилась ещё одна сторона, например, вы, то управлять событиями было бы намного сложнее.

— Я бы не был так уверен в бескорыстии местных кланов, — рассержено ворчит Бак, но его останавливает начальник, чуть отрывая ладонь от стола.

— Лично моё мнение. Речь могла идти о моём физическом выживании. — Продолжаю пояснять. — Мои извинения, но вы представляете всё ту же федеральную сторону.

— Которая сейчас даёт показания представителям кланового совета. — Вздыхает Бак. — В лице задержанного. И разницы между нами ты не видишь, да?

Хм. А раньше он «ты» никогда не говорил.

— Успокойся, — примирительно вскидывается полковник. —

Пацан действительно может не понимать разницы.

— Ты в курсе, что Корпус, как один из твоих фактических попечителей, уже уведомлен кланом Хаас о ненадлежащем исполнении федеральных обязательств в адрес несовершеннолетнего? — спрашивает куратор, продолжая попирать свою обычную вежливость. — Также, выставлено уведомление о недоверии компетентности федеральных институтов на территории муниципалитета на твоём примере.

— Кем? — ошарашено откидываюсь назад.

— Кланом Хаас, как спикером совета кланов, — спокойно и буднично отвечает Бак.

— Когда успели?! Я же только с Камилой и Чоу поболтал, да чаю попил! — поражаюсь до глубины души.

Люди Хаас увезли куда-то того типа сразу, как будто его и не было.

Анна перезвонила через пару минут и сказала, что вечером уже будет в Корпусе: её исключение за аморалку аннулировано, какие-то там документы прогрузятся в течение часа.

На радостях, мы ещё какое-то время поболтали с ней. После чего я попил чаю с китаянкой и Камилой (они, правда, пили кофе и спиртное, но то не моё дело).

А потом мой комм уже привычно активировался принудительным вызовом Бака и он безальтернативно затребовал меня пред свои очи.

_____

Там же. Через некоторое время.

— Ты с ним постоянно так общаешься? — нейтральным тоном спрашивает заведующий кафедрой у куратора, спокойно ожидающего приготовления кофе.

— Во-первых, пацан неуправляем. Согласен? — абсолютно спокойно отвечает Бак. В его голосе не слышно и доли предыдущей нервозности. — Во-вторых, его как-то можно держать в узде только через чувство вины. В-третьих, я уже слишком стар, чтоб перестраивать собственный имидж под одного-единственного независимого соискателя, за всю мою карьеру. А в-главных, мы с Луизой только задаток за эти магазины косметики внесли, вот позавчера.

— А-а-аха-ха-ха-ха… — заведующий кафедрой разражается взрывом неконтролируемого смеха. — Последний пункт главный?! У-у-у-ху-ху-ху-ху…

— А ты представь, как она мне мозги через трубочку высосет, — сварливо парирует Бак. — Если либо собственность родственников федералов сейчас повышенным налогом обложат. Или документы на оформление в муниципалитете затормозятся

— она ж тоже считается федеральной.

— А что бы изменило, если б пацан тебе час назад сообщил всё? — неподдельно интересуется полковник. — ТЫ ж всё равно задаток оставил?

— Попробовал бы вернуть деньги вначале, — чуть обескураженно пожимает плечами куратор. — Пусть и с дисконтом. Вдруг бы получилось договориться?

Следующие две минуты с кафедры в коридор доносятся только невнятные звуки, напоминающие раскаты смеха.

За некоторое время до этого.

Отдавая дочери комм вместе с полномочиями, Грег планировал весь день посвятить одному заранее запланированному занятию. Если честно, это было принятие алкоголя.

— Батя, ты сегодня что, весь день пьёшь? — Анна, кстати, всё отлично поняла насчёт намерений отца, судя по её неодобрительно сверкнувшим глазам.

Спорить с ним, впрочем, девочка тоже тактично не стала.

— Такому выбору существует оправдание, — пьяненько похихикал Хаас-старший в ответ, хотя никому ничего объяснять был не обязан. — Расслабляюсь нечасто, а важных дел на сегодня не планировалось. До этого самого звонка.

Супруга с утра была занята с тёщей и тёщиными подругами-кошёлками, а встречами с кем бы то ни было старший юрист клана был сыт по горло.

Анна молча кивнула, взяла отца за кисть руки и мазнула его большим пальцем по датчику, в его присутствии выдавая себе все полномочия на работу с родительским коммом.

Через некоторое время Грег, смешивая в высоком стакане не первый за сегодня сложный коктейль, удовлетворённо хмыкнул: доносившийся из другого крыла голос дочери намекал на бурную деятельность по задержанию федералов, посягнувших на её же малолетнего доверителя.

То, что доверителем был формально федеральный пацан, ровным счётом ничего в раскладе не меняло.

Грег отлично знал цену учебно-тренировочным мероприятиям, призванным на уровне рефлексов вбить правильные шаблоны в пустые головы подрастающего поколения.

Сегодняшний день, с точки зрения профильной подготовки Анны, можно было считать удачей. Кстати, сам отец профилем считал не искру огня, а юриспруденцию. Справедливости ради, в искре дочь тоже успевала более чем пристойно.

Если называть всё своими именами, сегодня один федерал (служащий специальной типографии) сдал других федералов.

Поскольку собирался на пенсию, дальнейшее своё будущее связывал с работой на семью Хаас, а шанс оказать такую услугу выпадает нечасто.

Другие федералы, в свою очередь, вроде как злоумышляли против третьего федерала же, сиречь Алекса. Который, опять же в свою очередь, вроде как находился на попечении семьи. Через Анну.

Как бы ни пошли дела в этой ситуации, Хаасы в данном деле оказывались исключительно бенефициарами. Даже чуть затуманенный алкоголем мозг Грега это отлично понимал.

Кто бы ни пострадал, это в любом случае будет федеральная сторона, а не свои. А в выигрыше по определению будет лишь семья юристов.

Ну, может, ещё Алекс. Если Анна каким-то образом прыгнет выше головы и сумеет захватить полноценного пленного, невзирая на его вероятное сопротивление.

Грег не строил иллюзий насчёт талантов дочери. По опыту, он отлично представлял и уровень подготовки, и степень обеспечения операции, которую пытались провернуть в муниципалитете залётные гости из столицы.

С учётом несовершеннолетия Алекса, осечек со стороны федералов физически не могло быть: не тот уровень ответственности в случае провала.

Ещё через пару часов Грег икнул, поперхнулся содержимым высокого стакана и широко раскрыл глаза от удивления: взятая дочерью напрокат группа клановой физзащиты впихнула в холл второго этажа средних пропорций мужчину, чьё ошарашенное лицо не оставляло сомнений в том, кто он такой.

Из другой двери, со стороны своей комнаты, в зал тут же вышла Анна, вооружённая родительским коммом и всё это время поддерживавшая связь с группой.

Вслед за мужчинами, со стороны улицы, дверью хлопнула молодая азиатка, костлявая девка лет двадцати пяти на вид. Хлопнув Анну по подставленной ладони, узкоглазая скомандовала четвёрке боевиков:

— Зафиксируйте у чего-нибудь тяжёлого и исчезните. Дальше мы сами.

Старший группы, деликатно игнорируя присутствия Грега со стаканом в руке, вопросительно поглядел на Анну.

Дочь молча кивнула, подтверждая слова азиатки, и нетерпеливо помахала клановым бойцам рукой в сторону двери.

Хаас-старший, мгновенно трезвея, выплеснул остатки содержимого своего стакана в ближайшую глубокую пепельницу на полдесятка сигар и усиленно потёр виски.

— Анна, доклад. — Вежливо скомандовал он, ювелирно

запуская искру в направлении собственного мозга.

Убрать опьянение сейчас нужно было очень быстро.

— СТОП! — ничуть не стесняясь, отменила его слова, в его же доме, вошедшая последней девка-иностранка. Игнорируя его мгновенно наливающиеся кровью глаза. — Анна, давай лучше я его протрезвлю? — азиатка многозначительно указала глазами вначале на пустой бокал, затем на Грега, после чего скорчила презрительную рожу.

Грег вдохнул и выдохнул, не позволяя себе сердиться. Отношения выяснить можно будет и потом.

— Я врач. — Примирительно сообщила ему гостья дочери. — Чоу ЮньВэнь. Пекинский университет ханьской традиционной медицины.

Хаас-старший мгновенно успокоился и кивнул, тут же подставляя свою голову под её руки.

Помощь китаянки была действительно много лучшим решением, чем грубая нейтрализация молекул алкоголя внутри собственного кровотока собственной же искрой. Ещё и с пьяных глаз.

Пока эта Чоу трудилась над ним, он лихорадочно вспоминал, где мог о ней слышать. А когда вспомнил, удивился ещё сильнее.

Чоу работала на смешанный клан местных и иммигрантов, обслуживавший некоторые федеральные направления в муниципалитете.

Поскорее бы протрезветь. С подачи дочери, интрига закрутилась так бойко, что он был к тому банально не готов.

Кстати, мгновенно стало понятно, каким образом в руки Анне живым и невредимым попал этот федерал, о котором сообщили из спецтипографии: ханьскую врачебную искру недооценивали на уровне государственной политики, но не на уровне юридического клана.

Грег очень хорошо помнил, сколько иногда стоят услуги привлекаемого китайского медицинского специалиста, который всего лишь из-за зеркала сообщает, правду ли говорит конкретный человек.

_____

Когда я возвращаюсь с кафедры в медсектор, Чоу там уже нет.

Оказывается, мой комм в момент общения с кафедральным начальством был отключен (как интересно. Я и не знал, что Бак и такое может). Анна, что-то напутав из-за нервотрёпки и напряжения, забыла распорядиться, чтоб китаянка тоже ехала к ней: планировался то ли допрос, то ли беседа с задержанным мужиком и Хаас хотела обойтись исключительно своими силами. Типа, обращаться к отцу не буду, справлюсь сама.

— Чем Хаасам может помочь Чоу в процессе опроса, я не знаю, — развела руками Камила, уже здорово блестящая глазами и двигающаяся излишне расковано. — Но они вернулись за ней и её забрали с собой.

— Не Корпус, а какой-то проходной двор. — Вздыхаю.

Следующие пару часов мы просто гоняем чаи с Карвальо, обмениваясь впечатлениями. Ну, точнее, пьём мы кофе, причём она свой употребляет вприкуску с чем-то крепким.

А уже в самом конце наших импровизированных посиделок мне на комм приходит нецензурное выражение от Бака и копия документа от него же.

«Совет кланов… Муниципалитета, на основании… дело номер… несовершеннолетний… на попечении Корпуса… законные представители Хаас… о нарушении Федерацией в одностороннем порядке Договора от… дата»

Пока я думаю, что это всё в сумме значит, по внутренней связи прорезается Алекс:

— Хаасы каким-то образом получили поддержку кворума в этом вашем муниципальном паучатнике. Вон, гляди, подписи внизу документа электронные. Если я точно разобрался в ваших реалиях, это законная революция. Ну, то есть, пересмотр условий, на которых правящие кланы Муниципалитета соглашались являться федеральной единицей.

В ответ только присвистываю:

— Неожиданно. Лично мне даже неловко почему-то.

— Когда ломаются устоявшиеся системы, это всегда неприятно. — Вздыхает сосед. *— Но оно и так назревало. Смотри. С одной стороны, федералы демонстративно показывают угрозу одарённым со стороны простых людей, на твоём примере. С другой стороны, эти же федералы пытаются незаконно ввести тебе имплант, и едва ли чтобы позаботиться о твоём самочувствии. В-третьих, внутри местной Ассамблеи — разброд и шатание. Выступая первыми против явного залёта федералов в лице сегодняшнего «хирурга», Хаасы консолидируют элиту вокруг себя. Это только то, что вижу я.*

— Ещё Чоу. — Напоминаю. *— Она в итоге уехала к Хаасам. У неё тоже может быть своя игра.*

— Точно! Я и забыл, — виновато опускает плечи Алекс. *— Вернее, не учёл, — поправляется он. — С Чоу как раз понятно: чем больше тут противоречий между центром и муниципалитетом, тем её клану лучше.*

— Погоди. А для Рени какая выгода?! — притормаживаю не в меру разогнавшегося товарища. *—Ли, если что, только и живёт с посредничества между Муниципалитетом и Федерацией. Ему эти*

противоречия, если я понял верно, нужны в последнюю очередь.

— А кто говорит о Рени? — ответно удивляется Алекс. *— Я о настоящем клане Чоу. Я о Поднебесной, уж не знаю, кого именно она оттуда представляет. У них там кучи всяких конгломератов и в хитросплетениях чёрт ногу сломит. С моим миром ничего общего в политике, кроме языка и культуры. Я понимаю, что она откуда-то с достаточно серьёзного верха в своей провинции, но точнее ничего сказать не могу. А ваш муниципалитет, как ни крути, ялвяется логистическим горлышком бутылки в товарообороте доброй трети колоний и Федерации.*

— Интересно, насколько это всё серьёзно. И чего дальше ждать.

— Моё образование говорит, что являться центром урагана безопасно только в сказках метеорологов. — Угрюмо комментирует Алекс. *— Как-то на нас с тобой слишком много процессов завязано. И везде мы с тобой если не инициаторы, то, как минимум, главное действующее лицо.*

— Ладно, попробуем не париться… Помнишь, мы в самом начале, ещё в Квадрате, так и так собирались о себе заявлять? Мы же этого и хотели? Нет?

— Помню. Но в реальности оно чего-то не так интересно, как озадачивает и пугает, — ёжится его проекция в ответ.

Глава 25

— Наслаждаешься? Завари и на меня. — Хмуро бросает Жойс с порога.

Вытащив ноги из ботинок и оставляя по пути за собой на полу фрагменты одежды, она направляется в санузел.

Откуда появляется минут через десять, распаренная от горячей воды и уже в чуть более позитивном настроении.

Я на момент её прихода сидел на своём премиальном стуле и в третий раз, от нечего делать, варил кофе. Сейчас вот засыпал порцию и на неё.

— Подвинься. — Она сдвигает меня бедром в сторону и втискивается рядом, тут же жадно припадая к своей чашке. — Ты случайно жрать не хочешь? Может, сходим куда-то? Проветриться охота.

— У тебя такой вид, что я бы скорее заподозрил желание выпить. — Предполагаю осторожно, основываясь на информации из чипа. — Есть особо не хочу: мы у Карвальо часа два сидели, я там бисквитов наелся. У неё полный ящик, как из пайков вытаскивали.

— Знаю. — Вяло кивает моя половина, тяжело вздыхая и что-то взвешивая. — Молодому организму нужны витамины. Нехрен тестом брюхо набивать… Погнали!

Она залпом допивает чуть не половину более чем полулитровой чашки и решительно поднимается.

_____

До заведения с многоговорящим названием «САН ПАУЛУ», расположенного в верхней части города, решаем идти пешком.

— Мне необходимо расслабиться и подумать, — вздыхает то и дело Жойс, наотрез отказываясь давать объяснения. — А тут самое оно: речка по дороге, клумбы вон с цветами вокруг, даже кусты какие-то… идиллия.

— Дорога до точки идёт через пару таких районов, что идиллическими их точно не назовёшь, — смеюсь на ходу.

Мы, не сговариваясь, взяли друг друга за ладони, как дети. Сейчас, наверное, со стороны выглядим школьниками.

— Срать на те районы. — Отмахивается она. — У меня ствол. У тебя тоже.

— Инъектор, — поправляю её, — но как скажешь. Слушай. Не подумай, что я лезу не в свои дела, — дальше в точности копирую её вздох. — Но я, во-первых, вижу, что что-то случилось. Во-вторых, мне пришло уведомление, что ты с нашего маркетингового счёта сняла все деньги. В-третьих, у тебя сейчас в

три раза меньше дофаминов и эндорфинов в крови, чем в твоём стандартном состоянии. А норадренлина наоборот, примерно настолько же больше. Ну хочешь молчать — молчи. Кто я тебе такой, чтоб расспрашивать… но вообще-то, это где-то обидно, да.

— А откуда знаешь про норадреналин и дофамин?! — моментально вспыхивает интересом Жойс, тут же переключая внимание с размышлений на меня.

— Вот что в тебе хорошо, так это мгновенная смена фокуса, — вместо ответа на вопрос, поднимаю на секунду её ладонь в своей. — Держу тебя за руку. Ты выделяешь много чего через железы на ладони. Я с помощью чипа анализирую. Обычное дело для ханьской искры.

— А-а-а, понятно, — разочарованно вздыхает она, затем снова загорается интересом. — А что ты там про смену фокуса говорил? Что во мне хорошо? Я прослушала начало.

— Твой личный рекорд, когда ты дулась бы и нервничала по какому-либо поводу, семнадцать минут. Ну, при мне, — уточняю. — И непрерывно.

— Это когда я столько тормозила? — неподдельно изумляется она, выныривая наконец из сумрачного состояния психики.

— А в суде, когда мы только познакомились. — Опять смеюсь, припоминая некоторые яркие детали. — Ты пыталась отвлечься, расспросить меня получше и, попутно, давила кисляки по какому-то поводу. На заднем плане.

— Это, интересно, о чём я тогда думала? — напрягает память она. — Хоть убей, не помню.

— А суд для тебя не является фактором, снижающим эмоциональный тонус?

Дальше прыскаем синхронно, кажется, спугивая с лавочки засидевшегося кота.

— Дом продала только что. Срочно. Свой, который… — без перехода выдаёт Жойс.

— НЕ УТОЧНЯЙ. Я помню.

— Ещё с личного счёта сняла всё, что было. И тут же отдала.

Молчу, ожидая продолжения.

— Ты, может, не в курсе, но у вас тут сейчас какая-то революция то ли случилась, то ли в самом разгаре, — наконец решается на откровенность она. — Ваш муниципалитет в одностороннем порядке приостановил действия всех экономических соглашений с Федерацией, буквально за полчаса.

— Знаю, я читал меморандум. Мне куратор сбросил на комм, — поясняю под её удивлённым взглядом. — Продолжай.

— Для всех федеральных подакцизных грузов, следующих к

вам либо через вас, введено обязательное страхование. — Снова хмурится моя подруга. — В размере их таможенной стоимости. А я как раз партию гнала на реэкспорт, плюс вложилась в многократное увеличение складского запаса. Раз на выделенном нами участке стандартизация торговой сети себя оправдывает, значит, надо масштабироваться. Под это складской запас увеличила…

— Э-э, погоди. Если всего в агломерации тысяч пятнадцать подходящих нам по формату торговых точек, — вывожу на внутренний интерфейс константы, сохранённые Алексом в виде отдельной базы. — А мы вошли только в полторы сотни из них… это насколько ты увеличиваться собралась?

Жойс красноречиво молчит.

— Только не говори, что в сто раз! — У меня начинает оформляться достаточно рельефное подозрение.

— Ну почему в сто, — она в очередной раз вздыхает. — В сто, это если только этот город брать. А я думала и соседние два региона закрыть месяца за два: техника Моше же позволяет.

— Не буду ничего говорить. Твои деньги — не моё дело. — Широко раскрыв глаза от удивления, усилием воли выбрасываю все дурацкие мысли из головы.

— Угу. Моё решение — мои последствия. — Вяло соглашается бравая сержант. — Тем более, формально, деньги должны со временем вернуться. Просто сейчас пришлось даже дом продать, чтоб товар не застрял. А то там по процедуре, если не внесён залог, его конфискуют и он автоматом с временного фискального хранения едет на склад конфиската.

— Какой-то грабёж получается. С этой стороны, я нашу революцию не рассматривал, — обескураженно бормочу под нос.

— Ну-ка, ну-ка? — моя подруга на ходу безошибочно хватает свободной рукой меня за подбородок, на мгновение поворачивая моё лицо в свою сторону. — Теперь ты рассказывай! Ты там каким местом?!

———

Долбаная революция вообще оказалась делом рук Алекса и этой белобрысой. Китаянка, мать её, похоже, тоже поучаствовала.

Когда Алекс рассказал ей за три минуты всё в деталях, включая арест муниципальным кланом псевдо-хирурга в медсекторе Камилы, Жойс истерически ржала минуты две, пытаясь избавиться от досады.

Почти получилось.

Было ещё кое-что, чего она Коротышке поначалу говорить не стала. Это была не первая такая ситуация на её памяти; просто раньше деньги в таких моментах принадлежали не ей.

По её личному опыту, все такие эскапады всех без исключения муниципалов всегда заканчиваются перетасовкой карт в колоде: если по-простому, перераспределением баланса и бюджетов в конкретном муниципалитете.

Все федеральные финансы, попавшие в такие моменты на счета местным, как правило, безвозвратно сгорали в горнилах таких «революций»: от обязательств никакой муниципалитет впоследствии не отказывался, но выплачивал задолженности потом годами, по одному сантиму. Прикрываясь сложностью принятия новых законов о бюджетах региона.

Все понимали: если федералы накосячили, вира должна быть уплачена.

Местные кланы не только тут, а вообще везде, знали: эти несколько часов или дней — как те трое суток, что военачальник даёт на грабёж захваченной крепости.

Всё, до чего успеешь дотянуться — твоё.

К сожалению, долбаная искра Алекса и тут проявила себя некстати:

— Ты недоговариваешь, — потряс он в воздухе её ладонью после того, как они всё обсудили не по одному разу, и даже вместе посмеялись дважды или трижды.

— Не хватает девяносто трёх тысяч. — С чистым сердцем бухнула она то, чего не собиралась говорить ни под каким соусом.

Пусть бы лучше часть товара пропала.

Где взять оставшуюся почти сотню тысяч в течение оставшихся до конца муниципального ультиматума часов, сержант Кайшета искренне не представляла.

— Теперь точно всё, — тряхнула в воздухе волосами Жойс, сплёвывая влетевшую в рот случайную мошку далеко-далеко, через семиметровую клумбу.

— И снова, это было обидно. — Вздохнул Алекс в этом месте, высвобождая свою левую ладонь и извлекая дешёвый комм примитивной казённой модели.

Жойс поначалу не поняла его манипуляций. Ей отчего-то пришло в голову, что он попросит помочь знакомую братву из Квадрата, но, видимо, напряжение последнего времени отрицательно сказалось на её мозгах.

— Лови. — Хмыкнул Алекс минуты через три.

А её комм, в свою очередь, высветил уведомление о поступлении недостающей суммы на её личный счёт.

— Откуда? — На ходу подивилась она, тут же перегоняя остаток пошлины-страховки на реквизиты местного департамента доходов (в этом муниципалитете таможня и налоги находились

под одной крышей, официально именуясь Департаментом Муниципального Дохода. Чёртовы свиньи).

— С дуэли остались. Я же не тратил. Плюс зарплата капала исправно, плюс роялти, первая сумма за закрытие темы от Бака, — буднично пожал плечами пацан. — У меня сейчас на личном счёте больше, чем было у матери за всю нашу с ней совместную жизнь. — Уже тише зачем-то проговорил он, не заботясь, слышит ли его она, поглощённая делом.

— Федералы стараются делать так, чтоб вам было с ними выгодно, — не отрываясь от процедуры, подтвердила Жойс. — Часть политики. Это, слушай… Не хотела говорить, но эти деньги может получиться вернуть нескоро. По моему опыту… — а дальше она без затей вывалила на него всё то, что сама думала о ситуации. — Но я знаю, где взять. Либо вытащу из оборота, как первый опт на реэкспорт отгрузим. Либо одолжу…

— Третий раз обидно. — Констатировал Алекс, подхватывая её за ладонь. — Ну давай ещё деньги между собой посчитаем!

— Согласна. Тупо прозвучало. — Повинилась девушка. — Но и вешать тебе на шею такие проблемы не хотелось! Тем более что схема моя. И спасаю её типа как тоже я.

— Главное, что мы есть друг у друга. — Веско поднял указательный палец парень. — Остальное как-нибудь наживём.

— Угумс, — мгновенно согласилась Жойс, на ходу прижимаясь к его щеке своей.

Для чего ей пришлось чуть наклоняться и выгибаться.

— Стоп, — прострелило её. — А у нас деньги на клуб есть?!

— У меня ещё больше десятки, — покосился Алекс. — Ты там на сколько гулять собралась?

— Фуф. Монет на двести. — С облегчением выдохнула Жойс. — А то я чего-то не сообразила, что я уже до сантима пустая…

— Ладно, расслабься. Ты ж слабый пол, — поддел её Алекс, безошибочно попадая в болевую точку. — Ещё и на нервах сегодня. Угощаю.

— Промолчу, кому мы обязаны этой революцией, — не удержалась от колкости Жойс, повторно изворачиваясь на ходу и пребольно щипая пацана за зад.

— Ага. Надо было дать ему себе тот имплант поставить! — хохотнул Алекс в ответ. — Был бы у тебя сегодня клуб!..

— Вот я дура. — С размаху заехала себе по лбу раскрытой ладонью Жойс. — Пардон. У меня сегодня язык обгоняет мозги. Мне надо срочно выпить, чтоб это исправить.

———

— Понимаешь, не было бы этого разового расхода, если бы не

эта камарилья с вашим муниципальным меморандумом. — Жойс по инерции оправдывается и по кругу повторяется, хотя вопрос уже исчерпан. — Но я более чем уверена, что бизнес эти деньги отобьёт. Я уже банкротилась, — неожиданно признаётся она. — Даже с казённым коммом, как ты, полгода бегала. — Кивок в сторону моего нагрудного кармана. — Бизнес, он как ребёнок. — Мечтательно закатывает глаза сержант Кайшета, поскольку заведение, куда мы направляемся, уже вырисовывается в конце улицы. — Чтоб он выжил на старте, иногда приходится изощряться ой как сильно. Наш попадос на все бабки — из-за резкой смены федерального горлышка бутылки. — Продолжает успокаивать себя она. — Тем более, с этой фишкой унитарной сети.

— Да я вообще никоим образом не возражаю. — Кажется, её самобичевание пора прекращать. — Тем более, какие наши годы. Меня только одно смущает: противозаконность.

В ответ Жойс лишь невежливо фыркает, на ходу касаясь меня виском.

— Ну не кажется мне, что развиваться стратегически есть смысл в нелегальном направлении. Не будешь же ты всю жизнь с бизнесом от закона бегать?! — по мне, такое логическое построение более чем обосновано. — Даже Камила говорит! Масса энергии может тратиться впустую на компенсацию чувства тревожности!

— Если это всё, что тебя тревожит, то позволь тебя успокоить. — Вежливо резюмирует Жойс, тормозя перед дверями заведения, чтоб договорить без шума и людей рядом. — Мне сейчас неудобно с тобой спорить, после этого всего. Но я ж сержант, так что, какого чёрта!.. — Решается она. — Ты не знаешь жизни. — Рубит она в лоб, склоняя голову к левому плечу. — Есть и двухсотлетние бизнесы, построенные исключительно на контрабанде. Регионы знать надо. Назвать?

— Если не секрет, — пожимаю плечами.

— Секрет, но не между нами с тобой. Ну лови… — она полторы минуты загибает пальцы.

А я после этого ловлю себя на том, что стою, как дурак, с отвисшей челюстью.

— Кто бы мог подумать. — Выдаю в ответ.

— А я тебе о чём, — уподобляясь кошке, фыркает она. — Это я тебе как федеральный армейский логист, допущенный к документам, говорю! То, что целые грузопотоки на просторах Федерации растворяются, усыхают, утрясаются и приходят в негодность до достижения транзитной таможенной границы, вовсе не значит, что все акты списания — правда! Уж поверь…

Это — только то, что лично через мои руки проходило! А сколько ещё есть того, к чему сержантского допуска просто недостаточно?

— Какая-то страна кошмаров. — Делаю закономерный вывод, ухватывая её за ладонь и увлекая к дверям. — Все имеют всех.

— А я тебе о чём! Реальность вообще очень отличается от того, что тебе по визору декларируют. А ты, «контраба-а-анда», — передразнивает она меня уже в холле заведения.

Где нам на уши обрушивается грохот музыки и мы закругляем обсуждение этой темы.

_____

К моему удивлению, от алкоголя в клубе Жойс вообще воздерживается.

Она просто любит шумные и людные места, потому наши посиделки ограничиваются обильным и плотным ужином.

Несмотря на мои опасения, никого из знакомых мы не встречаем (и слава богу). Если б ещё не музыкальный фон, из-за которого было невозможно говорить внутри, вечер в САН ПАУЛУ можно было бы считать тихим семейным ужином.

— … там же целые семьи! Понимаешь, табачная плантация в колониях — это, считай, семейный бизнес. — Увлечённо жестикулируя, Жойс по пути обратно посвящает меня в производственные детали. — Как и кофейная плантация! Видел когда-нибудь, как кофе растёт?

— Где? — возвращаю её с небес на землю. — Только если на картинках, в комме и в учебниках.

— Есть участок земли; владелец — обычно одна семья. На этом участке уже много поколений всё отлажено: и ключевая культура, и агротехники, и сбор урожая, и каналы сбыта. Что у кофе, что у табака. И если я не выкупила бы у своих, — она подчёркивает последнее слово интонацией, — поставщиков оговоренные объёмы, им могло банально быть не на что купить поесть через месяц. Табак же жрать не будешь… А ещё у каждой такой фермы есть наёмные работники, тоже поколениями работающие на одних и тех же операциях. В общем, тут не только наш бизнес. — Беззащитно шмыгает носом моя подруга. — Тут ещё и, по факту, вопрос выживания кучи людей. Я ж договорилась под плановые объёмы! Значит, надо выкупать то, что зарезервировали под меня.

— Поражаюсь скорости разворачивания дела. — Я действительно поражаюсь.

— В бизнесе всегда надо действовать быстро. — Повторно шмыгает носом бравая сержант. — Тут как в армии. Есть возможность для развёртывания и манёвра — немедленно занимай свободное место. Или через секунду на нём будет

наяривать кашу золотой ложкой кто-то другой.

— Я не знал, что ты увязала в финансовую схему ещё и закуп в колониях. — Говорю после небольшой паузы. — Теперь понятно, откуда такая сумма набежала.

— Угу. И сумма фискальной страховки на неё. — Жойс отстранённо перешагивает трещинки на асфальте, хорошо видные в свете фонарей. — Которая обязательна до особого распоряжения, которое не поступит раньше, чем закончится вся эта катавасия. С местным выяснением отношений.

— Так дело же всё равно в плюсах? Даже с учётом новой пошлины? — я, вслед за ней, успел по два раза пересчитать экономику. Потому стремлюсь видеть в происходящем только положительное.

— Да, потому что маржа закладывалась в триста процентов. Но такой пиковый рост расходов одномоментно… — сердится Жойс.

— Ладно. Не будем сокрушаться. Давай лучше о приятном…

_____

Предаться по возвращении в номере тому, что мы планировали заниматься, у нас не получается.

Откуда ни возьмись, следом за нами в коридоре возникает Хаас, весело топая по полу ботинками:

— О, как хорошо, что вы тут! А то мне хоть на скамейке ночуй!

— Тебя уже освободили? — спрашивает невпопад Жойс.

— Да, как ты тут оказалась? — изумляюсь следом за подругой. — Вроде же ещё несколько дней на утряску было?

— Вы что, не рады?! — моментально напрягается Анна, тормозя на ходу. — Скажите честно! Я найду, куда пойти…

— Что ты. — Подхватываем её с двух сторон под руки и вносим в номер, не обращая внимания на то, как она в воздухе перебирает ногами.

Благо, её невеликие размеры серьёзным препятствием для этого не являются.

_____

— … ну и Чоу помогла его опросить. — Завершает наша неглупая блондинка бравурное получасовое пояснение уже верхом на моём стуле.

Мы с Жойс плюнули на приличия и забрались вдвоём под одно одеяло.

— Абсолютно все федеральные законы на территории муниципалитета сейчас приостановлены, — возбуждённо размахивает руками Анна. — Соответственно, отстранение меня от занятий тоже актуальным не является. Это ж была команда из

федерального реестра!

— Да мы, некоторым образом, в курсе. — Жойс нечитаемо сжимает губы в узкие полоски. — В частности, изменения в беспошлинности следующих мимо федеральных грузов. С сегодняшнего дня, на все грузы вводится пошлина.

— Точно. — Весело поддакивает ей Хаас, не улавливая иронии. — Ввиду недружественных действий Федерального правительства! Прямо попирающих Закон о местном самоуправлении и все хартии между Столицей и муниципалитетом!

— Бл##ь. — Вырывается в сердцах у Жойс.

— А что дальше будет? — спешу переключить фокус беседы на что-то более приемлемое. — Теоретически, так и Корпус же могут закрыть? ДО выяснения, как ты говоришь?

— Не-а. — Беззаботно качает ладошкой в воздухе наша звезда юриспруденции. — Такие выяснения отношений всегда имеют один сценарий. Никакие прибыльные проекты не прекращаются. Просто муниципалитет гвоздит по федеральным интересам звонкой монетой, облагая пошлинами всё подряд. А федералы шлют, куда могут, представителей федеральных органов. Наподобие щупалец кальмара. Чтоб погасить недовольство и договориться с теми местными, кто что-то решает на региональном уровне. В нарушении процессов на самом деле не заинтересована ни одна из сторон: это ж не революция, а передел. — Она смотрит на нас, как бабушка на неразумных внуков. — Пользуясь возможностью. Кстати, спасибо Алексу…

— Но в процессе этого происходят определённые перестановки в муниципальной политической элите? — неожиданно уточняет Жойс, на самом деле закипающая под одеялом.

— Угу. А иначе, кто б с этим связывался? — как с само собой разумеющимся, соглашается Анна. — Ну и про государственное разделение труда и полномочий не забываем! Некоторые выгодные направления, типа добычи ископаемых, в такие моменты тоже часто меняют собственника с федерального на муниципального.

— Или органы, облагающие налогами импорт? — хмурится моя половина, как будто не желая униматься. — ТОже могут смениться?

Под одеялом успокаивающе накрываю её бедро своей рукой.

— Да. Это у нас вот сейчас будет! — кажется, Анна совсем не улавливает сгустившегося в воздухе напряжения. — Жойс, ты не понимаешь! Налогообложение — это такое же средство производства, как и завод, или фабрика, или плантация!..

Хаас не унимается с пояснениями ещё минуты полторы, после которых мы спроваживаем её на балкон, снабдив двойным комплектом одеял и утеплителей.

— Хотя на этом балконе можно голым сейчас спать. А кровать нам сегодня самим нужна. — Мстительно оставляет за собой последнее слово Жойс.

———

За некоторое время до этого.

— Подполковник Бак?

Машина старшего преподавателя будто случайно оказалась заблокированной прямо на выезде из Корпуса.

С водительского сидения некстати заглохшей колымаги в окно выглянул и приветливо улыбнулся абсолютно незнакомый человек.

— Извините, у меня бортовой комп перегружается, — продолжил он, ничуть не смущаясь. — Минуты три. Я сейчас освобожу проезд.

Словно случайно, незнакомец стрельнул взглядом на пассажирское сидение рядом с собой.

Бак, отстегнувшись, вывалился из своей машины и, бегло окинув взглядом окрестности, направился к небольшому, неновому, красному седану, явно взятому напрокат в ближайшем пункте.

— Слушаю вас внимательно. — Подполковник, не заморачиваясь приличиями, грузно плюхнулся рядом с водителем и откинул форменный китель назад, на плечи.

Демонстрируя непустую кобуру подмышкой, с правой стороны.

— Вы левша? — Удивился собеседник. — Впрочем, неважно. — Мгновенно взял себя в руки он под насмешливым взглядом офицера. — Вижу, вы не удивлены. Потому давайте сразу к делу?

— Давайте-давайте, — поддержал идею Бак. — Мне не улыбается опоздать на семейный ужин.

Затем он собственноручно нажал на кнопку перезагрузки бортового компьютера красной колымаги.

— Пока грузится — мы с вами общаемся. — Пояснил он удивившемуся незнакомцу.

Подполковник не стал добавлять, что с играми во втягивание в определённый формат общения ему тоже приходилось сталкиваться.

Из некоторых деталей, Бак чётко видел: сидевший перед ним федерал (тут без сомнений) был знаком с его личным подробным досье (тоже без вариантов).

Правда, с той его версией, что лежала в общем федеральном доступе. А не с более реальным и подробным вариантом, к которому имели допуск исключительно старшие офицеры Министерства Обороны, причём чётко оговоренного круга позиций.

_____

— Позволю себе перехватить инициативу, — продолжил Бак, составив вчерне примерное впечатление и о ситуации, и о собеседнике. — Давайте сразу определимся с целью нашей беседы? Может статься, что сами задачи, которые ставите перед собой лично вы, не имеют смысла. Потому давайте не тратить времени?

— Даже так, — убрал улыбку с лица собеседник. — Напористо. Ничего не скажешь…

— Я же из армии, — пожал плечами один из самых результативных кураторов Корпуса. — У нас словесная эквилибристика и упражнения в теоретической стилистике как-то не в чести. Так чего вы хотели, собственно? Давайте уважать друг друга, предлагаю последний раз.

— Окей. Я тоже представляю федеральную структуру, название которой, с вашего разрешения, опущу. — Мужчина машинально похлопал руками по рулю, словно решившись на что-то. — У нас возникла одна очень деликатная проблема…

— Если вы прибыли со следствием по поводу трупа на нашей крыше, то это сразу не ко мне. — Мгновенно сориентировался Бак, внешне изображая безразличие. — Если же вы по поводу того разини, который сейчас поёт соловьём у местных клановых, то вы тем более не по адресу.

— Вообще-то, ни то, ни другое, — с тщательно маскируемым удовлетворением ответил незнакомец. — Я по поводу вашего нового соискателя…

— Забудьте, — весело заржал подполковник, не заморачиваясь приличиями и перебивая говорившего ещё раз. — Что бы вы ни хотели сейчас сказать, просто остановитесь и забудьте! Поверьте, так будет лучше для вас в первую очередь. — Последнюю фразу офицер произнёс без тени улыбки, максимально серьёзно. — Расшифровать?

— Сделайте одолжение. — Спокойно согласился водитель, лицом не выказывая никаких эмоций.

— Если бы у вас был сколь-нибудь серьёзный личный уровень, вы бы не ловили меня тут. Вы бы либо встретились со мной официально на территории, — Бак качнул головой себе за спину, — либо связались бы через сеть, с более высоким приоритетом вызова.

— У вас комм отключен. — Мягко возразил так и не представившийся мужчина. — Я это принял за приглашение к личной беседе. Поэтому и появился таким образом.

Бак не стал говорить, что у него есть и второй комм. Айди которого отлично виден всем тем в системе, кто имеет сколь-нибудь серьёзный уровень допуска.

Вместо этого он набрал побольше воздуха и продолжил:

— Ваш «самопроизвольный» на крыше пас весьма определённое окно. Вполне конкретного человека, на которого у вооружённых сил Федерации есть свои планы. После того, как номер не прошёл, уже его дублёр попёрся в лобовую в медсектор. Где его и повязали местные кланы, поскольку территория Корпуса — не чистая федеральная вотчина. Это всё-таки продукт оч-ч-чень большого компромисса между местными и Столицей. Итогом вмешательства вашего ведомства в тщательно отлаженный баланс на территории стали, для начала, текущие потери Федерации в диалоге с местными элитами. Держим в голове, что задача по моему соискателю не решена, плюс у вас один труп и один пленный. Вернее, минус! — в последний момент поправился подполковник. — Вас напрягли сверху; понятно, почему. И, как водится, нарезали нерешаемых задач первому, кто им попался под руку. Поручив, видимо, принести в одной руке голову моего соискателя, а другой рукой потушить пожар здесь на местности. Вы же, прочитав что-то обо мне в деле, решили надавить на моё чувство долга и что там у меня ещё гипертрофировано, если верить штатному психоанализу.

— Примерно так. — Осторожно покивал водитель. — С одной поправкой. Офицер, который в своё время…

— НЕТ. — Резко сказал подполковник. — Не интересно. А знаете почему?

— Внимательно слежу за ходом вашей мысли.

— Потому что я одной ногой пенсионер, а не офицер. Скорее даже двумя ногами, но вторая сейчас как раз летит к первой. У федерального правительства, в лице любого из департаментов, нет ничего, что теоретически было бы интересно пенсионеру Баку. А всё, что мне нужно, я себе дам сам. Вы пришли в роли просящего, ещё и косвенно претендуя на результаты моего труда в лице соискателя. Как вы думаете, я буду вам помогать? Или попытаюсь максимально учесть ваши переползания по нашей территории?

Разговор в таком ключе, естественно, не планировался. Незнакомец помолчал какое-то время, затем всё же сказал:

— Вы так и не спросили, чего я хочу.

— Вы хотели предложить либо денег, либо материальных

благ за голову соискателя, — равнодушно пожал плечами Бак. — Но я же, кажется, уже ответил?

— А если это очень большие деньги? — вкрадчиво заметил мужчина. — До неприличия большие? Что, если в этой точке сошлись интересы сразу двух департаментов? Которые не хотят ссориться с министерством обороны, но и своими интересами жертвовать не намерены?

— О какой сумме говорим? — изобразил скуку подполковник, косясь влево на водителя.

Тот обозначил пальцем в воздухе пять нолей. Затем, подумав, добавил к ним шестой.

— Я могу подумать? — чуть встрепенулся Бак. — Не хочу сходу ни отказывать, ни соглашаться. Мне надо понять по нашим процессам, смогу ли я не оставить следов. Ведь заряженных исполнителей у вас тоже наверняка не осталось… а сроки горят.

— Могу подождать до тринадцати ноль-ноль завтра. — Живо прикинул что-то мужчина. — Но не выключайте комм. И наша беседа должна в любом случае остаться между нами.

— Договорились. — Хмыкнул подполковник и, не прощаясь, полез из машины наружу.

_____

По прибытии домой, Бак поцеловал жену и, с порога извинившись, уединился в домашнем кабинете.

Быстро активировав нужный набор программ на планшете, он прямо голосом надиктовал сообщение, которое отправил сразу двум адресатам.

Сегодняшний визитёр был явно понукаем кем-то издалека.

Бак и в голове не имел нарушать служебные инструкции либо предписанные процедуры.

Первым адресатом его короткого, но ёмкого доклада был неприметный отдел в главном штабе сухопутных войск.

Вторым адресатом был секретариат профильного комитета Федеративного Совета.

Как у офицера, двух мнений у подполковника в данной ситуации быть не могло: если что-то угрожает вооружённым силам, угроза должна быть купирована.

Да, возникали время от времени ситуации, когда политики ради политики были готовы жертвовать кем угодно (кроме себя).

Но Бак, помимо прочего, отлично умел считать деньги. Он очень хорошо понимал: финансовое обеспечение в виде ежемесячных отчислений (за успешный закрытый уникальный проект либо за призёра турнира для одарённых, да за десять лет) могут составить много больше, чем любая разовая выплата из федерального бюджета.

Он отлично знал обстановку по финансам и в стране, и в министерстве, оттого не понаслышке знал: никакой одномоментный платёж не перекроет многолетнего поступательного ручейка роялти. Особенно с учётом того, что его недавний собеседник вообще умолчал о налогообложении. Которое в данном случае могло достичь и тридцати восьми процентов.

Армия отлично умеет бороться, а лучше всего она борется за свои финансы.

Ну и куратором призёра турнира хотелось быть, чего уж. Даже не понятно, чего охота больше.

Глава 26

За некоторое время до этого.

Говоря откровенно, Грег Хаас вообще не думал, что у дочери из её затеи получится что-то серьёзное. Появлению полноценного пленного он был более чем удивлён.

В отличие от официальных точек зрения с обеих сторон, будучи юристом, отец Анны не обольщался насчёт содержания отношений: федералы и муниципальные элиты в любом регионе перманентно находились в состоянии войны. Пусть и велась эта война больше на бумаге, да в ассамблеях и арбитражах.

Прибывшая вместе с дочерью китаянка протрезвила его быстро и надёжно, как удар кувалдой:

— Трое суток минимум теперь алкоголя не пейте. — Предупредила азиатка, вытирая руки о заботливо протянутую ей бумажную салфетку.

— Почему это? — рефлекторно вскинулся самый главный юрист в доме.

— Аллергические реакции возможны. — Красноречиво присвистнула сквозь плотно сжатые губы гостья. — Поверьте, если выпьете — не обрадуетесь. Не умрёте, но удовольствия точно можете не получить. — Они тихо посмеялась каким-то собственным то ли мыслям, то ли воспоминаниям.

Задумчивый взгляд дочери, сопровождавший этот последний пассаж, Хаасу-старшему очень не понравился. Но уже ровно через две секунды необходимость действовать быстро отодвинула на задний план утилитарные бытовые вопросы.

— Анна, ты не против, если сейчас я покомандую? — тактично покашлял Грег, возвышаясь и над девочкой, и над сидящим на полу пленником. — Действовать надо быстро и точно. Мне будет спокойнее, если контроль будет в моих руках.

— Не против. — Ожидаемо согласилась Анна. — Только давай сперва согласуем задачи.

— Пк-х… Какие у тебя? — крякнул от неожиданности, внимательно стрельнув глазами себе под ноги, юрист.

— Первое: определить полный объём и формат команды: откуда вообще идёт идея установить несертифицированный чип Алексу? Второе: кто автор противозаконной инициативы?..

Грег со скрытым удовлетворением отметил: девочка старательно избегает формулировок, которые могли бы дать основания обвинить в предвзятости её или клан в целом.

Анна действительно была намерена вначале разбираться, потом действовать.

Кстати, он был психологически не до конца готов начинать бодаться с федералами именно в этот момент времени: на ближайшее будущее были чуть иные планы. Ровно до появления задержанного в доме.

— К сожалению, варианты усилить влияние выпадают всегда неожиданно. А война всегда начинается невовремя, — подытожил он на родном языке скорее собственные мысли, чем краткий и толковый протокол намерений со стороны собственной дочери.

Если опустить казённость формулировок, Анна в первую очередь хотела понять, что стоит за намерениями неизвестных «доброхотов» в адрес Алекса. А также, установить их точную локацию, то есть ведомственную принадлежность.

Для первого этапа, план и желания девочки были выше всяких похвал.

— Молодец, что не говоришь о наказании или конфронтации заранее. — Не удержался он от короткого поощрения.

— Как можно? — чуть оскорбилась дочь в ответ на Всеобщем. — Вначале надо оценить обстановку! Затем только принимать решения! Одно дело — частная инициатива, хоть и из официальных кабинетов, но со стороны отдельных лиц. Другое дело — федеральная позиция в целом…

— Федеральная позиция будет однозначной в любом случае, — издал короткий смешок отец. — Официально будет заявлено исключительно о частной инициативе отдельных служащих. Другое дело, что их список, в зависимости от итогов нашего следствия, может быть как из одной строки, так и из целого департамента.

———

Там же, в большом зале, через два часа.

— Ты умный. Если договоришься с нами — голосование обеспечено, неважно на какую тему. — Констатировал факт сидящий перед Грегом мужчина, не вкладывая в слова никаких чувств и эмоций.

— Да. Но только если мы все договоримся, — поспешил вставить массивный и грузный Пауль Штавдакер, против всяких ожиданий приглашённый в дом Хаасов первым.

— Ну, я всё-таки юрист. Возможно, даже неплохой, — поскромничал сегодняшний триумфатор, он же — принимающая сторона. — Я же обязан разбираться в источниках правовых решений и норм.

— А также в инструментах обеспечения легитимности решений! — веско оставил за собой последнюю реплику Штавдакер-старший.

———

Вопреки устоявшемуся мнению, на персональном уровне против Грега Хааса отец-Штавдакер ничего не имел. Как и против всего семейства в целом. Определённые трения между домами имели место, но скорее из-за позиции Хайке, как и её родни.

Когда в достаточно неурочное время раздался прямой звонок от неожиданного абонента, Пауль даже прервал то, чем он занимался (не при детях будет сказано), чтоб тут же ответить.

Хаас, в свойственной ему насмешливой манере, сообщил о задержании мутного федерала. Причём взяли мужика Хаасы на горячем: махинации с документами, чуть не покушение на их несовершеннолетнего доверителя.

Пауль быстро сопоставил информацию и пришёл к выводу: похоже, речь о том самом пареньке, что ухлопал Виктора.

Он на мгновение задумался, что ответить. Вплоть до этого момента, Пауль был на сто процентов уверен: кроме него, никто не знает, что Виктор не был его родным биологическим сыном.

Обнаружилось это, кстати, случайно, при сдаче некоторых анализов уже в Корпусе. Как ни парадоксально, но гены Виктора категорически исключали участие Пауля, к-хм, в его производстве на свет. Что прямо вытекало из абсолютно точной констатации бесстрастного и бездушного аппарата.

Кому бы рассказать. Штавдакеру-старшему тут же пришлось употребить максимум влияния, чтоб эта информация осталась только между ним и главным медиком Корпуса. Из медицинских компов всё было тщательно подчищено, он не поленился и проследил лично.

В тот день он не явился ночевать домой первый раз. Объяснениям с супругой он предпочёл вначале бар, потом клуб, а проснулся и вовсе по такому адресу, что вслух не расскажешь.

Разглядывая себя перед зеркалом, он с утра подивился перипетиям бытия: кто б мог подумать, что мужик под полтинник возрастом может в клубе срезать девку, годящуюся ему в дочери. Поначалу были мысли о её меркантильной подоплёке — всё же он был не последним человеком в городе. С него было что взять и деньгами.

Но квартира (и вообще адрес, где он проснулся) исключали материальный интерес дамы по определению: хоть и младшая ветвь, но гораздо более богатого клана, чем сами Штавдакеры. Ещё и ведущего дела более чем в одном муниципалитете.

Новая знакомая оказалась на удивление мудрой и здравой, несмотря на колоссальную (по меркам Пауля) разницу в возрасте. Деликатно не просыпаясь то время, что ему понадобилось для утреннего туалета, она мгновенно открыла глаза, когда он вернулся с кухни с большим кофейником в руках:

— Поговорим? — зелёные глаза смотрели на него так пронзительно, что захотелось запулить поднос с приборами подальше и рыбкой прыгнуть обратно на постель. — Кажется, мы вчера оба перебрали. Давай сюда кофе и садись. — Она похлопала по кровати рядом с собой. — Что у тебя стряслось вообще? И чем ты озабочен в данный момент?

* * *

Новая подруга, помимо четверти века возрастной разницы, отличалась от Хайке ещё и недетскими мудростью и спокойствием. Не впадая в истерики, ни на что не претендуя, за каких-то полчаса она расколупала всю подноготную неожиданного мужского кризиса Пауля, после чего задала сразу несколько правильных вопросов:

— Что ты чувствуешь в отношении Виктора сейчас?

— Ничего, — с удивлением обнаружил вслух он после некоторых деликатных совместных упражнений, на которые они два раза прерывались (ты смотри, могу ещё кое-что — не в первый раз за то утро удивился Штавдакер-старший). — Пустое место. Злобы нет, он-то ни в чём не виноват… Ощущений потери тоже нет. Просто пустое место.

— Что ты думаешь о жене? Извини, что лезу, но как ты видишь совместную жизнь с ней дальше?

— Никак, — проворчал Пауль. — Скандала поднимать, наверное, не буду. Разводиться тоже не вариант — клан автоматом выйдет из топа, так как раздел финансов и…

— Не поясняй, я понимаю, — мягко улыбнулась хозяйка дома и кивнула на стену, где мозаикой был выложен клановый герб её семьи.

— Но отдельный себе дом сниму. — Подытожил мужчина, вздыхая. — И жит начну отдельно. Жаль, что по морде ей надавать не вариант.

— Почему? — подняла бровь Мари.

— А что это изменит? — философски поднял бровь Штавдакер-отец. — Лучше выкинуть из головы и забыть.

— Не снимай пока дом. Останься. — Она снова похлопала по кровати рядом с собой, а Пауль здорово удивился в собственный адрес третий раз за одно и то же утро.

Он так и не рассказал впоследствии никому о том, чему стал единственным свидетелем в мире (за исключением врача и Мари, но это не считается).

Хайке думала, что он повёлся на молодое мясо. Виктор считал

примерно так же. А сам Пауль просто не хотел никому ничего объяснять. Он желал лишь покоя по вечерам, отсутствия скандалов в доме и взаимопонимания без слов. Как с Мари.

Оставался, правда, ещё один сын, Питер. Но их отношения натянулись гораздо раньше, когда старший ребёнок выбрал карьеру полицейского, вместо помощи отцу в семье и бизнесе.

_____

— Давайте опросим задержанного джентльмена? — нейтрально и дружелюбно предложил хозяин принимающего дома. — Моё видение, потом предложение… Кланом Хаас пресечена попытка нападения на несовершеннолетнего доверителя, который находится в состоянии судебной тяжбы и с муниципалами, и с федералами.

— С федералами за что? — по-хозяйски выпалил Брюллоф, тут же пожалев о резкости и прикусив язык.

В самом вопросе ничего крамольного не было, но задавать его следовало гораздо более уважительным тоном. Особенно с учётом инициативы юридического клана, который вообще мог никого ни о чём не извещать.

Грег Хаас выдержал паузу, улыбкой давая понять больше, чем словами. А вслух ответил:

— Преступное бездействие. Федерального правительства в адрес несовершеннолетнего, по ряду пунктов. Извините, детали дела не могут быть предметом нашего обсуждения, ибо кейс в самом разгаре.

Брюллоф примирительно поднял руки и закивал головой во все возможные стороны.

— У меня есть свои вопросы данному джентльмену, — как ни в чём ни бывало продолжил Грег. — Возможно, у вас возникнут свои. Я не счёл возможным утаивать от ключевых представителей Ассамблеи то, что считаю угрозой текущему положению вещей. По мне, это выпад не в адрес нашего доверителя. На его месте может оказаться и кто угодно из наших детей, мало ли, как там в Корпусе сложится.

— Согласен. — Неожиданно поддержал спикера Штавдакер. — Одно дело — наши внутренние тёрки. Или халатность там, с разгильдяйством. И совсем другое дело — плановый отстрел наших детей федералами. Я за общую беседу.

После недолгого обсуждения, трое мордоворотов предъявили уважаемому обществу взъерошенного мужчину во врачебном комбинезоне с чужого плеча.

— Что здесь делает она? — вежливо, но резонно уточнил Брюллоф, кивая в сторону Чоу, которая вошла в комнату для совещаний одновременно с вводом задержанного.

— Это госпожа Чо. Она помогает понять, правду или нет будет отвечать наш собеседник, — предельно вежливо ответил Хаас-старший. — Я раньше не афишировал, но мы регулярно обращаемся к ханьцам, когда надо проверить, стоит ли кому-то верить.

— У меня не было такого опыта, — заозирался по сторонам Штавдакер. — Народ, они что, правда могут вместо детектора…?

— Можем, — ослепительно улыбнулась китаянка, занимая место рядом с Паулем. — Чтоб сэкономить время… Господа, пожалуйста, поднимите руки, кто никогда не пользовался такой нашей услугой. Поясняю: если кто-то ***ещё*** *из вас никогда не обращался к нам для помощи при определении достоверности, просто поднимите руки. — Она победоносно оглядела потупившее взгляд собрание. — Только имейте ввиду, что после этого я лично отрежу тому клану возможность обращаться в Ассоциацию наших врачей именно по этому поводу.*

— А потянешь? — неприязненно вырвалось у соседа Брюллоффа. — За всю ассоциацию решать?

— Давайте проверим? — ещё раз лучезарно улыбнулась китаянка. — Но вопрос ведь не в том. Просто скажите правду соседям по столу: ваши к нам тоже обращались, нареканий никогда не возникало.

— Подтверждаю… — неохотно проворчал старик, опуская взгляд ещё ниже. — Но есть и второй момент. Участвуя в нашем разговоре, они, — кивок в сторону китаянки, — автоматически участвуют и в Ассамблее.

— Мы тоже топовый клан, — чуть удивилась хань. — По обороту финансов так однозначно. Просто раньше не было обстоятельств для наших с вами совместных бесед, поскольку не было совместных интересов. Извините за сложные конструкции, ваш язык мне не родной… И давайте, раз уж так, я буду до конца откровенной: а нам всё равно, с кем договариваться — с вами или с федералами.

— Это понятно. — Не сдержал досады Хаас, мысленно костеря невоздержанного старикашку.

И ведь не объяснишь, что Чоу ЮньВэнь делает сегодня сразу три одолжения местному собранию (а если считать протрезвления самого Грега — то четыре).

— С муниципалитетом, в силу масштаба, договариваться всегда проще. — Безукоризненно вежливо продолжила тем временем хань.

— А потом вы выдавите федералов и сожрёте нас? — не унимался дед. — Как в выборе между крокодилом и львом?

«Он что, выпил?!» — мелькнуло у удивлённого Хааса-старшего.

— Наша экспансия — культурная и невоенная. — Отрицательно покачала головой Чоу, на удивление сохраняя спокойствие. — Вы сами выберете, с кем вам лучше сотрудничать и чьи структуры лучше видеть гарантами безопасности ваших детей на территории.

— Вы как момента ждали, — без негатива констатировал Штавдакер старший.

А у главы клана Хаас неожиданно мелькнула пророческая мысль: все недоразумения и вражда между их кланами — следствие интриг именно этой бабы, его старой жены. А не прямоватого, как рельса, Штавдакера-старшего. Пауль был хоть и грубоват, но всегда конструктивен.

— А мы все и всегда в этой жизни ждём моментов, — серьёзно ответила здоровяку Чоу. — Другое дело, у кого из массы получается этими моментами воспользоваться. Подходящий момент — это только шанс. А уж как он реализуется… — Давайте к делу! — прервал праздную и бесплодную дискуссию хозяин дома. — Мой первый вопрос задержанному…

* * *

Следующая глава в этой книге последняя. Больше книг бесплатно в телеграм-канале «Цокольный этаж»: https://t.me/groundfloor. Ищущий да обрящет!

Глава 27

— … и вы хотите его вот так забрать? — Брюллоф растерянно смотрел на китаянку.

Остальные с любопытством наблюдали за продолжением.

— Обещаю его вернуть в целости и сохранности, в указанное вами время, в нужное место. — Чётко отчеканила в ответ хань. — Ровно в этом состоянии физиологического и психического здоровья, не считая его возможных эмоциональных травм. Не смертельных, — добавила она, подумав и внимательно оглядев выпотрошенного по самые щиколотки (как думали присутствующие) федерала.

Глядя на разворачивающееся действо, она всё это время на автомате прикидывала варианты.

Шестеро непосредственных участников, включая хозяина дома, и белобрысая девчонка (охрану предусмотрительно спровадили из помещения). Все с искрами. Но без иммунитета к ментальному воздействию, которое на её девятом уровне ханьской искры поопаснее их огня с водой и прочими минералами да стихиями. Особенно в замкнутом помещении.

Единичка с его прокачанным мордобоем тут бы вообще развернулся, как слон в посудной лавке: начни местные воевать с ним в закрытом помещении, они прежде всего поджарили бы самих себя.

ЮньВэнь, помимо прочего, в силу специфики искры, умела думать на порядок быстрее, чем все присутствующие, вместе взятые.

Поначалу она праздновала исключительно собственное любопытство, старательно фиксируя попытки пленного уклониться от ответов на прямые вопросы. Но вдруг, на каком-то этапе беседы, её посетила неожиданная мысль: из сложившейся ситуации конкретно ей можно выдавить намного больше.

Терпеливо дождавшись прозвучавших по второму кругу уточнений, а также добросовестно зафиксировав правдивость отвечающего, она честно подвела итог собранию:

— Девяносто процентов. Он сказал девять десятых того, о чём знает или догадывается. Есть ещё процентов десять информации, которую лично он считает релевантной, но вы его пока о ней не спросили. А первым он говорить не будет. Если только не… — китаянка многозначительно поглядела на свои ногти, затем добавила. — Могу сделать ему больно. И страшно. Тело его нисколько при этом не пострадает, зато он расскажет и оставшиеся десять процентов, если вам это нужно. Но потом вы

отдадите его моему клану, для такого же разговора.

Именно после этой её фразы Брюллоф, в процессе общения принявшийся активно демонстрировать элементы симпатии к китаянке, растерянно переспросил, правильно ли он её понял.

— У него есть информация, касающаяся только нас. — Чоу приложила руку к своей левой груди (где, по мнению лаоваев, находилось её сердце, хи-хи). — Я это поняла по его косвенным ответам вам, только сейчас. Даю честное слово, что вас это не касается никоим образом. Решать вам. Просто прошу.

И из теории, и по личному опыту, она отлично знала: у хлопающей длинными ресницами азиатки шансов получить желаемое именно в этом составе Ассамблеи больше, чем у боевой пятёрки её родного клана, дома, в метрополии.

Также, она знала, что правда — самое опасное оружие. Если бы её кто-то спросил, она бы, скрепя сердце, пояснила и всю подноготную своего желания.

Но половина местных клановых озадачилась услышанным и лихорадочно прикидывала, что бы такое попытаться урвать у федерального центра, пользуясь неожиданной оказией.

Вторая половина, в лице Хааса-старшего и Пауля Штавдакера, смотрела на представительницу традиционной медицины востока предсказуемо и ожидаемо, категорически не возражая против «невинной» просьбы.

Старый импотент Брюллоф был единственным камнем, который мог заклинить так хорошо вращающееся колесо в ненужный момент.

— Можем сделать так. — Чоу, якобы в задумчивости, коснулась кисти старикашки, чуть склонившись над столом и открывая тому часть своего декольте. — Вы дадите своего сопровождающего, можно нескольких. Мы буквально на пару часов съездим все вместе в наш офис. Если хотите, от нашей стороны будет вообще один только мой босс, а сам разговор произойдёт в вашей машине.

— В чём подвох? — нервно заёрзал на стуле Брюллов, которого к его великому удивлению неожиданно накрыла давно позабытая эрекция.

— Да никакого подвоха! — искренне удивилась ЮньВэнь, не разрывая тактильного контакта и продолжая посылать определённые импульсы для выработки у старика весьма конкретного типа гормонов.

Всё-таки девятый уровень может немало, поулыбалась она про себя, снаружи продолжая изображать недалёкую службистку.

Хрен этого старого мудака был её самым главным союзником сейчас, до которого, к счастью, удалось достучаться. Она уже

прикидывала, пусть и не всерьёз, как сейчас положит присутствующих. Чтоб вытащить федерала к своим для короткого и очень важного разговора.

— А зачем такие сложности? — Брюллоф уже сдался. Просто сам об этом ещё не подозревал. — Если разговору того, как вы говорите, лишь на несколько минут? Ну пусть ваш человек из офиса подскочит сюда? И тут его хоть распластайте? Хозяин дома же не будет возражать? — с запозданием, увлёкшийся новизной забытых ощущений, дед виновато посмотрел на главу юристов.

— Подарки за чужой счёт — это то, что я и сам обожаю, — понимающе фыркнул Грег Хаас, под такой же точно смешок сидевшего рядом Штавдакера-старшего. — Брюллоф, давай ты у меня в доме не будешь распоряжаться? Предлагаю вежливо и пока культурно.

— Извини… — старик виновато опустил глаза, явно боясь вдохнуть лишний раз.

Чтоб не спугнуть намечающееся на вечер интересное приключение.

— Позвольте вам помочь, в качестве врача. — ЮньВэнь решительно поднялась со своего места.

Затем обошла стол по кругу и впилась пальцами в плечи старикашки. Тот от неожиданности подпрыгнул на месте, но тут же обмяк, растёкся по спинке кресла и расслабленно заулыбался, закрыв глаза.

— У нас, в отличие от вас, чуть иная система принятия решений, — продолжала китаянка под слегка заинтересованными взглядами присутствующих, разминая плечи случайного пациента и переходя к его позвоночному меридиану. — Для вас мы — один клан. Но в реальности, это не совсем так. Компания является продуктом компромисса сразу нескольких наших организаций. Тот человек из нас, для которого информация от него, — небрежный кивок в сторону федерала, — важна, к сожалению, выше меня в нашей внутренней иерархии. На первый взгляд. И если я хочу от него чего-то добиться, мне лучше соблюдать наши ритуалы. Извините. — Она покаянно прижала на мгновение подбородок к груди, затем неожиданно сильно придавила Брюллофа грудью к столу, получая доступ к нижней половине его позвонка.

— Ы-ы-ы-ы-ы… — блаженно выдохнул дед, не открывая глаз и не замечая пузырька слюны, лопнувшего из его левого уголка рта. — Спаси-и-и-ибо-о-о-о…

— Даёте мне ещё ровно минуту, и вам не нужно будет опасаться за сегодняшний вечер. — Буднично и тактично внесла ясность Чоу, под глумливыми и насмешливыми взглядами

остальных.

Плевать. Главное — результат.

— Единственный момент. — Спохватилась она. — Мой босс будет говорить со мной на языке, которого вы не понимаете. Даже в вашей машине.

— Это, кажется, уже вообще не проблема, — насмешливо заметил Хаас-отец, с нескрываемым интересом впившись взглядом в блаженное лицо Брюллофа, продолжавшего пускать пузыри.

Ситуация где-то напоминала гротеск. Но и за рамки приличий не выходила. С другой стороны, кто их знает, этих китайцев? Может, деду и правда срочно нужна какая-то медицинская помощь?

Грег, как и все присутствующие, принял действия Чоу за вовремя и нагло транслируемую рекламу возможностей традиционной китайской медицины.

По раскрасневшемуся лицу старика Брюллофа, по его масляному взгляду в декольте Чоу, все уже поняли, с какой именно проблемой она походя оказала ему помощь. Можно не сомневаться: всеми присутствующими недекларируемый вслух сигнал был принят и понят правильно.

Также, у хань скоро может появиться отдельный ручеёк из клиентов на ниве медицины, в одной весьма деликатной области.

Ни у кого из присутствующих не было профильного образования и подготовки, чтоб понять: ЮньВэнь только что банально качалась.

Она отрабатывала на них, здесь и сейчас, упражнение по снижению критичности мышления незнакомого коллектива. А особо китаянку порадовал тот момент, что даже Анна Хаас, испытывавшая поначалу брезгливость, в конце групповых нейрофизиологических манипуляций в исполнении хань сменила исходных эмоциональный тон на лояльность и расслаюленность.

Ещё через полчаса Чоу, в сопровождении всё той же тройки лаоваев, доставила пленного в местной клановой машине прямо под двери родного офисного здания. Вежливо и с благодарностью кивнув охранникам, она отрицательно покачала головой:

— Не надо его трогать! Мы с ним тут поговорим, при вас. Прямо в машине. Затем его можно будет везти обратно.

Мордовороты после этого заявления зримо и ощутимо расслабились.

— Идиоты, что с них взять. — Философски вздохнула китаянка, быстро набирая номер. — Дядя Ли, спустись срочно вниз со своим коммом. Ты сейчас сам увидишь, кто из твоих стучит местному правительству. Помнишь разговор на той неделе?..

_____

— Как-то слишком легко, нет? — Рени ошарашено хлопал глазами, не веря собственным ушам.

Смешно сказать, но дублирующие агентурные сети именно этой федеральной службы были завязаны на аппарат связи, в Муниципалитете полностью контролировавшийся их Компанией.

— Давай прогоним контрольные вопросы. Ты сам наблюдай за реакцией, плюс транслируй картинку верно. Там разберутся, — флегматично пожала плечами его секретарь.

Он не обольщался на тему того, у кого из них двоих больше полномочий в глазах родины. Но до последнего момента, ЮньВэнь никогда не разговаривала с ним таким тоном.

— Дядя Ли, извини за спешку. — Она как будто почувствовала его опасения.

Хотя какого чёрта. Почему «как будто»? Девятый ранг…

— Мне нужен любой наш, для независимого свидетельства, буде оно понадобится. — Продолжила тем временем девушка. — Ну и комм держи ровно. Пожалуйста. Именно на этой дистанции, в фокусе, это важно.

В присутствии недалёких охранников местного клана, Чоу сейчас в какие-то десять минут вытащила из задержанного местными же федерала столько информации по федеральным программам на муниципальной территории, что бизнесменам хань даже не нужно будет думать о стратегии в данном регионе.

Кажется, плодоносящие здесь деревья бизнеса, говоря образно, вот-вот осыплют своими переспелыми плодами того, кто просто подставит полотно для сбора урожая.

Противоречия имели место не только между местными элитами и центром, но и между различными службами центра. На одной и той же территории.

А данный тип, в силу какого-то их внутреннего сбоя, сейчас смог перечислить и пару основных федеральных сетей влияния (которые Ли про себя без затей называл агентурными), и даже дублирующие.

В сумме с уже контролируемым (местами) аппаратом связи, это давало доступ к реальным рычагам управления территорией. Пусть в части лишь финансов и бизнеса, но большего Поднебесной и не надо.

— Я всё понял. Делаю. — Покладисто кивнул Рени.

А про себя подумал: девочка набирает очки в глазах начальства, сидящего дома. Оно и понятно: в её годы на что ещё тратить время?

Но как, чёрт возьми, ей удалось заполучить в руки такой экземпляр федерала?!..

Старший менеджер Компании, разумеется, отлично понимал: демонстрируемая на людях вертикаль, где он был старшим, с реальностью не имела мало общего.

На самом деле, он тут живёт лишь затем, чтоб обеспечивать таких вот «гостей» из метрополии. И задачи он может ставить своей секретарше только на людях, и только в рамках демонстрируемого всем куска работы.

Реальные же интересы Поднебесной в этих местах управлялись по совсем иным правилам. А Чоу ему сегодня дважды недвусмысленно дала понять, когда следует молча делать, что говорят.

Ли Рени дисциплинированно исполнил отведённую ему роль и выступил в роли независимого свидетеля беседы Чоу с федералом. Попутно фиксируя достоверность отправляемой на один из серверов Поднебесной трансляции.

В случае чего, его задачей будет лишь подтвердить тому, кто может явиться вслед за Чоу: беседа действительно имела место. Трансляция этой беседы действительно велась онлайн, что может подтвердить целый ряд независимых технических параметров. Видимой опасности диаспоре в результате этого демарша нет: местные будут озабочены грызнёй муниципалов с федералами гораздо сильнее, чем фактом общения этого мужика с одним из многих кланов местной Ассамблеи.

Да. Девочке ЮньВэнь удалось то, что, по-хорошему, надо было сделать давным-давно. Она приволокла по всем правилам заверенное цифровыми подписями предложение Компании занять одно из мест в текущей Ассамблее. Это если не считать всего прочего.

****

Общавшийся с Баком сотрудник неназванной вслух федеральной службы в реальности был далеко не так прост, как можно было подумать со стороны.

Откровенно говоря, он принял армейского куратора своего фигуранта более чем всерьёз. Изображая невысокого чином недотёпу, он держал в голове лишь одну цель: убедить куратора в том, что до следующего обеда у того есть время.

К сожалению, федеральные интересы разных организаций встретились в одной точке под углом и прямо противоречили друг другу.

В силу ряда субъективных причин, ему позарез нужен был результат.

До этого, ему местами повезло с контактами и вариантами. Потому результат он собирался дать в течение ближайших суток, то есть, пока министерство обороны по наводке

подполковника Бака будет заниматься выяснением отношений в Столице.

Это было просчитываемо, потому действия поделятся на два театра.

В столице бравые вояки через свой штаб будут штурмовать сразу две другие федеральные службы.

А он тут, на месте, доведёт до конца то, что нужно именно его подразделению. Частично работающему на самих себя в том плане, что держателями акций одного вообще неизвестного в широких кругах акционерного общества были, через подставных лиц, сотрудники этой самой службы.

Когда в колониях обнаруживается ничейная курица, гадящая чистыми алмазами, её надо прибирать к рукам как можно скорее. Басни про единый федеральный интерес и единую политику басни и есть.

Реальные люди всегда отличают цели от инструментов. Цель — жить хорошо самому и гарантировать то же самое своим детям. Если для этого нужно прилюдно орать лозунги — да без вопросов.

Но не идти же, в самом деле, на поводу у вояк? Мало ли, какая научная тема им там важна… Перебьются.

Курица с алмазами может иметь только одного хозяина. И лучше, если это будет закрытая акционерная компания, с крайне ограниченным числом участников. А не аморфное Федеральное Правительство, которое, к тому, же, ещё и регулярно меняет свой состав.

Если безвестному акционерному обществу в перспективе может помешать какой-то сраный пацан, значит, этому пацану не повезло. Главное — занять вояк иллюзией реальных действий всё то время, что требуется для окончательного решения вопроса.